ISSN 2409-336X

BECHIK

Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. А. Куляшова

НАВУКОВА-МЕТАДЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выдаецца са снежня 1998 года

Серыя А. ГУМАНІТАРНЫЯ НАВУКІ (гісторыя, філасофія, філалогія)

Выходзіць два разы ў год

Галоўная рэдакцыйная калегія:

д-р гіст. навук прафесар Д.С. Лаўрыновіч (галоўны рэдактар); д-р філас. навук прафесар М.І. Вішнеўскі (нам. галоўнага рэдактара); д-р гіст. навук прафесар Я.Р. Рыер (старшыня рэдакцыйнага савета серыі А); Л.І. Будкова (адказны сакратар)

Гісторыя:

д-р. гіст. навук прафесар Д.У. Дук (Магілёў) д-р. гіст. навук прафесар К.М. Бандарэнка (Магілёў) д-р гіст. навук прафесар І.А. Марзалюк (Мінск)

Філасофія:

д-р філас. навук прафесар П.С. Карака (Мінск) д-р філас. навук прафесар А.П. Пунчанка (Адэса, Украіна) д-р філас. навук М.С. Конах (Каменскае, Украіна) канд. філас. навук дацэнт В.У. Старасценка (Магілёў) канд. філас. навук дацэнт А.В. Дзячэнка (Магілёў)

Філалогія:

д-р філал. навук дацэнт А.М. Макарэвіч (Магілёў) д-р філал. навук прафесар Т.М. Валынец (Мінск) канд. філал. навук дацэнт Т.Р. Міхальчук (Магілёў) канд. філал. навук дацэнт М.М. Караткоў (Магілёў) канд. філал. навук дацэнт А.С. Лаўшук (Магілёў) канд. філал. навук дацэнт А.В. Доўгаль (Магілёў)

Навукова-метадычны часопіс "Веснік Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.А. Куляшова" ўключаны ў РІНЦ (Расійскі індэкс навуковага цытавання), ліцэнзійны дагавор № 811–12/2014

АДРАС РЭДАКЦЫІ:

212022, Магілёў, вул. Касманаўтаў, 1, пакой 223, т. (8-0222) 28-31-51

3MECT

БАШКОЎ А. А. Археалагічныя крыніцы па вывучэнні шляхецкіх сядзіб	
і рэзідэнцый XVI–XIX стст. на тэрыторыі Беларусі (на прыкладзе помнікаў	
Брэсцкай вобласці)	4
РИЕР Я. А. О роли государственной символики в процессе легитимизации	
первых правителей ВКЛ	12
ГАЛЫНСКІ Р. Д . Тыповыя рамесныя вырабы з Быхава XVI–XVIII стст.	
(па дадзеных пісьмовых і археалагічных крыніц)	20
КУЛАБУХОВА Е. В. Социально-политическое положение Российской	
православной церкви в центральных российских и белорусских губерниях	
в предреволюционный период	29
ПАРХОЦ Д. Г. Этническая идентификация на основе категории <i>gentilis</i>	
в "Апостоле" Ф. Скорины и Чешской Библии 1506 года	37
КРЭНТ Д. А. Даследаванне нацыянальных меншасцей у Беларусі	
ў беларускай савецкай гістарыяграфіі 1920-х гг.	43
ЧАЙКИН С. Н. Материальное обеспечение личного состава тюрем на	
белорусских землях во второй четверти XIX – начале XX в	50
ХОТЕЕВ А. С. Методологические особенности изучения исторической	
периодики (на примере российских исторических журналов второй	
половины XIX – начала XX века)	58
ГУЛЬ Н. А. "Теория арийского вторжения" и ранняя история индоариев	69
КАРАКО П. С. В. И. Вернадский и другие русские космисты: общность	
духовных исканий и особенности их реализации	78
СТАРОСТЕНКО В. В. Особенности региональной структуры и динамика	
развития Белорусской православной церкви в восточной Беларуси в 2000-х гг	
<i>IBAHOЎ Я. Я.</i> Аднафразавасць як лінгвістычная прымета афарыстычных адзінак	98
<i>САДКО Л. М.</i> Малыя і мінімальныя формы ў сучаснай беларускай	
і замежнай паэзіі	
<i>НАВАСЕЛЬЦАВА Г. В.</i> Эмпатычны вектар у беларускім рамане канца XX ст	110
ТРАЦЦЯК 3. І. Спецыфіка ўвасаблення матыву ініцыяцыі ў літаратурнай	
ваеннай спадчыне Дж. Дос Пасаса	117
МАМЕДОВА А. Э. Словообразовательная пара как компонент моделирования	
фрагментов синтезированных лексико-словообразовательных гнезд	
(литературный язык / говоры)	124
ЮБІЛЕЙНЫЯ ДАТЫ	
ДМИТРАЧКОВ П. Ф. Кадровый потенциал исторического факультета	
и его реализация в научно-исследовательской деятельности во второй	
половине XX – начале XXI в. (к 85-летию образования)	130
nonosine 121 na issie 1211 s. (k oo serino oopasobanin)	150
ДЫСКУСІЙНАЯ ТРЫБУНА	
DUED G C Tanderia oto hovico? V potena pocovernanta na tanti	140

ГІСТОРЫЯ, ФІЛАСОФІЯ, ФІЛАЛОГІЯ

УДК 902.2:378(476.7)

АРХЕАЛАГІЧНЫЯ КРЫНІЦЫ ПА ВЫВУЧЭННІ ШЛЯХЕЦКІХ СЯДЗІБ І РЭЗІДЭНЦЫЙ XVI–XIX стст. НА ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСІ (на прыкладзе помнікаў Брэсцкай вобласці)

А. А. Башкоў

кандыдат гістарычных навук, дацэнт Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна

У артыкуле дадзена характарыстыка археалагічных крыніц па вывучэнні шляхецкіх сядзібірэзідэнцый XVI–XIX стст. на тэрыторыі Беларусі. Вопыт вывучэння археалагічнаархітэктурных помнікаў Берасцейшчыны экстрапаліруецца на магчымыя перспектыўныя даследаванні аналагічных помнікаў па ўсёй тэрыторыі Бацькаўшчыны. Вылучаны і разгледжаны асноўныя катэгорыі археалагічных крыніи. якія становяцца аб'ектам вывучэння археолагаў пры комплексным даследаванні сядзібных і рэзідэнцыянальных комплексаў. Асобая ўвага нададзена іх ролі ў рэканструкцыі і інтэрпрэтацыі здабытага матэрыялу і гісторыка-культурных працэсаў. Адзначана, што археалагічныя крыніцы здольныя даць максімальную інфармацыю толькі ў комплексе з іншымі катэгорыямі і відамі гістарычных крыніц. Гэта дазваляе больш дэталёва і аб'ектыўна прааналізаваць месца і ролю шляхецкіх сядзіб і рэзідэнцый у сацыяльна-эканамічным, палітычным і культурным жыцці беларускага грамадства ў эпоху Новага часу.

Ключавыя словы: археалогія, археалагічныя крыніцы, сядзіба, рэзідэнцыя, рэстаўрацыя, архітэктура, Сярэднявечча, Новы час, архітэктурна-археалагічныя даследаванні.

Уводзіны

Павышэнне цікавасці грамадства да сваёй даўніны і ўвагі нашай дзяржавы да захавання гісторыка-культурнай спадчыны спрыяе пашы-

© Башкоў А. А., 2019

рэнню рэстаўрацыйных і ўзнаўляльных прац на знакавых помніках архітэктуры. У гэтым працэсе не апошнюю ролю адыгрывае і пашырэнне інвестыцыйных укладанняў, што, безумоўна, спрыяе аднаўленню і прыстасаванню занядбаных архітэктурных помнікаў. Асобна з іх выдзяляюцца помнікі, якія ўспрымаюцца сёння як транслятары далёкай, але ж і роднай шляхецкай культуры часоў позняга Сярэднявечча і Новага часу. Гэта шляхецкія сядзібы і рэзідэнцыі (сядзібы з яскравымі рэпрэзентацыйнымі функцыямі), якія ўсё больш прыцягваюць увагу не толькі гісторыкаў архітэктуры, мастацтвазнаўцаў, краязнаўцаў, але і археолагаў.

Неад'емнай часткай рэстаўрацыйных і ўзнаўляльных работ на шляхецкіх сядзібах і рэзідэнцыях сталі археалагічныя даследаванні. Гэта прывяло да значнага павелічэння крынічнай базы за кошт здабытага археалагічнага матэрыялу. Аднак гэта тэндэнцыя толькі нарастае ў апошнія дзесяцігоддзі. У прыватнасці, аўтарам артыкула вядуцца актыўныя археалагічныя даследаванні на знакавых архітэктурных помніках Берасцейшчыны. Раней, на жаль, маштабных археалагічных работ на такіх помніках не праводзілася. Толькі з пачатку 80-х гг. XX ст. адзначаюцца прыклады правядзення архітэктурнаархеалагічных даследаванняў на нязначнай колькасці шляхецкіх сядзіб і рэзідэнцый [1, с. 11–13].

На жаль, сёння ў беларускай гістарыяграфіі практычна няма прац па вывучэнні шляхецкіх археалагічным сядзібных i рэзідэнцыянальных комплексаў на тэрыторыі Беларусі. На фоне дастаткова добрага вывучэння старажытных гарадоў, культавых, абарончых і пахавальных комплексаў позняга Сярэднявечча і Новага часу праблема археалагічнага вывучэння шляхецкіх сядзіб і рэзідэнцый застаецца ў цяні. Гэта звязана з прыхільнасцю беларускіх археолагаў да больш ранніх перыядаў нашай гісторыі, а таксама з савецкімі ідэалагічнымі ўстаноўкамі, калі культура "эксплуататарскіх" класаў была па-за інтарэсамі грамадска-палітычнага ладу. Вывучэнне гэтай катэгорыі помнікаў уваходзіла ў сферу інтарэсаў архітэктараў, гісторыкаў архітэктуры, гісторыкаў, мастацтвазнаўцаў і краязнаўцаў.

Прыклады адлюстравання вынікаў археалагічных даследаванняў сядзібных і рэзідэнцыянальных комплексах у навуковых публікацыях з'яўляюцца толькі з пачатку 80-х гг. XX ст. У 80-я гг. XX ст. упершыню ў рамках рэстаўрацыйных работ былі праведзены археалагічныя даследаванні сядзібы Ваньковічаў XVIII ст. па вул. Інтэрнацыянальнай у Мінску. Асноўныя вынікі гэтай працы былі ўзгаданы ў кантэксце гісторыі архітэктурнай спадчыны старога Мінска З. Паздняком у яго кніжцы "Рэха даўняга часу" [2, с. 97-98]. Спроба рэстаўрацыі Троіцкага касцёла – неад'емнага элемента Воўчынскага дварцова-паркавага комплексу – спрыяла правядзенню ў канцы 80-х гг. ХХ ст. беларуска-польскай экспедыцыі па вывучэнні гэтага ўнікальнага архітэктурнага помніка. Вынікі гэтых археалагічных работ былі паказаны ў кантэксце гісторыі жыцця і смерці апошняга караля Рэчы Паспалітай С.А. Панятоўскага і гісторыі самога мястэчка Воўчын [3].

Толькі ў 1996 г. свет пабачыла спецыялізаваная праца В.У. Шаблюка "Сельскія паселішчы Верхняга Панямоння: XIV-XVIII стст." Дадзеная праца стала першым прыкладам комплекснага даследавання дадзенай катэгорыі помнікаў, дзе аўтар разглядаў шляхецкія сядзібы як адзін з тыпаў сельскіх паселішчаў. У выніку аўтар выказаў шэраг важных заўваг адносна тапаграфіі, планіроўкі і архітэктуры феадальных сядзіб. Асобую ўвагу ён надаў вывучэнню археалагічнага матэрыялу, знойдзенага на сядзібах. Аўтар выказаў меркаванні пра пэўнае адзінства і падабенства сялянскай і дробнафеадальнай матэрыяльнай культуры ў вывучаемы перыяд. Акрамя таго,

была выказана заўвага пра пераемнасць сядзібных комплексаў — частая забудова новай сядзібы паверх старой [4]. Такім чынам, праца В.У. Шаблюка стала своеасаблівым "піянерам" у справе станаўлення сядзібна-рэзідэнцыянальнай археалогіі ў Беларусі.

3 пачатку 2000-х гг., у выніку пашырэння і актывізацыі рэстаўрацыйных работ на шляхецкіх сядзібнарэзідэнцыянальных комплексах. павялічылася і доля ўдзелу ў гэтых мерапрыемствах прафесійных археолагаў. У выніку правядзення археалагічных наглядаў і раскопак на такіх аб'ектах з'явіліся публікацыі пра вынікі такіх даследаванняў [5; 6]. У асноўным яны мелі "справаздачны" характар, не ставячы мэту больш шырокага аналізу. Увага надавалася толькі канстатацыі факталагічнага матэрыялу, сабранага ў ходзе археалагічных даследаванняў. Аднак вартасць гэтых прац заключаецца ў назапашванні матэрыялу ў сітуацыі факталагічнага "голаду" адносна дадзенай катэгорыі помнікаў. У будучым дадзены матэрыял безумоўна будзе падключаны да комплекснага вывучэння шляхецкіх сядзіб і рэзідэнцый у Беларусі.

Вопыт археалагічных даследаванняў разглядаемай катэгорыі помнікаў на тэррыторыі Брэсцкай вобласці выкладзены ў шэрагу публікацый аўтара, асноўнай з якой з'яўляецца манаграфія "Шляхетские резиденции Брестчины в свете археологических исследований: Ружаны, Скоки, Коссово, Закозель", якая выйшла ў свет у 2019 г. Прадставіўшы вынікі сваіх археалагічных даследаванняў, аўтар разгледзеў асноўныя этапы вывучэння шляхецкіх сядзіб і рэзідэнцый у Беларусі, даў падрабязную характарыстыку кожнаму археалагічнаму аб'екту і артэфакту, надаў увагу методыцы археалагічных даследаванняў, зрабіў высновы адносна шляхецкай матэрыяльнай культуры, акрэсліў перспектывы далейшых археалагічных даследаванняў на гэтых помніках, а таксама паспрабаваў абгрунтаваць неабходнасць развіцця такога накірунку, як шляхецкая сядзібнарэзідэнцыянальная археалогія [1].

Сёння неабходна заахвоціць маладых беларускіх археолагаў да вывучэння разглядаемай катэгорыі помнікаў і акрэсліць асноўныя накірункі будучых даследаванняў. Важна ў гэтай справе выбраць зыходны пункт. На пачатковым этапе даследаванняў шляхецкіх сядзіб і рэзідэнцый неабходна звярнуцца да крыніц, вывучэнне якіх спецыялізаванымі метадамі дазволіць вучоным зрабіць дэталёвыя рэканструкцыі і аб'ектыўныя высновы адносна гісторыка-культурных працэсаў на нашай Бацькаўшчыне ў эпоху Новага часу. Сёння ёсць аб'ектыўныя прычыны да сістэматызацыі і абагульнення назапашаных матэрыялаў, здабытых у выніку археалагічных даследаванняў.

У дадзенай працы будзе зроблена агульная характарыстыка археалагічных крыніц, якія становяцца неад'емным вывучэння элементам комплекснага шляхецкіх сядзіб і рэзідэнцый у Беларусі эпохі Новага часу. Мы не ставім задачу даць характарыстыку здабытых і інтэрпрэтаваных археалагічных крыніц з канкрэтных помнікаў Брэсцкай вобласці, а зробім акцэнт на тэарэтычным аспекце выкарыстання археалагічных крыніц. Здабыты аўтарам вопыт археалагічных прац на помніках Берасцейшчыны экстапалявацца на магчымыя перспектыўныя працы па вывучэнні аналагічных помнікаў на ўсёй тэрыторый Беларусі.

Асноўная частка

Калі даследчык мае намер вывучыць мінулае, то, безумоўна, натыкаецца на пэўныя зыходныя дадзеныя, якія былі зафіксаваныя ў пісьмовых крыніцах альбо існуюць у межах пэўнага археалагічнага помніка, увасобленыя ў матэрыяльных аб'ектах. Супаставіўшы, удакладніўшы і карэліруючы наяўныя крыніцы, даследчык выходзіць на новы ўзровень. Ён намагаецца канструяваць новыя факты

праз логіку мыслення і разважанні, адначасова імкнецца рэканструяваць і мадэляваць страчаныя элементы аб'ектаў, з'яў і працэсаў. У выніку навука і грамадства атрымоўваюць факты ў выглядзе асэнсаваных і інтэрпрэтаваных дадзеных, прадстаўленых у навуковых працах і публікацыях [7, с. 18].

Аднак варта ўлічваць аб'ектыўную аддаленасць і ізаляцыю вучонага ад гістарычнай рэчаіснасці, якую ён вывучае. Атрыманыя ім факты не заўсёды адлюстроўваюць цэласнасць і аб'ектыўнасць карціны вывучаемых працэсаў. Па прычыне разкіданасці, фрагментарнасці, свядомага і падсвядома скажэння носьбітам і даследчыкам, такія факты правакуюць з'яўленне некампетэнтных і нават памылковых тэорый. У археалогіі гэты феномен атрымаў назву "двайны разрыў: у традыцыях (паміж далёкім мінулым і нашым часам) і ў аб'ектывацыі, г.зн. у формах увасаблення інфармацыі (разрыў паміж светам рэчаў і светам людзей, якім можна карыстацца ў навуцы)" [8, с. 61]. Таму для ліквідацыі недахопаў, атрымання дадатковай інфармацыі неабходна далучаць іншыя крыніцы, якія могуць дапоўніць нашы веды пра аб'ект даследавання і цэламу гістарычнаму перыяду, у якім ён функцыянаваў.

Такім чынам, калі археолаг ставіць перад сабой мэту вывучэння шляхецкай сядзібы альбо рэзідэнцыі Новага часу, ён павінен закласці ў анову сваіх даследаванняў тры абавязковых "каменя"— археалагічныя, пісьмовыя і выяўленчыя крыніцы.

Разгледзім толькі археалагічныя крыніцы.

Каліўлічваць спецыфіку археалагічных прац па вывучэнні шляхецкіх сядзіб і рэзідэнцый, то можна выдзеліць некалькі катэгорый археалагічных аб'ектаў, вывучэнне якіх спецыялізаванымі метадамі пераўтварае іх у археалагічныя крыніцы. Як класіфікацыйны крытэрый можна выкарыстаць умовы іх знаходжання [8, с. 97].

Помнік. Дадзеная катэгорыя разумеецца шырока. У нашым выпадку маем на ўвазе сядзібны (рэзідэнцыянальны) комплекс, які ўяўляе сабой сукупнасць збудаванняў, культурных адкладаў і рэчавага матэрыялу, якія звязаны прасторавым, часавым і гісторыка-культурным кантэкстам.

Збудаванні. Нерухомыя, канструкцыйна простыя альбо складаныя аб'екты адасобленага і спецыяльнага прызначэння, якія функцыянавалі ў некаторы прамежак часу, не заўсёды сінхронна з іншымі элементамі комплексу. Часам фіксуецца змяненне іх функцыянальнага прызначэння і захаванасці ў выніку культурна-гістарычных і прыродных пераўтварэнняў.

Культурны пласт. Пласт зямлі, які ўтварыўся ў выніку жыццядзейнасці чалавека (жыхароў сядзібы і наваколля) і функцыянавання помніка на працягу пэўнага прамежку часу пад уздзеяннем антрапагенных і прыродных фактараў.

Рэчавы матэрыял (артэфакты). Матэрыяльныя аб'екты адасобленага функцыянальнага прызначэння, якія зроблены рукамі чалавека ў адпаведнасці з нормамі культуры і якія можна перамяшчаць у прасторы.

Зробім заўвагі адносна спецыфікі дадзенай катэгорыі крыніц на падставе вынікаў археалагічных даследаванняў тэрыторыі Брэсцкай вобласці. Гэты рэгіён паказальны па колькасці і маштабнасці правядзення археалагічных даследаванняў на шляхецкіх сядзібах і рэзідэнцыях. Пачыная з 1989 г. тут было вывучана 11 аб'ектаў: Завоссе і Карчова (Баранавіцкі р-н), Мерачоўшчына і Косаўская рэзідэнцыя (Івацэвіцкі р-н), Варацэвічы і Дастоева (Іванаўскі р-н), Закозель (Драгічынскі р-н), Ружаны (Пружанскі р-н), Манькавічы (Столінскі р-н), Воўчын (Камянецкі р-н), Скокі (Брэсцкі p-н) [1, с. 11-23]. Даследаваныя помнікі Брэсцкай вобласці ахопліваюць увесь перыяд, які нас цікавіць (XVI-XIX стст.), і адлюстроўваюць усе этапы і асаблівасці эвалюцыі сядзібных і рэзідэнцыянальных помнікаў, характэрных для беларускіх і сумежных тэрыторый у акрэслены час. Таму выказаныя ніжэй заўвагі і высновы можна справядліва праецыраваць на аналагічныя помнікі з іншых беларускіх рэгіёнаў.

Усе шляхецкія сядзібы і рэзідэнцыі, якія сталі аб'ектамі археалагічнага вывучэння, маюць розную ступень захаванасці збудаванняў і культурнага ландшафта. На жаль, не адзін з аб'ектаў не захаваўся ў першапачатковым выглядзе. Апрочтаго, шэраг тэхнагенных, урбаністычных і гісторыка-культурных фактараў паўплывалі на істотнае змяненне не толькі знешняга выгляду, але іх культурнага і прыроднага ландшафту.

Напрыклад, цалкам разбурана зачастка пляцоўкі Ружанскай ходняя рэзідэнцыі Сапегаў, што прывяло да поўнага знішчэння заходняга корпуса рэзідэнцыі і культурных пластоў, якія да яго далучаліся. Практычна ўсю тэ-Воўчынскай рыторыю рэзідэнцыі Чартарыйскіх сёння "паглынуў" шынны двор калгаса, жывёлагадоўчыя збудаванні, прыватная забудова. Усходнюю частку рэзідэнцыі Нямцэвічаў у Скоках займае будынак і двор сярэдняй школы. Тэррыторыя сядзібы Ордаў у Варацэвічах і Дастаеўскіх у Дастоева ўзарана. Толькі некаторыя сядзібы маюць сляды аўтэнтыкі дзякуючы часткова захаваным паркавым зонам (напрыклад. Манькавічы, Закозель, Скокі, Карчова і інш.).

Пры даследаванні сядзібных комплексаў неабходна ўлічваць першапачатковую і сучасную лакалізацыю помніка: па-за населеным пунктам (Дастоева, Варацвічы, Мерачоўшчына, Косава); у населеным пункце (Ружаны, Скокі, Воўчын, Закозель, Карчова, Манькавічы). Аднак тапаграфічная сітуацыя магла змяніцца. Сядзіба, якая была некалі на ўскрайку населенага пункта, сёння можа апынуцца ў яго сярэдзіне (напрыклад, Воўчынская рэзідэнцыя). Усе гэтыя тапаграфічныя і

ландшафтныя змены ў комплексе з іншымі антрапагеннымі фактарамі ўплываюць на змены функцыянальнага прызначэння і захавання сядзібных збудаванняў, фарміраванне культурных пластоў і рэчавага матэрыялу ў ім.

Напрыклад, у памяшканнях Ружанскай рэзідэнцыі ў розныя перыяды функцыянавалі вытворчыя і складавыя памяшканні [9, с. 3–5], збудаванні Скокаўскай рэзідэнцыі былі адаптаваны пад школу і дзіцячы летнік [10, с. 279], палац Пулоўскіх, які панёс страты ў часы Першай сусветнай вайны, у 30-я гг. XX ст. быў аддадзены пад патрэбы староства Косаўскага павета [2, с. 398], у захаванай частцы панскага дома ў Закозелі сёння размешчаны жылыя памяшканні [1, с. 118].

Кардынальна іншая сітуацыя назіралася на помніках у Варацэвічах, Дастоеве, Мерачоўшчыне. Амаль усе збудаванні гэтых сядзіб былі разбураны цалкам. Падмуркі панскіх дамоў у Варацэвічах, Мерачоўшчыне, Завоссі на час раскопак слаба візуальна фіксаваліся археолагамі.

Унікальным прыкладам поўнага сядзібнага **жинершін** комплексу з'яўляецца Дастоева ў Іванаўскім р-не. Ад некалі значнага архітэктурнага комплексу засталася толькі горка камянёў, якія мясцовыя краязнаўцы інтэрпрэтуюць як рэшткі падвала, і невялікі ставок ад ранейшай воднай сістэмы. На дадзеным помніку рэшткі збудаванняў былі зафіксаваны ў выглядзе часткова захаваных каменна-цагляных падмуркаў і фрагментаў драўляных канструкцый. Некаторыя рэшткі збудаванняў прасочваюцца толькі як мацерыковыя ямы [11].

Усе адзначаныя вышэй фактары паўплывалі на захаванасць культурных пластоў. Натуральна, яны маюць пашкоджанні ў выніку "паглынання" тэрыторыі сядзібы больш познімі збудаваннямі ў выніку разрастання населенага пункта альбо адаптацыі тэрыторыі пад гаспадарчыя і вытворчыя патрэбы.

Адаптацыя будынка і тэрыторыі Скокаўскай рэзідэнцыі пад школу прывяла да сур'ёзнага пашкоджання культурных пластоў у выніку пракладкі камунікацыйных траншэй. Акрамя таго, культурны пласт быў значна пашкоджаны карнявой сістэмай пасаджаных дрэў [1, с. 64–68]. Дарэчы, мэтавая лесапасадка другой паловы XX ст. значна пашкодзіла культурныя пласты і рэшткі збудаванняў па ўсёй тэрыторыі рэзідэнцыі Пуслоўскіх у Косаве.

Аднак ёсць асаблівая сітуацыя, калі рэканструкцыя сядзібнага комплексу спрыяла захаванню культурных пластоў больш ранняга часу. Так, у Ружанскай рэзідэнцыі штучная змена ландшафту (падсыпка і выраўноўванне пляцоўкі) пад будаўніцтва 70-х гг. XVIII ст. у адпаведнасці з праектам Я.С. Бэкера прывяла да своеасаблівай кансервацыі ранейшых пластоў і канструкцый першапачатковай рэзідэнцыі Сапегаў XVII ст. [1, с. 61].

У пэўным сэнсе станоўчую сітуацыю для археалогіі можна адзначыць у Дастоеве, дзе, нягледзячы на ўзворванне ўсёй тэрыторыі сядзібы, культурныя пласты на глыбіні ад 20 см захаваліся ў адносна добрым стане. Гэта дазваляе успрымаць помнік як "не забруджаны" пазнейшымі ўздзеяннямі з боку чалавека і прыроды, а значыць, ён становіцца ўнікальным і перспектыўным для шырокамаштабных даследаванняў [11].

Рэчавы матэрыял, які знойдзены ў культурных адкладах сядзібных комплексаў, разнастайны па сваім функцыянальным прызначэнні і захаванасці. Па функцыянальным прызначэнні яго можна падзяліць на катэгорыі.

- 1. Асноўныя канструктыўныя элементы збудаванняў: цэгла, дахоўка, лагі, апоры, перакрыцці і г. д.
- 2. Элементы ўнутранага архітэктурнага інтэр'еру: пілястры, дэкаратыўныя калоны, печкі, каміны і г. д.
- 3. Элементы ўнутранага інтэр'еру: мэбля і яе дэталі, асвятляльныя прыборы, рухомыя дэкаратыўныя элементы (карціны, статуэткі, мазаіка і г. д.).

4. Бытавыя рэчы, гаспадарчага, ваеннага і сакральнага прызначэння.

Па ступені захаванасці археалагічны матэрыял можна падзяліць на наступныя групы: цэлыя рэчы, фрагменты, сляды (дэфармаваныя рэчы, адбіткі, меткі) [8, с. 92–93].

Пасля вывучэння марфалагічных асаблівасцей рэчавага матэрыялу, яго тэхналогіі і функцыянальнага прызначэння, а таксама археалагічнага кантэксту даследчыкі выходзяць на больш высокі ўзровень — узровень гісторыкакультурнай інтэрпрэтацыі. У выніку вучоны праходзіць некалькі этапаў: дэшыфруе мову рэчаў (комплексаў) і іх культурнае значэнне, а затым суадносіць са старажытнымі ідэямі, гістарычнымі падзеямі і працэсамі [8, с. 77–78].

Асобным блокам выдзелім спецыфічную катэгорыю крыніц - насправаздачы вуковыя па выніках археалагічных раскопак. Па сваіх характарыстыках іх можна аднесці да катэгорыі камбінаваных. Але адначасова яны з'яўляюцца пэўным "увасабленнем" археалагічнага помніка, што дазваляе разглядаць іх як археалагічныя крыніцы. Спецыфіка гэтых крыніц заключаецца ў тым, што яны з'яўляюцца наборам рэальных дакументаў (тэкстаў, чарцяжоў, планаў, малюнкаў, фотаздымкаў і г. д.), якія адлюстроўваюць шырокі спектр спецыялізаваных мерапрыемств на канархітэктурна-археалагічных крэтных помніках. У іх кадзіруецца атрыманая інфармацыя і на паперу праецыруецца аб'ектыўны стан помніка. Такім чынам, калі даследчык працуе з дадзенай крыніцай, то ён можа віртуальна, але дастаткова аб'ектыўна, успрыняць матэрыяльныя аб'екты праз абстрактныя і візуальныя вобразы, а таксама тэкставы матэрыял.

Навуковыя справаздачы аб выніках археалагічных даследаванняў шляхецкіх сядзібных і рэзідэнцыянальных комплексаў знаходзяцца ў фондах Цэнтральнага навуковага архіва Інстытута

гісторыі НАНБ (Фонд археалагічнай навуковай дакументацыі). Структура археалагічнай палявой дакументацыі прадугледжвае наяўнасць: кароткай гістарычнай даведкі пра аб'ект вывучэння; дэталёвага апісання ўсіх этапаў палявых даследаванняў; апісання знойдзеных археалагічных комплексаў рэчавага матэрыялу; калекцыйнага вопісу знойдзенага матэрыялу; планаў; чарцяжоў; замалёвак; фотаматэрыялаў; дакументальнага пацвярджэння вынікаў лабараторных даследаванняў і месца захавання археалагічнай калекцыі. Усе гэтыя матэрыялы, якія змяшчаюць адпаведную тэкставую аснову і набор спецыялізаванай палявой дакументацыі, становяцца не толькі інфарматыўнай, але і метадычнай базай. Змест, вопыт і дасягненні археолагаў-папярэднікаў абавязкова павінны выкарыстоўвацца ў актуальных і наступных палявых даследаваннях.

Пры правядзенні аўтарам археалагічных даследаванняў у Ружанах і Косаве ўлічваліся вынікі папярэдніх даследаванняў [12; 13; 14; 15]. Браліся пад увагу: змена тапаграфіі, культурнага і прыроднага ландшафту за прамежак часу паміж даследаваннямі; размяшчэнне раней закладзеных шурфоў і раскопаў; нівелірныя адзнакі; магутнасць і структура зафіксаваных культурных пластоў; захаванасць, будаўнічая тэхніка і канструктыўныя элементы выяўленых канструкцый і аб'ектаў; сабраны рэчавы матэрыял; інтэрпрэтацыі і датаванне папярэдніх даследчыкаў.

Аднак падчас выкарыстання вынікаў папярэдніх даследаванняў неабходна улічваць: час іх правядзення; даступную на той час тэхнічную базу; маштабы і методыку праведзеных прац; прафесіяналізм і суб'ектывізм папярэднікаў.

Адзначым і праблему, якая існуе адносна захаванасці вынікаў археалагічных даследаванняў пачатку 90-х гг. ХХ ст. на помніках Новага часу. Гэта звязана з трансфармацыяй і рэарганізацыяй

праектна-рэстаўрацыйных устаноў, якія замаўлялі такія даследаванні. У выніку мела месца блытаніна ў перадачы і захаванні архіўных фондаў гэтых устаноў [1, с. 14, 129].

Такім чынам, падчас археалагічнага вывучэння шляхецкіх сядзіб і рэзідэнцый Новага часу даследчык акцэнтуе ўвагу на матэрыяльных аб'ектах (археалагічных крыніцах), вывучэнне якіх спецыялізаванымі метадамі дае нам магчымасць фарміраваць гістарычныя факты. Да такіх аб'ектаў мы залічваем:

- 1) штучныя ландшафтныя змены на тэрыторыі самой сядзібы (рэзідэнцыі) і на прылеглым абшары (равы, валы, каналы, дарожныя насыпы і г. д.);
- 2) збудаванні, якія захаваліся і ўваходзілі ў сядзібны комплекс (рэзідэнцыянальны ансамбль);
- 3) культурны пласт з усімі элементамі яго фарміравання (канструкцыі і збудаванні, захаваныя над і пад зямлёй);
- 4) артэфакты (рэчавы матэрыял), знойдзеныя падчас археалагічных даследаванняў культурнага пласта, комплексаў і збудаванняў.

У выніку вывучэння дадзеных археалагічных крыніц даследчык імкнецца максімальна атрымаць ступную інфармацыю пра: гісторыю будаўніцтва архітэктурнага комплексу (ансамбля) і асобных яго аб'ектаў; этапы рэканструкцыі, рэстаўрацыі, рамонту, разбурэння помніка; будаўнічыя матэрыялы і тэхнікі, якія выкарыстоўваліся падчас будаўніцтва і рамонту дадзеным помніку; методыку і тэхніку ўзвядзення земляных канструкцый, якія ўваходзілі ў планіровачную структуру сядзібы (рэзідэнцыі); спецыфіку планіровачнай структуры цэлага комплексу і яго складальнікаў; планіроўку і інтэр'ер асобных будынкаў комплексу; гаспадароў рэзідэнцыі ў розныя перыяды гісторыі; значныя гістарычныя падзеі, якія адбыліся ў розныя перыяды гісторыі функцыянавання вывучаемага аб'екта; узровень і спецыфіку развіцця матэрыяльнай культуры на помніку і ў дадзеным рэгіёне, яго рамесны, вытворчы, гандлёвы і эканамічны патэнцыял, спецыфіку гаспадарчай дзейнасці, а таксама пра асаблівасці выкарыстання асобных катэгорый артэфактаў жыхарамі сядзібы і наваколля.

Заключэнне

Шырокі спектр чакаемых вынікаў даследавання не азначае дамінавання археалагічных крыніц над іншымі. Археолагам не заўсёды ўдаецца дасягнуць пастаўленых мэт і задач у выніку няправільна абранай методыкі палявых даследаванняў, дрэннай захаванасці, неінфарматыўнасці альбо адсутнасці самога археалагічнага матэрыялу, які неабходны для паўнацэннай рэканструкцыі і інтэрпрэтацыі. Акрамя таго, існуюць фактары, якія перашкаджаюць пошуку і вывучэнню неабходных археалагічных крыніц: адсутнасць фінансавання, часу, працоўнай сілы, абсталявання, усяго таго, што перашкаджае правядзенню шырокамаштабнага, комплекснага, а галоўнае якаснага вывучэння сядзібнага альбо рэзідэнцыянальнага комплексу.

Даследчыку неабходна ўлічваць найважнейшае: археалагічныя крыніцы здольныя даць максімальную інфармацыю пра вывучаемы аб'ект толькі ў комплексе з іншымі катэгорыямі і відамі гістарычных крыніц.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

- 1. *Башков, А. А.* Шляхетские резиденции Брестчины в свете археологических исследований: Ружаны, Скоки, Коссово, Закозель: монография / А. А. Башков; М-во образования Респ. Беларусь, Брест. гос. унтим. А. С. Пушкина. Брест: БрГУ, 2017. С. 62
- 2. *Пазняк, 3. С.* Рэха даўняга часу: кн. для вучняў / 3. С. Пазняк. Мінск: Нар. асвета, 1985. 111 с.
- Мілінкевіч, А. Воўчынская гісторыя / А. Мілінкевіч. – Гродна, 2004. – 77 с.
- 4. *Шаблюк, В. У.* Сельскія паселішчы Верхняга Панямоння: XIV—

- XVIII стст. / В. У. Шаблюк; пад рэд. Я. І. Звяругі. Мінск: Беларус. навука, 1996. 199 с.
- 5. Заяц, Ю. А. Работы на реставрируемых и реконструируемых объектах Минска (Лошицкий парк, Лошицкий усадебный дом, Замчище) / Ю. А. Заяц // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Мінск : Беларус. навука, 2013. Вып. 24. 384 с.
- 6. *Собаль*, *В*. Археолага-архітэктурныя даследаванні сядзібы Н. Орды / В. Собаль // Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск : Ін-т гісторыі НАН Беларусі, 2005. № 20. С. 255–257.
- 7. *Мартынов, А. И.* Методы археологического исследования: учеб. пособие для студентов вузов / А. И. Мартынов, Я. А. Шер. М.: Высшая школа, 1998. С. 18.
- 8. *Клейн, Л. С.* Археологические источники: учебное пособие / Л. С. Клейн. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1978. С. 62.
- 9. *Здановіч, Н. І.* Архітэктурна-археалагічныя доследы вежы XVI ст. палаца Сапегаў у мястэчку Ружаны летам 1992 г. / Н. І. Здановіч // ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. Воп. 1. Спр. 1446. 39 с.
- 10. *Гладышчук, А. А.* Нямцэвічы. Сапраўдныя гісторыі: гісторыка-дакументальны нарыс / А. А. Гладышчук. Мінск : ЛіМ, 2009. 288 с.
- 11. *Башков, А. А.* Родовая усадьба Достоевских в свете археологических исследований / А. А. Башков, В. Ю. Пилипович, И. М. Мороз // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Вынікі даследаванняў першабытных і сярэдневяковых помнікаў на тэрыторыі Беларусі (да 120-годдзя з дня нараджэння А. М. Ляўданскага) / навук. рэд.: В. І. Кошман. Вып. 26. Мінск : Беларуская навука, 2015. С. 115—123
- Калнин, В. Историко-архивные и библиографические изыскания по южному корпусу / В. Калнин // Архив проектной документации ОАО "Брестреставрацияпроект". – Минск, 1990. – 35 с. С. 3–5
- 13. *Трусаў, А.* Справаздача аб архітэктурнаархеалагічных даследаваннях у маі –

- чэрвені і ліпені жніўні 1990 г. / А. Трусаў, Н. Здановіч, М. Угрыновіч // Архив проектной документации ОАО "Брестреставрацияпроект". Шифр 2-89. Инв. № 38. Минск, 1991. 130 с.
- 14. *Трусаў*, *А*. Справаздача аб правядзенні архітэктурна-археалагічных даследаванняў у 1989 г. / А. Трусаў, І. Чарняўскі // Архив проектной документации ОАО "Брестреставрацияпроект". Мінск, 1990. 85 с.
- 15. **Федорук, А. Т.** Старинные усадьбы Берестейщины / А. Т. Федорук; ред. Т. Г. Мартыненко. 2-е изд. Минск: БелЭн, 2006. 576 с.

Паступіў у рэдакцыю 18.02.2019 г. Кантакты: bashkow@mail.ru (Башкоў Аляксандр Аляксандравіч)

Bashkou A. ARCHAEOLOGICAL SOURCES IN THE STUDY OF THE NOBILITY ESTATES AND RESIDENCES IN BELARUS IN THE XVI – XIX CENTURIES (regarding the Brest region monuments).

The author characterizes archaeological sources required for the study of the nobility estates and residences located on the territory of the Republic of Belarus in the XVI-XIX centuries. The experience of the archaeological research carried out in the Brest region can be applied to study similar objects in other parts of Belarus. The main categories of archaeological sources are identified and reviewed; they become the object of the study when archeologists research manors and residential complexes. Particular attention is paid to their role in the reconstruction and interpretation of the obtained material and historical and cultural processes. It has been noted that archaeological sources can give maximum information only in combination with other categories and types of historical sources. This will allow making a more detailed and objective overview of the place and role of the nobility estates and residences in the socio-economic, political and cultural life of the Belarusian society in the modern period.

Keywords: archaeology, archaeological sources, estate, residence, restoration, architecture, the Middle Ages, modern history, architectural and archaeological research.

УДК 930.2(476)

О РОЛИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИМВОЛИКИ В ПРОЦЕССЕ ЛЕГИТИМИЗАЦИИ ПЕРВЫХ ПРАВИТЕЛЕЙ ВКЛ

Я. А. Риер

кандидат исторических наук, доцент кафедры романо-германской филологии Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова

В статье проанализировано значение изучения государственной символики в ходе исследования процессов легитимизации власти первых правителей ВКЛ. На наиболее ярких примерах, относящихся к ранней истории складывающегося государства, показаны основные элементы анализа идентификации и самоидентификации власти монарха, основанного на изучении материальных источников (иллюстраций летописей и хроник, сфрагистических и нумизматических материалов) и исследовании нашедшей в них отражение государственной символики.

Ключевые слова: ВКЛ, правитель, герб, символ, легитимизация, власть, сфрагистика, нумизматика.

Введение

В процессе изучения вопросов, связанных с историей государствообразования, а также проблемами легитимизации власти, исследователи зачастую опираются исключительно на данные нарративов, фактически игнорируя сохранившиеся материальные источники, в частности, памятники сфрагистики и нумизматики, а также иллюстративный материал. Вместе с тем, сохранившиеся в них символы, создаваемые правителями для подтверждения своего высокого статуса в глазах социума и международного сообщества, являются одним из немаловажных средств подтверждения легитимности монарха и служат отражением его роли в государстве. Правители как догосударственных образований, так и сложившихся государств издавна стремились подчеркнуть свой высокий статус. При этом они активно использовали всевозможные символичные средства, включающие коронацию, церковные ритуалы, костюм, а также получение в ходе коронации таких символов королевской власти, дарованной Богом, как скипетр и держава. Благодаря символам легитимности монарха, сохранившимся на средневековых иллюстрациях к хроникам, сфрагистических и нумизматических материалах (печатях или монетах) можно сделать вывод о процессе эволюции власти правителя в определенном обществе, а также проследить преемственность традиций, используемых на изучаемых территориях.

Основная часть

Большой проблемой отечественной истории является катастрофически малое количество материальных свидетельств эпохи первых правителей ВКЛ, особенно в XIII-XIV вв. Поэтому достаточно трудно проследить эволюцию символов, использовавшихся ими или их окружением для указания их статуса. Тем не менее можно использовать иллюстрации хроник, относящихся к указанному периоду и позволяющих, хоть и в определенной степени, судить о подобных процессах. Кроме того, важным свидетельством уровня идентификации и самоидентификации правителя являются геральдические символы, сохранившиеся на нумизматических и сфрагистических материалах рассматриваемого периода. При их изучении первоочередное внимание следует уделять таким важным атрибутам власти, как костюм правителя, наличие и особенности его регалий, а также общей традиции символики.

Показателем высокого статуса в обществе издавна являлся головной убор. При этом настоящим венцом королевской и царской власти считается корона. Ее вариантом для первых правителей ВКЛ являлась также "стема" – золотой обруч, над которым крепилась металлическая

или крестоподобно сложенная дужка с крепящимся в ее пересечении крестом. Под стему часто надевалась шапочка из ткани, обычно пурпурного цвета. Такого типа короны являлись типичными для представителей королевской власти государств Западной Европы вплоть до XV в. [1, с. 46].

Немаловажным элементом идентификации правителя являлось его одеяние. На костюм великого князя Литовского на первых этапах формирования государственности большое влияние оказали византийская и западноевропейская культуры. При этом необходимо отметить, что важным атрибутом костюма верховного правителя становится мантия. Еще в Статуте Константина Багрянородного есть указание на то, что она является необходимой и даже главной эмблемой императорской власти. В средневековой Европе пурпурная мантия считалась олицетворением королевской власти наряду с короной, а ее декорация мехом часто также подчеркивала не только высокий статус, но даже легитимность правителя [1, c. 47].

Судить о наличии такого костюма и его соответствии тогдашним понятиям по вещественным свидетельствам (например, останкам захоронений до эпохи Ягайло) нельзя. До этого времени богатое княжеское одеяние и символы власти великий князь по языческому обычаю забирал с собой в мир иной. Сохранилось описание погребения Ольгерда, согласно которому великий князь был сожжен вместе с лучшим конем, в рыцарских доспехах, украшенных драгоценными камнями, в пурпурной мантии, вышитой золотом, и с расшитым серебром поясом [2, с. 24].

Вместе с тем, начиная с эпохи Ягайло и Витовта, мы располагаем более детальными свидетельствами костюма правителя. Показательным при этом является описание возведения Витовта на престол: "...при бытности Ягейла кроля и кролевой и всего сенату полского на

столицу Великого князства Литовского, Витолт на мейстат был проважен в костеле святаго Станислава в замку Виленском и там подвышшоный Витолт от Андрея Возилока, бискупа виленского, и был убранный в шапку княжую и шаты к таму належачие, там же ему меч голый и посох маршалок литовский великий и печеть княжую отдавал ведлуг звычаю, также и Анна княжна его з ним была поднесена як княгиня литовская. По том триумфъ кротофили, церемониям тым служачие и належитые, кроль и Панове литовские отправовали, будучи все рады покою, который при Витолте сподевалися..." [3, с. 69]. Таким образом, во время церемонии коронации, которая, кстати, проходила уже по христианской традиции, отличной от существовавшей ранее языческой, новый правитель получил все необходимые атрибуты власти - "княжескую шапку", меч, посох и печать [4, с. 122].

Кроме того, ярким свидетельством костюма и регалий правителя ВКЛ начала XV в. может служить надгробие Ягайло, сохранившееся на королевском Вавеле в Кракове. Строгий и величественный монарх, лежит на своем ложе, в королевской короне, в его руках — необходимые атрибуты власти, служившие ему верой и правдой при жизни, и сохранившие свое значение в мире ином.

Если для эпохи Ягайло и Витовта идентификацию легитимности правителя отчетливо можно проследить по значительному количеству иллюстративного материала, то для предыдущего периода видится целесообразным привлекать обобщенные изобразительные свидетельства и символические изображения правителей, сохранившиеся в летописях или хрониках. Одним из наиболее ценных иллюстративных источников является "Радзивилловская летопись", созданная в одном из крупнейших центров на восточнославянских землях ВКЛ [5, с. 140]. Большое количество иллюстраций летописного свода, в том числе относящихся к древнерусско-

му периоду, отображают традиции ВКЛ, свидетельствуют о восприятии правителя и социума с точки зрения создававшего их летописца и характеризуют царившие в его эпоху представления о монархе. Детальный анализ иллюстраций, выполненный белорусским исследователем Ю. Боханом, а также А. Борвеновой, свидетельствует о том, что художник изображал героев древнерусской истории и представителей княжеской власти в сфере реалий и традиций, характерных для ВКЛ XV в., что нашло отражение как в вооружении, так и в одеянии персонажей (костюме) [6, с. 49]. При этом особого внимания заслуживают изображения регалий правителей, в которых можно также найти черты готического западноевропейского костюма XIII-XIV вв. Таким образом, можно составить представление о том, как выглядели представители знати через призму иерархии важнейших атрибутов власти.

Особую значимость представляет изображение полоцкого князя Всеслава, переправляющегося через Днепр для переговоров с киевскими князьями. На нем - корона западноевропейского образца с трилистником, отороченная мехом мантия. Такие головные уборы были распространены в Германии и Польше. На иконе "Три короля" Михаэля Хабершрака (1473 г.) младший король изображен именно в таком же головном уборе, как и князь Всеслав Чародей на иллюстрациях Радзивилловского летописного свода [6. с. 64]. Всеслав является резкой противоположностью другим древнерусским правителям, изображенным на остальных иллюстрациях в княжеских шапках. Интересно, что именно для полоцкого князя летописцем была выбрана корона как символ легитимности. Очевидно, что во время создания Радзивилловского свода и работы над иллюстрациями, а именно в XV в., существовало устойчивое представление о неотъемлемом атрибуте власти верховного правителя, который находил отражение в таком обязательном символе суверенности, как корона [7, с. 140-142].

Весьма показателен образ Великого Княжества Литовского и его правителей, который воплотился в уникальном памятнике Московской Руси 3-й четверти XVI в. – Лицевом летописном своде, созданном по повелению московского царя Ивана Грозного. Символом суверенной власти в миниатюрах Свода выступает "древнерусская княжеская шапка". Ее наличие – неотъемлемый атрибут суверена, который соотносится московскими книжниками со "своей" государственной традицией. Полностью по древнерусскому канону изображены на миниатюрах Миндовг и его сын Войшелк. Ольгерд и его сыновья изображены в так называемых "литовских" княжеских шапках. Однако те дети Ольгерда, которые приняли православие и княжили в восточнославянских землях, на последующих иллюстрациях одеты как русские князья. Особый, отличный от всех головной убор изображен на великом князе Витовте. Правитель увенчан золотым сферическим венцом с дуговым орнаментом. Создатели Лицевого летописного свода изображали его в королевской короне, признавая, таким образом, за ним королевское достоинство, хотя в реальности он так и не был коронован. Весьма показательно, что все европейские правители - Сигизмунд Люксембургский, король Ягайло и другие монархи, изображенные на миниатюре, иллюстрирующей съезд по коронации Витовта в Троках и Вильно в 1430 г.. – изображены в таких же золотых венцах, как и Витовт [8, с. 149-155].

Пристального внимания заслуживают также княжеские печати, являющиеся неопровержимым доказательством легитимности правителя. Так, они могут помочь в раскрытии вопроса о самоидентификации правителя в данный период времени. Подобная тенденция прослеживается на белорусских землях со времен существования Древнерусского государства и сохраняется во времена складывания ВКЛ. Правда, период формирования и начального развития нового государства характеризовался двумя тенденциями. С одной стороны, сохранялись местные традиции геральдических знаков, с другой - имело место привлечение западноевропейских элементов [9, с. 13]. Первая печать, известная в историографии, относится еще ко времени правления Миндовга. Несмотря на то что до сих пор подлинность его печати, найденной на дарованной грамоте Немецкому ордену, вызывает сомнения исследователей, даже ее возможная подделка ярко свидетельствует о наличии подобного атрибута власти у первого правителя ВКЛ, а также о том, что соседние государства признавали легитимность данного правителя, а также подтверждает принципиальное наличие у него такого символа власти. Так, на печати изображен Миндовг, сидящий на троне с регалиями, характерными для правителя той эпохи.

Неоспоримым является наличие подобных знаков отличия для правителей ВКЛ последующей эпохи. Так, Гедимин пользовался печатью с изображением конного рыцаря и копья. Причем с конца XIV в. этот сюжет стал одним из самых популярных сюжетов, используемых на гербовых печатях представителей правящей династии [10, с. 153].

В целом печать имела определенное сакральное и смысловое значения. По сведениям Хроники Литовской и Жемойтской, печать являлась одним из необходимых атрибутов во время коронации, возведения на престол. Летописец, описывая коронацию Витовта, писал: "... в костеле светаго Станислава в замку Виленском... подвышоный Витолт ... печать княжую отдавал, ведлуг звычаю... [11, с. 40]. Таким образом, присутствие печати среди необходимых для ритуала коронации атрибутов свидетельствует о том, что она являлась символом власти и символом юридической легитимности правителя. Причем князья, принявшие католичество, первыми стали использовать печати с латинским шрифтом. А некоторые из них одновременно использовали как печати с латинскими, так и с кириллическими надписями. Как пример можно привести младшего сына Ольгерда Свидригайло или сына Кейстута Жигимонта [11, с. 34].

Отдельно хотелось бы выделить тронную печать Витовта, которая была зафиксирована на документах 1407, 1412-1430 гг. На ней изображение самого князя с митрой на голове, в правой руке берло, в левой – щит с гербом "Погоня" [9, с. 141]. В этой связи необходимо отметить, что гербу отводилось особое внимание на любой печати или иных государственных, княжеских символах. Герб правителя являлся отражением его самоидентификации как наследника правящей династии, а также идентификации его в глазах современников как представителя властной структуры. Герб ВКЛ возникал не просто как светский геральдический атрибут, но как важнейший элемент культуры и традиции. Претензии на легитимность и суверенитет правления Витовта весьма красноречиво отражают надписи на его малых печатях с изображением герба Погони. Первый тип малой конной печати использовался им с 1407 по 1419 г., второй – с 1414 по 1418 г., третий – с 1420 по 1430 г. На всех печатях изображен конный всадник с занесенным мечом в правой руке и изображением знака "Колюмны" на щите на левой руке. Но самое главное - надписи. Если на печати первого типа Витовт титулован просто как князь Литовский, то уже на второй "Божьей милостью князь Литвы". На печати третьего типа помещена надпись следующего содержания: "Божьей милостью Великий князь Литвы". Таким образом, Витовт был представлен не просто как князь, а верховный суверенный властелин. При этом своей властью он обязан не польскому королю Ягайло, а самому Богу [12, с. 127].

В целом на развитие геральдической традиции ВКЛ оказали влияние несколько исторических традиций. Во-первых, литовско-белорусские земли в этот пе-

риод времени имели тесные контакты с Западной Европой, включая Немецкий орден с его сложившейся иерархией рыцарства. Для данной традиции было характерно портретное изображение князя на троне, или на лошади, или пешего. Вместе с тем внутри самого государства — ВКЛ — были сильны исторически сложившиеся тенденции древнерусской геральдической культуры. Об этом свидетельствуют не только кириллические надписи, но и изображения клеймового типа [10, с. 153].

Преобладающей оказалась западноевропейская традиция, что было обусловлено внешнеполитическими условиями, в которых развивалось ВКЛ, в частности заключение Кревской унии. С этого момента можно говорить об усилении западноевропейских геральдических традиций и о преобладании изображения конного рыцаря с мечом [13, с. 61-81]. По мнению ряда исследователей, образ святого всадника появился еще в XIII в. в процессе складывания ВКЛ, но корни его относятся к еще более древней символике. Одним из наиболее важных источников появления такого символа на государственном гербе могла стать византийская христианская традиция, которую в определенной мере приняли первые правители нового государства [14, с. 293]. Вместе с тем нельзя недооценивать и западноевропейское влияние на складывание местных геральдических символов. На территории Западной Европы печать с изображением наездника появилась, по мнению польского исследователя геральдики и сфрагистики С.К. Кучинского, с XI в. Рыцарь на коне, скачущий на лошади, с мечом или другим оружием в руке, часто являлся иконографическим отображением образа князя ("dux") [9, с. 131]. В обычаях того времени изображение рыцаря-властителя на лошади могло играть роль символа готовности к сражению за правое дело. И именно в этом виде оно появлялось на печатях и монетах.

В процессе развития геральдики всадник был положен в основу династического

герба Гедиминовичей. При этом изображение всалника с поднятым копьем или копьем наперевес было достаточно распространено среди представителей правящей династии ВКЛ. Вместе с тем нельзя говорить об окончательном формировании геральдического концепта власти для конца XIV в. Доказательством этому служит неустойчивость гербового изображения Ягайло, которая могла варьироваться. В 1386 г. появляется первая государственная королевская печать короля Ягайло. На гербовом щите, кроме польского орла и гербов польских воеводств, можно увидеть изображение вооруженного всадника, но не с мечом, а с копьем наперевес. В левой руке он держит щит с шестиконечным крестом [15, с. 138].

Тем не менее, самым распространенным стал вариант с всадником, держащим копье вместо меча, или всадником, под копытами лошади которого погибает змей. Последнее изображение видится весьма символичным, так как в змее можно увидеть метафорическое изображение "дьявольской веры" - язычества литовцев, которое побеждает новый христианский правитель. На большой тронной королевской печати Ягайло 1388 г. изображен именно такой вариант Погони. Слева вверху над изображением короля мы видим изображение всадника, но уже с мечом, занесенным над головой для удара. В его левой руке – щит с шестиконечным крестом, под копытами коня - изображение крылатого дракона [15, с. 138]. Показательны в связи с этим и иллюстрации к "Книге императора Сигизмунда", написанной Эберхардтом Вендеке (1380–1440), его приближенным, вскоре после смерти императора в 1437 г. [16, с. 46-70]. На иллюстрациях, имеющих отношение к истории Литвы, с изображением герба ВКЛ "Погоня" символ государства приведен в двух вариантах. В одном случае всадник держит обнаженный меч, в другом - копье наперевес.

Именно во времена правления Ягайло формируется личный герб "бойча" с изо-

бражением сдвоенного креста, являвшегося византийским христианским знаком, символизировавшим победу христианской традиции в политике и воззрениях правителя ВКЛ. В православной традиции сдвоенный патриарший крест считается символом победы над язычеством [10, с. 154]. О том, что именно такое идеологическое наполнение имела данная символика, красноречиво свидетельствует концепция фресковых росписей каплицы Святой Троицы в Люблинском замке, выполненная по заказу Ягайло православными художниками-фрескописцами с земель ВКЛ во главе с мастером Андреем в византийско-русском стиле. На юго-западной стене каплицы выполнено изображение Богородицы с Христом-Эммануилом. Перед Богоматерью на коленях изображен король Ягайло и Святой Михаил. Фигура короля как бы возносится к Богородице. В той же каплице есть еще одно изображение Ягайло. Король на коне показан в соответствии с иконографической схемой Святого Георгия Победоносца. Одной рукой Ягайло сжимает копье, другой держит щит с изображением шестиконечного креста [17, с. 69]. Не подлежит сомнению, что на данных изображениях фигура правителя выступает символом сакральности власти, укрепленной традицией. В эпоху Ягайло и Витовта на землях, вошедших в состав ВКЛ, богоизбранности монарха придавалось, как упоминалось выше, особое значение. А герб воспринимался не только как политический атрибут власти, но и как сакральный символ, один из вариантов изображения Святого Георгия [10, c. 139].

Еще одним значительным символом легитимности власти для правителя мог явиться выпуск собственных денежных единиц. Владимир Святославович, "Креститель Руси" использовал данный способ идентификации своего положения в государстве. Монеты, выпущенные в период его правления, фактически не являлись предметом острой экономической необходимости, а были, скорее, вопросом

престижа и авторитета. Так, на серебряных ("сребреники") или золотых ("златники") монетах, появившихся в период его правления, можно обнаружить портрет самого Владимира Святославовича с одной стороны и трезубец как символ правящей династии с другой, а также надпись в легенде: "Владимир на престоле, а это его серебро (золото)". Отчеканенная по византийскому образцу, монета являлась символическим отражением авторитета и суверенитета правителя, подчеркивающим его высокий статус и прочное положение в государстве. Примечательно и то, что изображен был Владимир в византийской императорской тоге не просто как князь, но как император, базилевс. Этот момент является очень интересным с точки зрения вопроса самоидентификации Владимира, а также свидетельствует об авторитете византийской традиции среди правителей Руси [18, с. 104-110].

Так как чеканка монеты была прерогативой верховной власти, выбор изображений на монетах являлся ее привилегией. Несомненны важность и, можно сказать, даже сакральность изображения правителя. Основным выразителем подобной значимости является корона. На первых монетах древнерусского периода оно обязательно присутствует на фигуре правителя. Правда, в отличие от византийских монет с символичным изображением монарха, для Владимира Святославовича была характерна индивидуализация образа, подчеркнутая наличием родового знака [19, с. 27].

Аналогичную попытку показать легитимность своего правления можно встретить и в период правления первых князей ВКЛ (в частности, Ольгерда или Витовта). До этого времени не было засвидетельствовано попыток наладить выпуск собственных монет, и первые образцы литовской нумизматики относятся к концу XIV–XV вв. На ранних монетах, грошиках и полугрошиках ВКЛ с надписью "Печат" по иконографии присутствует крест и меч, который мог символизи-

ровать неотвратимость Божей кары для грешников. Такие монеты чеканились Ольгердом в самом конце его правления и датируются временем не ранее 1372 г. [20, с. 182–185].

Весьма показательна символика князей Великого Княжества Литовского позднейшего периода. На тех из них, которые чеканились по приказу Витовта, расположено изображение Колюмнов, крест и наконечник копья. Есть различные интерпретации данной символики. При этом достаточно обоснованной является теория В.А. Юргенсона, согласно которой крест и наконечник копья были олицетворением святого Меркурия, культ которого был широко распространен в Смоленске. Таким образом, помещение на монетах Колюмн и наконечника копья с крестом могло являться олицетворением Витовта и его жены Анны Смоленской. На монетах Ягайлы был изображен Лев, являющийся, как известно, символом Христа. Лев символизировал "Христа в славе" и представлял собой символ триумфальной правды христианской веры [20, с. 182-184].

Заключение

Таким образом, материальные свидетельства власти первых монархов ВКЛ являются важным отражением легитимности их правления. Они находят отражение в изображении регалий и атрибутах правителей, сохранившихся как в вещественных артефактах, так и в иллюстративном материале. В атрибутах княжеской власти первых правителей ВКЛ отчетливо прослеживаются две традиции. Это, во-первых, византийская, сохранившаяся на данных землях в несколько измененном виде со времен существования Древней Руси и связанная с традициями государственности на белорусских землях в предыдущий период. Во-вторых, западноевропейская традиция, знакомство с которой осуществлялось не только посредством дипломатических контактов, но также постоянным обращением к Польше и Немецкому ордену, несомненно, оказавшими свое влияние на проходившие на территории ВКЛ политические и культурные процессы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1. Барвенава, Г. Тураўскі кароль Яраполк і каралева Кунегунда (паводле мініяцюр "Кодэкса Гертруды") / Г. Барвенава // Комплекснае даследаванне фальклору і этнакультуры Палесся : матэрыялы ІІ Міжнар. навук. фальклорна-этналінгвістычнай канф., Мінск, 14–15 красавіка 2005 г. : з нагоды 220-годдзя З. Даленгі-Хадакоўскага (Адама Чарноцкага), 1784–1825 / рэдкал.: В. Ліцьвінка (уклад.) [і інш.]. Мінск: БДУ, 2005. С. 46–51.
- Пятраўскас, Р. Літоўская знаць канца XIV–XV ст.: склад – структура – улада / Р. Пятраўскас. – Смаленск : Інбелкульт, 2014. – 386 с.
- 3. Полное Собрание Русских Летописей / АН СССР, Ин-т истории. М.: Наука, 1975. Т. 32: Хроники Литовская и Жмойтская, и Быховца / сост. Н. Н. Улащик. 430 с.
- 4. *Риер, Я. А.* Механизмы сакрализации и легитимизации власти на землях Беларуси на первых этапах становления государственности / Я. А. Риер // Романовские чтения XII : сб. ст. Междунар. науч. конф. / под общ. ред. А. С. Мельниковой. Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2017. С. 122—123.
- 5. Радзивиловская летопись: в 2 т. Факсимильное воспроизведение рукописи. СПб.: Глаголь; М.: Искусство, 1994. Т. 1—2.
- 6. *Барвенава*, *Г. А.* Тэкстыль сярэднявечча на землях Беларусі / Г. А. Барвенава. Мінск : Беларус. дзярж. ун-т культуры і мастацтваў, 2008. 246 с.
- 7. **Чернецов, А.** Радзивиловская летопись / А. Чернецов // Свитязь. Минск, 1989. С. 139–147.
- 8. *Мартынюк, А. В.* История Великого княжества в миниатюрах Лицевого летописного свода XVI века / А. В. Мартынюк // Lietuvos pilys. 2010. № 6. S. 149–163.

- *Цітоў, А.* Сфрагістыка і геральдыка Беларусі / А. Цітоў. – Мінск : РІВШ БДУ, 1999. – 176 с.
- Шаланда, А. Генезіс "Пагоні" дзяржаўнага герба Вялікага княства Літоўскага, Рускага і Жамойцкага / А. Шаланда // Bialoruskie zeszyty historyczne. – 2001. – № 16. – S. 152– 158
- Цітоў, А. Пячаткі старажытнай Беларусі: нарысы сфрагістыкі / А. Цітоў. – Мінск: Полымя, 1993. – 239 с.
- 12. *Полехов, С. В.* Наследники Витовта. Династическая война в Великом княжестве Литовском в 30-е годы XV века / С. В. Полехов. М.: Индрик, 2015. 712 с.
- 13. Дзярновіч, А. І. Тытул Вялікіх князей Літоўскіх: дзе месца рускай традыцыі? / А. І. Дзярновіч // Ukraina—Lithuanica / рэдкал.: М. Катляр [і інш.]. Киів, 2013. Т. 11. С. 61–81
- 14. Алпатов, М. В. Образ Георгия-воина в искусстве Византии и Древней Руси / М. В. Алпатов // Тр. отд. древнерус. лит. / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); отв. ред. И. П. Еремин. — М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1956. — Т. 12. — С. 292—310.
- 15. *Насевіч, В. Л.* Беларусы: станаўленне этнасу і нацыянальная ідэя / В. Л. Насевіч. Смаленск : Інбелкульт, 2015. 526 с.
- 16. *Наумов*, *Н*. Политический язык Эберхарда Виндеке [Электронный ресурс] / Н. Наумов // Vox medii aevi. 2018. Vol. 1(2). С. 46–70. Режим доступа: http://voxmediiaevi.com/wpcontent/uploads/2018/08/VMA_2018_VOL2_46_70_NAUMOV.pdf. Дата доступа: 06.03.2019.
- 17. Дуко, Я. В. Мужчынскі касцюм прадстаўнікоў вышэйшага саслоўя Вялікага княства Літоўскага канца XIII— XV стст. / Я. В. Дуко // Сб. работ 65-й науч. конф. студентов и аспирантов Белорус. гос. ун-та: в 3 ч. / отв. за вып.

- А. Г. Захаров. Мінск : БГУ, 2008. Ч. 1. С. 68–73.
- 18. *Риер, Я. А.* Владимир и престол: об институционализации власти "крестителя Руси" / Я. А. Риер // Ученые записки УО "ВГУ имени П. М. Машерова": сб. науч. тр. Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2018. Т. 26. С. 104—110.
- Соболева, Н. А. Очерки истории российской символики: от тамги до символов государственного суверенитета / Н. А. Соболева. – М.: Яз. славянск. культур, 2006. – 488 с.
- 20. *Юргенсон*, *В. А.* Монеты Ягайло и Витовта / В. А. Юргенсон // Вялікае княства Літоўскае і яго суседзі ў XIV— XV стст. саперніцтва, супрацоўніцтва, урокі: да 600-годдзя Грунвальдскай бітвы : матэрыялы Міжнар. навук. канф., Гродна, 8–9 ліп. 2010 г. / уклад.: А. І. Груша, С. В. Марозава. Мінск: Беларус. навука, 2011. С. 182–185.

Поступила в редакцию 11.04.2019 г. Контакты: morgana_89@mail.ru (Риер Янина Александровна)

RIER Y. ABOUT THE ROLE OF STATE SYMBOLS DURING THE PROCESS OF LE-GITIMIZATION OF THE FIRST RULERS OF THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA.

The article deals with the analysis of state symbols during the investigation of the processes of legitimization of the first rulers of the Grand Duchy of Lithuania. The author shows the most prominent examples concerning the early history of the developing state and points out the main elements of the analysis of a ruler's power identification and self-identification. The research is based on the study of the material sources – the illustrations from annals and chronicles, sphragistic and numismatic materials – as well as on the investigation of state symbols that could be found out with the help of these sources.

Keywords: The Grand Duchy of Lithuania, coat of arms, symbol, legitimization, power, sphragistics, numismatics.

УДК 902(476.4)"15/17"

ТЫПОВЫЯ РАМЕСНЫЯ ВЫРАБЫ 3 БЫХАВА XVI-XVIII стст. (па дадзеных пісьмовых

і археалагічных крыніц)

Р. Д. Галынскі магістр гістарычных навук, аспірант Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. А. Куляшова

Як у любым еўрапейскім горадзе XVI-XVIII стст., у Быхаве рамесная дзейнасць займала ключавое становішча сярод усіх прафесійных заняткаў. У лік рамесных спеиыяльнасией уваходзіла не толькі вытворчасць, але і сфера паслуг. Рамеснікі з Быхава ў XVI–XVIII стст. працавалі з футрам, скурамі, тканінай, металам і дрэвам. Яны выраблялі зброю, займаліся будаўніцтвам і вытворчасию прадуктаў харчавання.

Ключавыя словы: Быхаў. рамесніцтва, прафесіі, заняткі, спецыялізацыя, металаапрацоўка, шкловытворчасць, ніцтва, будаўнікі, археалогія, пісьмовыя крыніцы, іконаграфічныя крыніцы.

Уводзіны

Жыццё феадальнага горада залежала ад гандлю, грашовага абароту і рамеснай вытворчасці. Разглядаецца комплекс рамесных спецыяльнасцей без аналізу сацыяльнага фактару (этнічная, канфесійная і маёмасная), але звяртаецца ўвага на комплекс археалагічных калекцый, якія можна звязаць з рамяством і вытворчасцю. Часткова будзе разгледжана цэхавая прыналежнасць рамеснікаў.

Значнасць рамесніцтва была даказана як навуковымі даследаваннямі, так і пры вывучэнні археалогіі гарадоў [1, c. 86].

падчас Рэдка выпадае выявіць археалагічных раскопак рамесніцкія майстэрні. Быхаў не з'яўляецца выключэннем. Гэта звязана з тым, што ўсе майстэрні, у якіх выкарыстоўваўся адкрыты агонь (кузні, гуты, горны і інш.), імкнуліся будаваць на максімальнай адлегласці ад жылой забудовы. Сыравіна і адходы вытворчасці з майстэрань, у якіх апрацоўвалі дрэва, тканіны, скуру і інш., вельмі дрэнна захоўваюцца.

Асноўнымі археалагічнымі крыніцамі (пры адсутнасці слядоў майстэрань) выступаюць знаходкі прылад працы, паўфабрыкатаў і нарыхтовак, запасаў сыравіны, адходы вытворчасці і брак. Часткова аб наяўнасці пэўных майстроў сведчыць і гатовая прадукцыя. Акрамя археалагічных крыніц, значную ролю ў рашэнні пытання наяўнасці рамеснай вытворчасці адыгрываюць пісьмовыя і іконаграфічныя крыніцы.

Пры аглядзе масавага археалагічнага матэрыяла, якім з'яўляюцца кераміка і некаторыя артэфакты з металаў, нельга з упэўненасцю пацвярджаць яго мясцовы выраб. Толькі калі гаворка ідзе пра шэраговыя керамічныя і металічныя рэчы (цвікі, нажы, прабоі), можна (з пэўнай агаворкай) сведчыць пра наяўнасць майстроў у горадзе.

Зыходзячы з гэтага, адной з найдакладнейшых крыніц выступаюць пісьмовыя. Пэўныя звесткі пра рамяство дадае іканаграфія, калі яна адлюстроўвае рамесніцкія будынкі ці саміх рамеснікаў за працай.

Усе згаданыя катэгорыі крыніц даюць пэўнае ўяўленне пра развіццё рамяства ў Быхаве. На падставе археалагічных матэрыялаў, знойдзеных падчас археалагічных даследаванняў аўтара і І.А. Марзалюка, артэфактаў, апублікаваных у артыкулах І.І. Сінчука [2–5], і пісьмовых крыніц у дачыненні да Быхава, адназначна трэба сказаць пра ганчарства, кавальства, гарбарства, шкловытворчасць, збройніцтва, ліцейную і ювелірную справу, тады як іконаграфія дэманструе вадзяны млын.

Асноўная частка

Самай распаўсюджанай катэгорыяй рамеснікаў (у населеных пунктах усіх катэгорый) выступаюць ганчары, а самай масавай катэгорыяй артэфактаў з'яўляецца керамічны комплекс. Хаця керамічных майстэрань падчас раскопак не было выяўлена на тэрыторыі горада, адмаўляцца ад прысутнасці гэтых рамеснікаў у горадзе нельга.

Усю быхаўскую кераміку можна падзяліць на дзве катэгорыі – побытавую (посуд) і дэкаратыўна-будаўнічую (кафля, дахоўка, цэгла і інш.).

Побытавай керамікі знойдзена шмат. Кухонны, сталовы і тарны посуд рэпрэзентаваны знаходкамі фрагментаў гаршкоў і місак, макотраў, глякоў, збаноў, патэльняў/рынак, талерак, накрывак, кубкаў і чарак.

Больш за 70% вырабаў выкананы на нажным ганчарным крузе і выцягнуты з аднаго кавалка гліны (тэхналогія распаўсюдзілася з канца XVI - пачатку XVII ст.). Каля 25% выкананы шляхам кальцавога, ці стужкавага, налепу на сфармаванае дно з пазнейшым падпраўленнем. Гэтая тэхналогія была характэрна для вырабаў, верхняя мяжа бытавання якіх не выходзіць за канец XVI ст. Донцы у асноўным маюць сляды падрэзкі ніткай, нажом, зрэдку прасочваюцца адбіткі тэкстылю і пясчанай падсыпкі. Каля 5% донцаў гаршкоў былі выкананы на падсыпцы з пяску ці жарствы і маюць на сабе выразныя сляды стужкавага налепу з далейшым загладжваннем паверхні начыння. Тэхналогія знікае з сярэдзіны XVI ст.

Каля 15% агульнай массы чарапкоў маюць трохслойную тэкстуру на зломе (адрозніваецца па колерах), гэта сведчыць аб дрэннай якасці абпалу. Прыкладна каля 40—45% фрагментаў начынняў дымлёныя — абпал без доступу кіслароду. Прысутнічаюць вельмі рэдкія вырабы з фарфору і так званы "каменны тавар" — імпартныя начынні і посуд (каля 1–1,5% ад агульнай колькасці знаходак). Астатнія фрагменты — парэшткі чырвонаглінянага посуду.

Гаршкі прадэманстраваны разнастайнасцю як форм (прысадзістыя пузатыя, круглабокія, з высокімі і кароткімі шыйкамі, з рабром па плечуку і без яго, з адагнутымі, скругленымі і простымі венцамі), так і спосабаў аздаблення (хвалістая і простая лініі, пальцавыя і пазногцевыя ўцісканні, кропкі і карбоўка) і апрацоўкі (чырвонагліняныя, дымлёныя, глянцаваныя і паліваныя). Сярод паліваў дамінуе зялёны колер, потым ідзе чырвоны, карычневы і жоўты. Асобна трэба адзначыць такую катэгорыю аздаблення, як карбоўка, - спецыфічны арнамент з маленькіх кропак і прамавугольнікаў, камбінацыі якіх нагадваюць беларускі арнамент. Такі арнамент наносіўся з дапамогай спецыяльнага кольца з шыпамі.

У калекцыі прысутнічаюць дымлёныя і зялёнапаліваныя асобнікі макотраў, з аздабленнем хвалістымі і простымі рыскамі.

У Быхаве бытавалі тэракотавыя, дымлёныя, зялёна- і карычнева-паліваныя талеркі і міскі.

Знойдзена тэракотавая кафля з двухі аднапрыступковай рамкай. Варыянты арнаментацыі — "краты", раслінны, геральдычны сюжэты і партрэтная арнаментацыя. Прысутнічае таксама і бязрамачная (дывановая) кафля. Такія вырабы былі характэрны для сярэдзіны — другой паловы XVII ст. Дывановая кафля з арнаментам "краты" выкарыстоўвалася ў канцы XVII — пачатку XVIII ст.

Акрамя тэракотавай манахромнай кафлі, у калекцыі змяшчаюцца фрагменты зялёнапаліванай кафлі з арнаментам і без яго, белапаліванай (так званай "галандкі" XVIII ст.). У невялікай колькасці прысутнічаюць фрагменты кафлі з геральдычным і раслінным сюжэтамі з паліхромнай палівай (жоўты, сіні, блакітны, зялёны і белы колеры). У большасці экзэмпляраў (як тэракотавых, так і паліваных) з агульнай колькасці кафлі (больш за 50%) у якасці арнаменту выкарыстоўваўся раслінны сюжэт. Прысутнічае карнізная, паясная і каронкавая кафля. Усе апісаныя артэфакты вырабляліся і ўжываліся ў канцы XVI–XVII стст. Зялёнапаліваная кафля без рамкі і арнаменту характэрна для археалагічных комплексаў сярэдзіны XVIII ст.

Падчас археалагічных доследаў 1988—1989 гг. быў выяўлены фрагмент непаліванай кафлі з дыдактычным сюжэтам 1-й паловы XVII ст. [6, с. 134].

Увесь прыведзены матэрыял мог вырабляцца мясцовымі майстрамі. Да гэтай думкі падштурхоўвае знаходка порыстай масы зялёнага колеру, якая падобна да вырабу з металічнага сплаву, які ўтрымлівае медзь, але не рэагуе на металашукальнік. Магчыма, гэта так званая "цындра" — прадукт, які атрымоўваецца пасля выплаўкі медзі альбо бронзы і які выкарыстоўваўся ў вырабе палівы для аздаблення керамічных вырабаў. Гэтая знаходка дэманструе магчымасць як плаўкі і апрацоўкі каляровых металаў, так і выраб палівы для побытавай і будаўнічай керамікі, а значыць, і саміх керамічных вырабаў.

Акрамя кафлі, знойдзены шматлікія фрагменты цэглы-пальчаткі і дахоўкі. Дахоўка "грубая" шурпатая, ніжняя мяжа бытавання якой не выходзіць за XVIII ст., і "гладкая", характэрная для XIX — сярэдзіны XX стст. Падчас раскопак І.І. Сінчука была знойдзена плоская зялёнапаліваная і непаліваная дахоўка

XVII ст. з паўцыркульным наском і "кубічным" крапежным шыпам, цэглапальчатка з прамымі і косымі барознамі і інш. [6, с. 134].

Канкрэтнае месца размяшчэння майстэрань па вырабе керамічных артэфактаў археалагічна не прасочваецца, а пісьмовыя крыніцы не згадваюць іх. Але цэглу і кафлю маглі вырабляць як у горадзе, так і ў навакольных вёсках, тады як посуд і дробную пластыку (цацкі, люлькі, падсвечнікі і інш.) хутчэй за ўсё выраблялі непасрэдна ў Быхаве.

Шкляныя вырабы з археалагічных калекцый падзяляюцца на дзве катэгорыі — будаўнічыя і тарна-сталовы посуд. Прысутнічаюць таксама кавалкі аплаўленага шкла, прызначэнне якіх не вызначана.

Да першай катэгорыі шкляных артэфактаў адносяцца фрагменты аконных шыб акруглай формы, а да другой – келіхі, чаркі і шклянкі вялікіх і малых памераў, шкляніцы і фрагменты бутэлек круглага, квадратнага і падпрамавугольнікавага сячэння (мал. 1). У асноўным шкло было даволі празрыстым, зялёнага, жоўтага і блакітнага колераў. Апісаныя археалагічныя матэрыялы датуюцца шырокім храналагічным дыяпазонам – канцом XVII - першай паловай XX ст.

Мал. 1 – Шкляны тарны посуд XVII–XVIII стст. Бутлі, кварта, штоф, пляшка, бутэлькі (рэканструкцыя аўтара)

[2–3]. І.І. Сінчуком былі знойдзены пакеты прамавугольных аконных шыб XVII– XVIII стст. [6, с. 134].

Сярод матэрыялаў шкла прысутнічае бутэлечны "медальён" (кляймо) з выявай герба роду Сапегаў -"Ліс" (мал. 2). Гэтая знаходка ўскосна пацвярджае магчымасць мясцовага вырабу шкляной тары. Гуты (майстэрні па выплаўцы шкла і першаснай апрацоўкі балотнай руды) хутчэй за ўсё знаходзіліся на тэрыторыі сучаснай Ліпскай грывы, закладзенай на левым беразе Дняпра ў 1630-я гг., на якой магла размяшчацца Лявонаўская слабада. Яе жыхары былі вызвалены ад падаткаў і павіннасцей на 14 год [7, с. 81]. Згаданая грыва – пясчаныя дзюны, якія ўзвышаюцца над поймай. Месца размяшчэння слабады на Ліпскай грыве можа быць звязана з наяўнасцю тут неабходнай сыравіны для вырабу шкла.

З чорнага металу выкананы цвікі, падкоўкі на абцас, конскія падковы, акоўкі і дужкі вёдзер (?), нажы, завесы пад дзвярную клямку/кручок і фрагменты марцірных бомб, ядры, спражкі, сякера, вагавая гірка (вага ў адзін фунт). Прысутнічае таксама шмат прадметаў, якія дрэнна захаваліся. Яны аднесены да вырабаў невядомага прызначэння.

Самай масавай знаходкай з'яўляюцца цвікі. Цвікі XVI–XIX стст. былі з круглай і падквадратнай ці прамавугольнай плешкай [8, с. 235–237]. Яшчэ выраблялі кастыльныя цвікі, у якіх плешка нагадвае літару "Т" і мае толькі два выступы ў адной плоскасці.

Наступнай масавай групай артэфактаў з'яўляюцца падкоўкі на абцас. У 2016 г. знойдзена больш за 25 асобнікаў падковак на вельмі невялікай плошчы, што дае падставы сцвярджаць пра

Мал. 2. – Сталовы і тарны шкляны посуд XVII–XVIII стст. Шклянка, шкляніца, келіх, чарка, "пляшка" з гербам Сапегаў "Ліс", шкляніца з дэкорам "змей" (рэканструкцыя аўтара)

наяўнасць побач майстэрні па вырабу ці рамонту абутку. Больш таго, 19 падковак вертыкальныя, плоскія, з падквадратным сячэннем, і ўсе маюць сляды інтэнсіўнага выкарыстання.

Да жалезных вырабаў XVII—XVIII стст. з раскопак І.І. Сінчука і І.А. Марзалюка адносяцца таксама і праколкі, ці шылы, лязо брытвы, скобель, акоўка лапаты, красала, ключы, будаўнічая кельма. Вырабы з раскопак І.І. Сінчука былі металаграфічна прааналізаваны М. Гурыным [8, с. 235–237].

Сякера з'яўлялася інструментам, але магчыма выкарыстоўвалася і ў якасці зброі. Найбольш верагодна, адносіцца да цяслярскіх. Шырокалязовая, барадападобная, з правушынай падтрохвугольнай формы.

Нажы ў сячэнні маюць падоўжанатрохвугольную форму, спінкі простыя, рабочая частка плаўна патанчаецца да вастрыя. Дзяржанні былі як чаранковыя, так і тронкавыя (нож устаўляўся ў драўлянае ці рагавое дзяржанне, альбо рабіліся з абодвух бакоў накладкі, якія мацаваліся штыфтамі). Гэтая катэгорыя прылад выкарыстоўвалася як у штодзённым жыцці, так і рэзчыкамі па дрэве і косці. Нож мог выкарыстоўвацца і ў якасці брытвы.

Дзвярныя завесы – каваныя, пляскатыя, канцы падвоеныя і разыходзяцца, утвараючы літару "Т", ёсць з расплясканымі кроплепадобнымі канцамі.

Дзвярныя завесы маюць стандартную трохсегментную форму. Мацаванне ў выглядзе трохвугольнікаў з разведзенымі і закругленымі ў розныя бакі канцамі.

Наяўнасць сярод артэфактаў шыла, ці праколкі, сведчыць аб прысутнасці майстроў, працаваўшых з тканінай альбо скурай (гарбары, шорнікі, сёдзельнікі, краўцы, шаўцы). Скобля — інструмент плотніка, цесляра, сталяра. А лязо брытвы магло знаходзіцца ў асартыменце сродкаў асабістай гігіены не толькі заможнага быхаўчаніна, але і ў руках цырульніка.

З пісьмовых крыніц дакладна вядома пра быхаўскую людвісарню, тартак і бровар, а з іконаграфічных — вадзяны млын. Трэба адзначыць, што пры пэўным пераабсталяванні вадзяны млын мог выконваць функцыі тартака.

Калі гаварыць пра людвісарню, то дакланая дата яе заснавання невядома. Адным з першых людвісараў быў, відаць, немец па паходжанні — Кашпір Ганусаў. Ён адліў у 1555 г. "вогненную гармату" (у часы Інфлянцкай (Лівонскай) вайны 1558—1582 гг. маскоўскае войска вывезла яе ў Маскву) [9, с. 360].

У XVII ст. тут выраблялі дробавыя гарматы — "шротаўніцы", гарматы калібрам ад 1 да 100 фунтаў, разнастайныя марціры — "мардзеры", шматствольныя ўстаноўкі — "арганы" і "шмыгаўніцы". Быхаўская людвісарня магла вырабляць ядры, карцечныя зарады, артылерыйскія і ручныя гранаты. У 1697 г. быхаўскія людвісары, майстар немец Пятрок і яго памочнік Юрка, былі запрошаны ў Магілёў, дзе адлівалі магістрату вялікую бронзавую гармату [9, с. 360].

У 1707 г. у быхаўскім цэйхгаузе захоўваліся вялікі молат, кавадла, вялікія мяхі і нарыхтаваная сыравіна для кузні [10, с. 72–73].

На нашу думку, быхаўская людвісарня магла ўяўляць сабой не толькі канкрэтнае збудаванне для адліўкі і зборкі гармат і іншай зброі, а цэх майстроў, якія маглі працаваць і за межамі горада. У сярэдзіне XVIII ст. быхаўская людвісарня адлівала і перарабляла старыя гарматы. [9, с. 360]. У замкавым цэйхгаузе згадваюцца шматлікія прыстасаванні для слясарнай апрацоўкі зброі і яе абслугоўвання (долаты, малаткі, свердлы, рыдлёўкі, пілы, сякеры, крайцары, дамкраты і інш.) [10, с. 45–75].

Выраб лафетаў да гармат пацвярджае наяўнасць спецыялістаў па дрэваапрацоўцы — токараў і цесляроў. Выраб зброі ўвогуле залежаў ад цэлага комплексу спецыялістаў.

Зброя і металічныя даспехі, вырабленыя быхаўскімі збройнікамі, карысталіся

попытам у Вялікім Княстве Літоўскім і за яго межамі. Так, у 1675 г. маскоўскі баярын А.С. Мацвееў набыў у беларускага купца Ісаева зброю, вырабленую ў Быхаве ("коп'і", "абушкі", "наручы" (карвашы), "місюркі", "буздыганы" і "вінтоўкі") [8, с. 85; 9, с. 360; 11]. Акрамя кавалёў і збройнікаў, у Быхаве працавалі і ювеліры. Пра высокі ўзровень майстэрства быхаўскіх збройнікаў і ювеліраў сведчыць вялікая колькасць згадак пра іх у Царскай аружэйнай палаце ў Маскве, куды яны былі вывезены падчас вайны Рэчы Паспалітай з Масквой 1654–1667 гг. [12, с. 320–332]. У 659–1660 гг. у Маскву з Быхава прыбылі "наводного дела мастера" Маісей Бабылёў (Бубылёў) і Арцемі Крэмніцкі. Як доказ сваёй прафесійнай годнасці яны зрабілі пратазан, сякерку і наручы, аздобленыя золатам і срэбрам. Дакладна вядома, што Крэмніцкі быў ювелірам, бо "по железу насекал протазаны ды тапарок". А Маісей Бабылёў нават да 1680-х гг. вырабляў для цара ахоўнае ўзбраенне, наручы і зярцала (сталёвыя, "красного железа", булатныя) [12,

с. 323–325] і, верагодна, мог вырабляць самі даспехі, быў збройнікам.

У 1675 г. маскоўскі баярын А.С. Мацвееў набыў "...копий быховских позолоченных..., ...обушков быховских позолоченных..., наручий быховских позолоченных с мисюрками..., ...буздыганов быховских же позолоченных..., ... винтовки быховские ж, позолоченные... [7, с. 85]. Як бачым, усе вырабы мелі аздобу золатам, што выклікае пытанне: у Быхаве выраблялі ўвесь пералічаны комплекс ці яго толькі апрацоўвалі ювеліры? Дакладна адказаць на гэтае пытанне не выпадае. Але, калі ўлічваць, што ў людвісарні выраблялі арганы з мушкетных руляў, то ручную агнястрэльную зброю маглі вырабляць на месцы. А гэта дэманструе нам наяўнасць у Быхаве як мінімум кавалёў, слесараў і цесляроў. Трэба адзначыць, што выраб вінтовак у разглядаемы перыяд быў вельмі складанай справай і толькі спецыялісты найвышэйшых катэгорый маглі вырабляць такую агнястрэльную зброю. У цэлым такі комплекс узбраення адпавядаў панцырным казакам (мал. 3).

Мал. 3 — Панцырны казак (другая палова XVII ст.). Замалёўка аўтара з копіі страчанай карціны XIX ст. польскага прыдворнага мастака Ежы Шымановіч-Сегімяноўскага. Воіна засцерагае місюрка з барміцай, кольчаты панцыр, наручы-карвашы, круглы шчыт. Узбраенне складаюць: лук, два пісталеты ў олстрах, шабля і кап'ё (па памерах і спосабе хвату хутчэй за ўсё гэта вошчап). Высокія боты камбатанта забяспечаны шпорамі

У Магілёў ў 1682—1686 гг. былі запрошаны быхаўскія муляры на чале з майстрам Кузбергам для будаўніцтва ратушнай вежы. Але праз некалькі месяцаў вежа абвалілася [13, с. 247]. Замова муляроў (нягледзячы на факт абрушвання) дэманструе наяўнасць высокапрафесійных спецыялістаў у галіне будаўніцтва. Магчыма, яны былі на забеспячэнні Сапегаў, а не як тутэйшыя (вольныя) майстры.

Пра агульны комплекс рамесніцкіх спецыяльнасцей, якія існавалі ў Быхаве ў XVI–XVIII стст., можна ўскосна сведчыць на падставе даследаванняў А.П. Грыцкевіча, бо канкрэтных пацвярджэнняў іх існавання мы пакульшто не маем.

Зыходзячы з аналізу А.П. Грыцрамесніцкевіча, увесь комплекс кіх спецыяльнасцей падзяляецца некалькі асноўных катэгорый: 1 – апрацоўка скуры, 2 – тканін, 3 – металаў, 4 – дрэва і разнастайнай арганічнай сыравіны, 5 – харчовых прадуктаў, 6 - транспартныя прафесіі і 7 – тыя, якія не ўваходзяць у агульную класіфікацыю. У Быхаве прысутнічалі наступныя рамесніцкія спецыяльнасці: гарбары, сёдзельнікі, кажамякі, шаўцы, дубатоўкі (працавалі з грубай скурай і выраблялі падэшвы), хамутнікі, слесары, замочнікі, мечнікі, салетранікі, парахаўнікі, шабельнікі, пушкары, людвісары, ювеліры, ганчары, рэзчыкі па дрэве і косці, мылавары, цесляры, муляры, гутнікі, печнікі, васкабойнікі, рурнікі, бондары, токары, цесляры, хлебнікі, калачнікі, мяснікі, млынары, бровары, рыбакі, паромнікі, аптэкары, цырульнікі, дактары, валмістры, канавалы, вартаўнікі, наёмнікі. Наяўнасць часткі з гэтых спецыяльнасцей ускосна пацвярджаецархеалагічнымі, іконаграфічнымі пісьмовымі крыніцамі, а частка прысутнічала ў большасці гарадоў XVII ст. [14, c. 65–66].

У 1758 г. у Быхаўскай чыншавай ведамасці ўзгадваецца ўвогуле толькі 22 майстры. Яны працавалі са скурай і мехам

(3), тканінай (1), займаліся апрацоўкай металаў і вырабам зброі (5), будаўніцтвам і апрацоўкай драўніны (9), вырабам харчовай прадукцыі (6) [14, с. 81, 84–85].

А.П. Грыцкевіч звярнуў увагу на тое, што ў прыватнаўласніцкіх гарадах магло развівацца рамесніцтва з арыентацыяй на замову прадукцыі, хаця асноўная ўвага надавалася забеспячэнню патрэб магнацкага двара, чыноўнікаў і войска [14, с. 84]. Праца пад канкрэтную замову хутчэй за ўсё была выклікана тым, што феадалы імкнуліся забяспечыць свой горад найлепшымі спецыялістамі пад выкананне канкрэтных функцый, што, у сваю чаргу, магло і не з'яўляцца штодзённай патрэбай, а значыць, майстар мог зарабляць грошы толькі праз выкананне замоў.

У дачыненні да рамесніцкіх цэхаў у Быхаве неабходна адзначыць цэх збройнікаў і мяснікоў. Апошнія з'явіліся з-за падзелу мяснікоў па рэлігійнай прыналежнасці (вялікая колькась яўрэяў у горадзе) [14, с. 120]. Цікава тое, што рамеснікі-яўрэі часцей падпарадкоўваліся ўладзе магната, а не гарадскім уладам.

Як вядома, людзям патрэбна харчавацца і апранацца. Менавіта з-за гэтай прычыны мяшчане мелі агароды і пэўныя зямельныя надзелы за межамі горада.

Археалагічныя матэрыялы, ўскосна пацвярджаючыя магчымасць вядзення сельскай гаспадаркі і апрацоўкі глебы быхаўскімі мяшчанамі, прадэманстраваны толькі акоўкай лапаты [5, с. 107].

Асноўнай крыніцый тут з'яўляецца малюнак Л. Куўро з выявай Старога Быхава [15, с. 16–24]. На ім прысутнічае выява агародаў, якія размяшчаліся па ўсходняй частцы горада, на балонні. Гэтае размяшчэнне агародаў тлумачыцца ўрадлівасцю глебы, якая максімальна увільготнена пасля вясенней паводкі і насычана глеем.

Трэба адзначыць наяўнасць вадзянога млына на рацэ Макранцы, што сведчыць пра самазабеспячэнне горада мукой і крупамі, што, канешне, не адмаўляе імпартаванне іх з іншых гарадоў і мястэчак. Вадзяны млын мог перарабляцца ў тартак, а магчыма, выконваць і іншыя функцыі.

У замкавым інвентары згадваецца бровар, збудаваны на рацэ Макранцы "на доле... пад замкам" [16, арк. 2 адв.]. Згадваюцца пілы да "тартаку гурнэго" [16, арк. 3 адв.]

На гравюры адлюстраваны працэсы рыбнай лоўлі і палявання на качак. Гэтыя заняткі таксама адыгрывалі пэўную ролю ў забеспячэнні мяшчан прадуктамі харчавання. Больш таго, падчас археалагічных даследаванняў 2013-2015 гг. былі выяўлены рэшткі жывёл з адбіткамі, характэрнымі для разбірання туш і здымання мяса з костак. Вызначыць прыналежнасць астэалагічнага матэрыялу да пэўных катэгорый жывёл не выпадае, акрамя адзінкавых экзэмпляраў іклоў дзіка. Гэта сведчыць аб наяўнасці паляўнічых у Быхаве ў разглядаемы перыяд (але невядома, былі гэта прафесійныя паляўнічыя ці мяшчане проста бавілі на паляванні вольны час).

Мяшчане трымалі коней, аб чым сведчаць археалагічныя знаходкі конскіх падкоў і элементаў аброці. Звесткі пра стайні прысутнічаюць таксама і ў інвентары 1692 г. [16, арк. 2].

Інвентар маёмасці Быхаўскага касцёла Святога Казіміра і непарочнага зачацця Прасвятой панны Марыі ўзгадвае сенажаці і маёнткі [17].

У нерухомай маёмасці касцёла меліся бровар і спіжарня [17, арк. 24 (адв)]. Будынкі бровара і спіжарні хутчэй за ўсё знаходзіліся ў фальварку Белая Гара, які цалкам належаў касцёлу, бо яны неаднаразова апісаны ў адным інвентары. Фальварак размяшчаўся адразу за Магілёўскай брамай, на самым ускрайку горада. У XVIII ст. гэта тэрыторыя ўключалася ў склад "Паўночнага" пасада.

Заключэнне

Такім чынам, мы бачым, што ў Быхаве, як і ў шэрагу гарадоў, рамесніцкая дзейнасць была дамінуючым заняткам у параўнанні з сельскай гаспадаркай і промысламі. Пра гэта кажуць пісьмовыя і археалагічныя крыніцы. Рамеснікі, якія прысутнічалі ў горадзе як у XVII ст., так і ў XVIII ст., а магчыма, і ў XVI ст., працавалі са скурай і мехам, тканінай, займаліся апрацоўкай металаў і вырабам зброі, драўніны, вырабам харчовай прадукцыі, будаўніцтвам і выконвалі транспартныя і іншыя сацыяльныя (цырульнікі, мяснікі, пекары, бровары і інш.) паслугі. Але асноўную ролю адыгрываў выраб зброі – гэта была так званая спецыялізацыя горада (выраб пораху, адліўка гармат і ядраў, выраб агнястрэльнай і халоднай зброі, засцерагальнага ўзбраення). Гэта ўсё наводзіць на думку пра рамесніцкую спецыялізацыю Быхава ў вырабе зброі і рыштунку, а наяўнасць іншых рамеснікаў - забесфункцыянавання пячэнне мясцовай адміністрацыі, гарнізона і збройнікаў.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

- 1. *Заяц, Ю. А.* Заславль в эпоху феодализма / Ю. А. Заяц. Минск : Наука и техника, 1995. 207 с. : ил.
- 2. Галынскі, Р. Д. Справаздача аб археалагічным наглядзе на аб'екце "Строительство сетей теплоснабжения к зданию прихода храма Святой Живоначальной Троицы г. Быхова" ў 2013 г. (Дамова Інстытута Гісторыі НАН Беларусі з настаяцелем храма Святой Жываначальнай Троіцы г. Быхава ад 26 снежня 2013 г.). / Р. Дз. Галынскі. Магілёў, 2014 55 с. (рукапіс).
- Гальнскі, Р. Д. Эвалюцыя Заюр'еўскай слабады горада Быхава / Р. Д. Галынскі // Быховские краеведческие чтения IV: сб. статей региональной научно-исследовательской конференции. Могилев, 2015. 80 с.: ил. С. 63–65.
- 4. *Марзалюк, І. А.* Справаздача аб археалагічных раскопках на тэрыторыі замка ў г. Быхаве Магілёўскай вобласці ў 2013 годзе / І. А. Марзалюк. Магілёў, 2014. 354 с. (рукапіс).
- 5. *Ляўкова, Т. І.* Быхаў / Т. І. Ляўкова, І. І. Сінчук // Археалогія і нумізматыка Беларусі : энцыкл. / Беларус. энцыкл. ; рэдкал.: В. В. Гетаў [і інш.]. Мінск : БелЭн, 1993. 702 с. : іл.

- Сінчук, І. І. Быхаў / І.І. Сінчук // Археалогія Беларусі : энцыклапедыя : у 2 т. / рэдкал.: Т.У. Бялова (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Беларус. энцыкл. імя П. Броўкі, 2009. – Т. 1 : А-К. – 496 с. : іл. – С. 134.
- 7. **Ткачоў, М. А.** Замкі і людзі / М. А. Ткачоў // пад рэд. Г. В. Штыхава. Мінск: Навука і тэхніка, 1991. 184 с.: іл.
- 8. *Гурин, М.* Железные изделия из раскопок Быхова 1988—1989 гг. / М. Гурин, И. Синчук // Гістарычна-археалагічны зборнік. Вып. 22. Мінск : Інстытут гісторыі НАН Беларусі, 2006. 262 с. : іл. Бібліяграфія ў канцы артыкулаў. Рэз. на англ. мове. С. 235—237.
- 9. *Ткачоў, М. А.* Быхаўская людвісарня / Вялікае княства Літоўскае : энцыклапедыя : у 2 т. / М. А. Ткачоў / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал.рэд.) [і інш.] ; маст. 3. Э. Герасімовіч. 2-е выд. Мінск : БелЭн, 2007. Т. 1 : Абаленскі Кадэнцыя. 688 с. : іл. С. 360.
- Савіцкі, М. Артылерыя, цэйхгаўз і замак у крэпасці Стары Быхаў / М. Савіцкі // Гістарычны альманах. – Т. 15. – С. 45–62.
- Абецедарский, Л. С. Белоруссия и Россия. Очерки русско-белорусских связей второй половины XVI—XVII вв. / Л. С. Абецедарский. Минск, 1978.
- 12. *Орленко, С. П.* Белорусские мастера "Наводного дела" в оружейной палате / С. П. Орленко // Белорусы Москвы. XVII век / сост.: О. Д. Баженов, Т. В. Белова. Минск : Беларус. энцыкл. імя П. Бороўкі, 2013. 472 с. : ил. (Энциклопедия раритетов). С. 320–332.
- Трусаў, А. А. Магілёўская ратуша / А. А. Трусаў // Вялікае княства Лі-

- тоўскае: энцыклапедыя: у 2 т. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]; маст. З. Э. Герасімовіч. — 2-е выд. — Мінск: БелЭн, 2007. — Т. 2: Кадэцкі корпус — Яцкевіч. — 792 с.: іл. — С. 247.
- 14. Грицкевич, А. П. Частновладельческие города Белоруссии в XVI–XVIII вв. (социально-экономическое исследование истории городов) / А. П. Грицкевич. Минск: Наука и техника, 1975. 248 с.
- 15. Волкаў, М. Панарама Старога Быхава другой паловы XVII ст. / М. Волкаў // Беларускі гістарычны часопіс. 2013. № 5. С. 16—24.
- 16. Vilniaus universiteto biblioteka. Fond 4, Nr 34133 (A-1533), K. 1–4.
- 17. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі. Ф. 2395. Воп. 1. Спр. 7. Арк. 236, 246.

Паступіў у рэдакцыю 26.06.2018 г. Кантакты: galunskyroman@gmail.com (Галынскі Раман Дзмітрыевіч)

Galynsky R. TYPICAL CRAFTED GOODS IN THE XVI–XVIII CENTURY BYKHOV.

As in any European city of the XVI–XVIII centuries in Bykhov handicrafts occupied a key position among all kinds of activities. Craft specialties included both production and services. Craftsmen who worked in Bykhov in the XVI–XVIII centuries worked with fur, hides, cloth, metal and wood. They made weapons, were engaged in construction activities and food production.

Keywords: Bykhov, craft, professions, occupations, specialization, metalworking, glassmaking, weapon making, builders, archeology, written sources, iconographic sources.

УДК 271.2(476)"1901/1904"

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РОССИЙСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ЦЕНТРАЛЬНЫХ РОССИЙСКИХ И БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЯХ В ПРЕДРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

Е. В. Кулабухова

магистр исторических наук, соискатель кафедры истории Беларуси и восточных славян Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

Сегодня изучение истории Российской православной церкви вызывает огромный научный интерес и является одной из наиболее разрабатываемых тем как церковными, так и светскими историками.

В предлагаемой статье рассматриваются вопросы, связанные с определением места и роли Российской православной церкви в социально-политической жизни белорусских губерний в 1901–1904 гг.

Ключевые слова: Российская православная церковь (РПЦ), православное духовенство, епархия, Святейший Синод (Св. Синод), епископ, братство.

Введение

В начале XX в. белорусские земли были частью Российской империи и состояли из пяти губерний: Минской, Витебской, Виленской, Гродненской и Могилевской.

Российская православная церковь оставалась частью государственного механизма и представляла собой многочисленную и разветвленную организацию [1, с. 380]. Духовенство было полностью интегрировано в самодержавную систему власти, так как наряду со своими прямыми религиозными функциями оно выполняло еще и функции государственных чиновников. Николай ІІ не освободил церковь и от полицейских функций, воз-

ложенных на нее еще Петром I [2, с. 72]. Отличительной чертой церковно-государственных отношений в то время был жесткий контроль со стороны правительства за жизнью церкви. Ни один серьезный вопрос по ее управлению не мог быть решен без одобрения императора, а на местах — без согласования с губернской администрацией [3, с. 121].

Основная часть

Положение и деятельность РПЦ в российском государстве регулировались законодательными актами [4, с. 21]. Так, согласно законам "Христианская Кафолическая Восточного исповедания" вера была первенствующей и господствующей, "хранителем ее догматов и блюстителем правоверия" считался император, в церковном управлении действовавший посредством Св. Синода [5, с. 17]. Таким образом, правовое пространство в области религиозного законодательства определялось особым положением РПЦ [6, с. 98; 7, с. 22].

На все "места и лиц, имеющих начальство по части гражданской или военной", возлагалась обязанность предупреждать и пресекать всеми "зависящими от них средствами" различные действия, "клонящиеся к нарушению должного уважения к вере". В обязанность администрации на местах также входило оказание "нужной защиты и пособия" всем "свободно исповедуемым в империи религии", а в обязанность полиции — охрана "свободы иноверных, признанных правительством исповеданий" [7, с. 21].

Особенность положения в значительной степени определялась тем, что обер-прокурор при Синоде пользовался правами министра, благодаря чему был посредником между церковью и верховной властью. Все дела, касающиеся православного духовного ведомства, представлялись в высшие государственные учреждения и императору непосредственно через обер-прокурора, который, таким образом, стал фактически правителем церкви, осуществляя наблюдение за ней при помощи централизованного бюрократического аппарата [7, с. 22]. То есть епископы являлись лишь "ставленниками и орудиями Синода", который сам "посредством обер-прокурора есть орудие государственной власти. Епископами повелевал Синод, Синодом - оберпрокурор, а последним - император" [8, с. 13; 9, с. 24]. Викарий Полоцкой епархии епископ Двинский Пантелеймон (Рожновский) писал: "Со стороны могло казаться, что у епископов полнота власти, что они все могут, а на самом деле им представлялась одна только видимость участия в церковном управлении" [10, с. 7]. При малейшем протесте со стороны церковных иерархов и неподчинении обер-прокурору или "дворцовой камарилье" их смещали с доходных кафедр и переводили в виде наказания в отдаленные епархии¹ [11, с. 109].

В епархиях сохранялось двоевластие: епархиальный архиерей и духовная консистория, которая и была подотчетна не только синодальной бюрократии, но и местной государственной власти, так как, в отличие от иных конфессий, требовалась санкция светской власти на то, чтобы открыть, например, больницу или новый приход [12, с. 5, 6]. Но привычка надеяться на государственную помощь, в том числе и финансовую, не могла заставить отказаться от первенства среди других вероисповеданий [13, с. 7].

Господствующее положение православия выражалось в том, что в соответствии с законодательством неправославному духовенству запрещалось "прикасаться к убеждению совести не принадлежащих к их религии", допускать "заведомо православных" к таинствам своей церкви [14, с. 42], правда впоследствии наказания за "богохуление и порицание веры", за "отступление от веры и постановлений Церкви" были отменены [15, с. 60].

Следует подчеркнуть, что официально отмечались праздники только православной церкви. В эти дни государственные учреждения и учебные заведения были закрыты, запрещалось совершать наказания по судебным приговорам. К праздничным дням в соответствии с законом были отнесены все воскресные дни в году, все двунадесятые праздники, некоторые дни памяти святых, а также дни рождения и тезоименитства императора, императрицы, наследника престола, дни восшествия на престол и коронования [16, с. 43, 44]. Но стоит заметить, что власть, не имея эффективных инструментов воздействия на народные массы, "переложила" таким образом всю тяжесть идеологической кампании по подъему гражданского духа и патриотического сознания населения «на плечи» православной церкви. Это диктовалось и практическим расчетом. В праздничных литургиях, молебнах участвовало неизмеримо большее количество людей, чем в других мероприятиях, а это значит, что только церковная служба могла объединить все слои общества в единое целое [16, с. 44].

В 1901 г. в Петербурге открываются первые религиозно-философские собрания с участием представителей духовенства. Д.В. Поспеловский пишет о том, что "быть может именно на этих собраниях светское общество наконец начало понимать разницу между Церковью, с одной стороны, и государственным аппаратом, пленившим ее, - с другой. Понимание уже этой одной проблемы перекинуло мост через пропасть, разделявшую светское общество и Церковь" [17, с. 25]. С.С. Ольденбург отмечает "необычайное сочетание" участников религиозно-философских собраний, указывая на одновременное участие в нем светского общества и представителей духовенства [18, с. 197].

¹В 1913 г. наказанию подвергся виленский архиепископ Агафангел, который из-за несогласия участвовать в торжествах, устраеваемых местными черносотенцами в честь Муравьева-вешателя, был лишен кафедры и выслан в Ярославль: Грекулов, Е.Ф. Церковь, самодержавие, народ (вторая половина XIX – начало XX вв.) / Е.Ф. Грекулов. – М. : Наука, 1969. – С. 109

С.С. Бычков утверждает, что эти собрания, хотя они длились недолгий период (с 1902 по 1903 г.), были весьма важным событием в пробуждении самосознания "церковного народа", и во многом благодаря российской интеллигенции церковь постепенно обретала свободный голос [19, с. 24].

Государственное подчинение нарушало важнейшее каноническое правило внутрицерковной жизни - соборность. Вопрос о церковных реформах в течение многих десятилетий был запрещенным. И поднимать его, по мнению С. Фирсова, было не столько опасно, сколько бесполезно, так как обер-прокурор Св. Синода К.П. Победоносцев искренне полагал, что именно в церкви хранится необходимый России "запас простоты", надеялся, что духовные средства позволят обойтись без переустройства "учреждений". По мнению К.П. Победоносцева, любые разговоры о реформировании строя церковного управления мешали "нормальному" течению государственной жизни, поскольку церковь и царство в Российской империи представляли собой нераздельное целое. Идея церковной реформы не воспринималась Победоносцевым, т.к. он полагал, что быстрое и глубокое разрастание преобразований, связанных с взаимоотношениями церкви и государства, грозит "опасностью подорвать самые основы, на коих зиждется вся жизнь государственная и народная" [20, с. 417]. Стремясь вернуть церковь к "исконным" основам, оберпрокурор ограничивал в ее жизни начала самоуправления и автономии [21, с. 51]. Несмотря на то что на протяжении почти двух столетий православная церковь существовала в теснейшей зависимости от государства и представить последствия даже частичного пересмотра синодальной системы при всем ее несовершенстве было непросто, современники понимали, что вопрос из теоретической плоскости неминуемо должен перейти в практическую [20, с. 13-16].

Начало XX в. – это время, когда бурные социальные процессы, бродящие в

обществе, вызвали к жизни новый тип православного пастыря-реформатора [22, с. 222]. Но мнения о преобразовании церкви у православного духовенства белорусских и российских земель имели как общие черты, так и некоторые особенности. Это проявилось в том, что православное духовенство в западных епархиях придерживалось в основном более умеренных взглядов относительно церковных реформ [23, с. 5].

В начале XX в. на страницах газет и журналов (как церковных, так и светских) стали публиковаться статьи, осуждавшие существовавшие в Российской империи церковно-государственные отношения, унизительное положение церкви в обществе, падение ее авторитета и т. п. Суть критики сводилась к следующему: требовалось ослабление государственного контроля, предлагались различные меры по решению церковного вопроса [20, с. 411, 412].

Нужно отметить, что отношения священнослужителей белорусских губерний с местной властью складывались по-разному. Например, епископ Митрофан, занимавший высокое положение в общественной жизни Могилевской губернии и страны, имел конфликт с местным губернатором. Известен случай, когда в 1909 г. в канцелярию Могилевского губернатора пришло письмо от епископа Митрофана с просьбой защитить его от клеветы со стороны польского помещика Станислава Голынского. Особенно огорчило епископа то, что говорил эту ложь польский помещик в доме губернатора. Тем самым Митрофан косвенно обвинял последнего в потворстве полякам, что, конечно же, по его мнению, было недопустимо не только в личных отношениях, но и в интересах государства, т. к. подобные попустительства могли вызвать у народа сомнения в единстве власти и церкви. В ответ губернатор посоветовал Митрофану не верить слухам, клевещущим имя честного человека [23, с. 127]. Такой ответ совершенно не удовлетворил священника, а, наоборот, вызвал основания для обвинения в адрес местных властей. Поэтому в своей проповеди "О благотворительности", произнесенной в день постановки спектакля в пользу нуждающихся в средствах Николаевского детского приюта Ведомства учреждений Императрицы Марии, попечительницей которого была супруга губернатора, преосвященный критиковал формы благотворительности, сравнивая нравы общества того времени с первоначальным христианским гуманизмом. После этого выступления в могилевском обществе пошел слух о конфликте власти и церкви [24, с. 128].

У епископа Гродненского и Брестского Иоакима, например, были дружеские отношения с П.А. Столыпиным в то недолгое время, когда он был гродненским губернатором. Они сохранились и впоследствии, когда он стал известным государственным деятелем. Будучи губернатором, Столыпин немало внимания уделял церкви, ее заботам и нуждам. Представители духовенства Гродненской епархии по достоинству оценивали его старания. Когда Столыпин покидал полюбившуюся ему губернию, епископ Иоаким совершил напутственный молебен, по окончании которого обратился к Столыпину и его супруге с краткой речью. В этой речи епископ Гродненский и Брестский высказал им "свои благожелания, отметив такую высокосимпатичную черту непродолжительной административной деятельности Петра Аркадьевича - верность ея основным началам государственного строения в Западном Крае - Православию, Самодержавию и русской народности" [25, с. 36-41]. Позднее, в 1907 г., после объявления на заседании Государственной Думы председателем Совета министров Столыпиным правительственной программы преобразования в стране по всем направлениям на его имя поступило множество телеграмм, в том числе и от членов Гродненского Софийского православного братства. В телеграмме "с отрадным чувством глубокого нравственного удовлетворения" приветствовалось выступление Столыпина в Государственной Думе. Далее в ней было написано: "Братство крепко верит, что за Вами и с Вами вся трудящаяся спокойная Россия. Братство убеждено, что эти надежды разделяет все русское православное население Гродненской губернии. Да укрепит и сохранит Вас Господь". Выражением глубокого уважения гродненцев к своему бывшему губернатору, а затем и главе российского правительства было решение от 5 октября 1907 г. об избрании П.А. Столыпина и его супруги О.Б. Стопочетными членами Гродлыпиной ненского Софийского православного братства [25, с. 43]. Кроме того, когда городские власти стали чинить препятствия членам Софийского православного братства в выделении избранного ими для строительства места, Столыпин сделал все от него зависящее, чтобы новый храм-памятник уже в 1909 г. поднялся ввысь всеми своими куполами [25, с. 52].

В начале XX в. среди священнослужителей крепло представление о Поместном соборе как о решительном шаге в деле упорядочения церковной жизни, включая государственно-церковные отношения. С. Фирсов заметил, что в проекте манифеста от 26 февраля 1903 г. [26] имелся пункт, предполагавший разработку условий, "на которых могла бы быть расширена разумная свобода слова и совести, в согласовании оной с духом нашей Церкви и государственного строя". Однако в окончательной редакции Николай II вычеркнул статью о свободе слова, фактически исключив и статью о свободе совести. Несмотря на это важно отметить, что наряду с вопросом о положении православной церкви все-таки рассматривался и вопрос о свободе совести. Значит, светские власти понимали их взаимосвязь, хотя и не вполне представляли, как «технически» сохранить первенство и одновременно претворить в жизнь принцип свободы совести. С другой стороны, заявив в манифесте о необходимости участия клириков в жизни паствы, власти показали свою заинтересованность в большей, чем наблюдалось ранее, социальной активности православной церкви и выразили неудовлетворенность состоянием религиозного окормления мирян [25, с. 23].

Синодальная система, заключавшаяся в подчинении церкви бюрократическому аппарату и лишении ее собственной позиции в обществе, ввергла церковь в ложное представление о том, что она является государственной структурой [27, с. 58]. В связи с таким положением "мирское общество в целом оставалось далеким от Церкви и ее интересов, привыкнув смотреть на нее как на "какой-то отросток государственности", "православное ведомство" [28, с. 47]. И поэтому доля всех социальных несправедливостей государственной системы возлагалась на церковь. Бюрократия же смотрела на церковь как "на идеологический приводной ремень для своей политики и громоотвод революционных гроз" [28, с. 42]. Из-за такого тесного союза с властями и политические взгляды, в свою очередь, характеризовались консервативностью [29, с. 89].

Реформы в сфере религиозной политики активно готовились на протяжении 1904 г., результатом чего вполне можно считать подписание Николаем II 12 декабря 1904 г. указа "О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка" [30]. Император возвещал: "Мы всегда имели сердечное стремление обеспечить каждому из наших подданных свободу верования и молитв по велениям его совести" [31, с. 185]. Для разработки рекомендаций по выполнению шестого пункта указа "Об укреплении начал веротерпимости" было организовано Совещание министров и председателей департаментов Государственного совета. Перед этим органом была поставлена задача пересмотреть "узаконения о правах раскольников, а равно и лиц, принадлежавших к инославным и иноверным исповеданиям". Речь о православной церкви не шла.

Однако, как позднее писал митрополит Евлогий (Георгиевский), именно "реформа государственного устройства повлекла за собой и проект реформы Церкви" [25, с. 33, 34]. На заседании комитета министров Петербургский митрополит Антоний (Вадковский) говорил о том, что государство должно видеть свою главную задачу не в ограничении прав иноверцев, а в том, чтобы как можно больше дать возможностей самой православной церкви в осуществлении своей деятельности [12, с. 10]. Положение РПЦ, продолжавшей пребывать под опекой и мелочным контролем государства, побудило митрополита Антония (Вадковского) направить Николаю II записку "Вопросы о желательных преобразованиях в постановке у нас Православной Церкви" [32, с. 249], в которой подчеркивалось то, что "освобожденная от прямой государственной или политической миссии, Церковь могла бы своим возрожденным нравственным авторитетом быть незаменимою опорою православного государства" [33, с. 21–22].

Одновременно с митрополитом и С.Ю. Витте, тогда председатель Комитета министров, внес на обсуждение Комитета свою записку "О современном положении Православной Церкви". Рассуждая с политической точки зрения, "мертвящее веяние сухого бюрократизма" он хотел ослабить пробуждением общественной деятельности. "Государству нужна от духовенства сознательная, глубоко продуманная защита его интересов, а не слепая вера в современное положение" [34, с. 467].

В записках митрополита Антония и Витте подчеркивалось, что с предоставлением конфессиональной свободы все религиозные объединения империи будут в более выгодном положении, чем православная церковь, пребывающая и далее под мелочным контролем государства и лишенная возможности организовывать свою жизнь по собственному усмотрению. Записка-меморандум митрополита Антония стала четким документом, излагающим

основные насущные вопросы русской церковной жизни, включающие созыв Поместного собора, которые надо было как можно скорее решать [12, с. 25]. В записке Витте вся послепетровская система управления церковью объявлялась незаконной, держащей церковь в "состоянии паралича".

"Неподходящий и вредный для судеб и престижа церкви" [28, с. 43] обер-прокурор Св. Синода К.П. Победоносцев, будучи противником не только церковных, но и государственных преобразований, обвинял Витте в том, что тот желает "отделить Церковь от государства". Защищая существующий порядок управления РПЦ, Победоносцев говорил об отсутствии стеснения церкви со стороны светской власти [32, с. 251]. В своей ответной записке Витте в 1905 г. Победоносцев писал: "Доныне неразрывная связь государства с церковью в России считалась основною опорою и государства, и церкви, и распадение этой связи считалось гибельным и для церкви, и для государства" [1, с. 395]. И даже уходя в отставку, он не хотел допускать созыва Поместного собора. Николай II признавал желательность Собора и изменения структуры церкви, однако считал, что это нужно отложить до более спокойных времен. Но уже в то время почти все архиереи требовали реформ, направленных на освобождение церкви от государственной зависимости [28, c. 44, 45].

Проблема церковного реформирования была осложнена тем, что постановка ее совпала по времени с началом Первой российской революции и крупными изменениями в политическом строе [35, c. 11].

Заключение

Таким образом, в начале XX в. православная церковь на белорусских землях, входивших в состав Российской империи, наделенная статусом "первенствующей", занимала доминирующее положение по сравнению с другими христианскими вероисповеданиями, что, однако, не обеспе-

чивало невмешательства в ее внутренние дела государственных органов [4, с. 22; 36, с. 45].

Особенностью церковно-государственных отношений был строгий контроль за жизнью церкви со стороны правительства. Духовенство было полностью интегрировано в самодержавную систему власти. Согласно законам Российской империи, "Христианская Кафолическая Восточного исповедания" вера в рассматриваемый период занимала доминирующее положение по сравнению с другими христианскими вероисповеданиями. "Хранителем ее догматов и блюстителем правоверия" считался император, в церковном управлении действовавший посредством Св. Синода. Господствующее положение выражалось также и в том, что в соответствии с законодательством предусматривалось уголовное наказание за "богохуление и порицание" православной веры, за "отступление от веры и постановлений Церкви".

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1. Русское православие: вехи истории / научн. ред. А. И. Клибанов. М.: Политиздат, 1989. 719 с.
- 2. *Корзун*, *М*. *С*. История Русской православной церкви X век 2000 год: учебно-методич. комплекс / М. С. Корзун. Минск: БГУ, 2009. 259 с.
- 3. *Табунов*, *В. В.* Епископ Могилёвский и Мстиславский Стефан (Н. Архангельский) о реформе православной церкви в начале XX столетия / В. В. Табунов // Гістарычнае і сацыякультурнае развіццё Магілёва : зб. навук. прац / уклад.: І. А. Пушкін, В. В. Юдзін. Магілёў : Магілёўск. абл. узб. друк., 2007. С. 121–125.
- 4. *Табунов, В. В.* Положение православной церкви в конце XIX начале XX века согласно законодательству Российской империи / В. В. Табунов // Романовские чтения 4 : сб. трудов Междунар. научн. конф., 22–23 нояб. 2007 г. / под ред. Я. Г. Риера. Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2008. С. 21–23.

- 5. Свод Законов Российской Империи. СПб., 1906. – Т. І. – Ч. 1.
- 6. **Бендин**, **А.** Религиозная толерантность в Российской империи как этнообразующий и консолидирующий фактор (вторая половина XIX начало XX вв.) / А. Бендин // Кафоликия : сб. науч. ст. ; под ред. А. В. Данилова. Минск : Тесей, 2003. С. 96–108.
- 7. *Табунов, В. В.* Положение православной церкви в конце XIX начале XX века согласно законодательству Российской империи / В. В. Табунов // Романовские чтения 4: сб. трудов Междунар. научн. конф., 22—23 нояб. 2007 г. / под ред. Я. Г. Риера. Могилев: МГУ им. А. А. Кулешова, 2008. С. 21—23.
- 8. *Забуженый*, *И. А.* В защиту веры. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1914. 256 с.
- 9. *Табунов*, В. В. Положение православной церкви на белорусских землях в конце XIX - начале ХХ века / В. В. Табунов // Материнаучно-методической конф. преподавателей и сотрудников по итогам научно-исследовательской работы в 2006 г., 7-8 февр. 2007 г./ под ред. А. В. Иванова. - Могилев: МГУ им. А. А. Кулешова, 2007. -C. 24-26.
- Бабкин, М. А. Русская православная церковь и Февральская революция 1917 года. Политический архив XX века / М. А. Бабкин // Вопросы истории. 2004. № 5. С. 3–24.
- 11. Грекулов, Е. Ф. Церковь, самодержавие, народ (вторая половина XIX – начало XX вв.) / Е. Ф. Грекулов. – М.: Наука, 1969. – 184 с.
- 12. *Митрофанов, Г.* История Русской Православной Церкви. 1900–1927 / протоиерей Георгий Митрофанов. СПб.: Статис, 2002. 442 с.
- Фирсов, С. Свободная Церковь в свободном государстве / С. Фирсов // Независимая газета. 2003. 19 марта. С. 7.
- Уложение о наказаниях уголовных и исправительных : Свод Законов Уголовных. – СПб. : Государственная тип., 1885. – Ч. 1. – 413 с.
- Уложение о наказаниях : Свод законов уголовных: с предм. указ. / сост.

- Н. Озерецковский. СПб. : Кн. маг. И. И. Зубкова, 1915. IXXI, 717 с.
- 16. *Цимбаев*, *Н. И*. Православная церковь и государственные юбилеи императорской России / Н. И. Цимбаев // Отечественная история. 2005. № 6. С. 42–51.
- Поспеловский, Д. В. Русская православная церковь в XX веке / Д. В. Поспеловский. – М.: Республика, 1995. – 511 с.
- 18. *Ольденбург, С. С.* Царствование Императора Николая II : в 2 т. М. : Феникс, 1992. Т. 1. 384 с.
- 19. *Бычков, С. С.* Православная Российская Церковь и императорская власть (1900–1917): автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / С. С. Бычков. М., 2001. 55 с.
- 20. Фирсов, С. Л. Церковь в Империи: очерки из церковной истории эпохи Императора Николая II : документы, воспоминания, свидетельства / Сергей Фирсов. – Санкт-Петербург : Сатисъ, 2007. – 462 с.
- 21. Полунов, А. Ю. Константин Петрович Победоносцев – человек и политик / А. Ю. Полунов // Отечественная история. – 1998. – № 1. – С. 42–55.
- Чижова, Е. Русская православная церковь как политическая партия / Е. Чижова // Нева. – 2006. – № 3. – С. 218–223.
- 23. **Кожич, Н. М.** Православие в Беларуси конца XIX начала XX вв.: идейные установки и формы деятельности: автореф. дис... канд. философ. наук: 09.00.03 / Н. М. Кожич; Гос. науч. учреждение "Ин-т философии Нац. акад. наук Беларуси". Минск, 2007. 20 с.
- 24. Волженков, В. В. Лидер могилевских консерваторов епископ Митрофан и его отношения с местной властью / В. В. Волженков // Гістарычнае і сацыякультурнае развіщё Магілёва : зб. навук. прац V Міжнароднай навуковай канферэнцыі "Гісторыя Магілёва мінулае і сучаснасць" / уклад.: І. А. Пушкін, В. В. Юдзін. Магілёў : Магілёўск. абл. узб. друк., 2007. С. 126–129.
- Черепица, В. Н. Очерки истории Православной Церкви на Гродненщине (с древнейших времен до наших дней) / В. Н. Черепица. – Гродно: Изд-

- во ГрГУ. им. Я. Купалы, 2000. Ч. 1. 314 с.
- 26. Манифест "О предначертаниях к усовершенствованию государственнаго порядка" // Полное собрание законов Российской империи : собр. в 33 томах. 3-е изд. Собр. 3-е. Том XXIII. 1903. Отд. I. СПб., 1905. С. 113—114.
- 27. *Корнев*, *В. А.* Русская православная церковь и государство: развитие отношений на протяжении десяти веков / В. А. Корнев // Преподавание истории в школе. 2010. № 10. С. 57–60.
- 28. *Поспеловский, Д.* Русская православная церковь: испытания начала XX века / Д. Поспеловский // Вопросы истории. 1993. № 1. С. 42–54.
- 29. Яноўская, В. В. Хрысціянская царква ў Беларусі, 1863–1914 гг. / В. В. Яноўская. – Мінск : Бел. дзярж. ун-т, 2002. – 197 с.
- Именной высочайший указ "О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка" // Полное собрание законов Российской империи: собр. в 33 т. 3-е изд. Собр. 3-е. Том XXIV. 1904. Отд. І. СПб., 1907. С. 1196–1198.
- 31. Лебедев А. П. "Великий и в малом...": Исследование по истории Русской Церкви и развития русской церковно-исторической науки. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2005. 384 с. (Серия "Библиотека христианской мысли. Исследования").
- 32. **Федоров, В. А.** Русская православная церковь и государство: синодальный период (1700–1917) / В. А. Федоров. М.: Русская панорама, 2003. 480 с.
- 33. Полонский, А. Православная церковь в истории России: синодальный период / А. Полонский // Преподавание истории в школе. 1996. № 1. С. 8–25.

- 34. Флоровский, Г. В. Пути русского богословия / прот. Георгий Флоровский. – Минск: Изд-во Бел. Экзархата, 2006. – 607 с
- 35. *Фирсов, С. С.* Русская церковь накануне перемен (конец 1890-х 1918 гг.) / С. С. Фирсов. М.: Культур. центр "Духов. Б-ка", 2002. 623 с.
- 36. Кулабухова, Е. В. Социально-политическое положение Российской православной церкви в белорусских губерниях накануне и в годы революции 1905–1907 гг. / Е. В. Кулабухова // Веснік Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. А. Куляшова. Сер. А, Гуманітарныя навукі: гісторыя, філаофія, філалогія. 2012. № 2(40). С. 45–53.

Поступила в редакцию 06.12.2018 г. Контакты: kulabuhova2007@mail.ru (Кулабухова Елена Владимировна)

Kulabuhova E. SOCIAL AND POLITICAL POSITION OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH IN THE BELARUSIAN PROVINCES IN THE PRE-REVOLUTIONARY PERIOD.

Today the study of the history of the Russian Orthodox Church is of great scientific interest and is one of the most developed topics both by church and secular historians. Joint scientific conferences on historical and church issues are regularly held, hundreds of books and thousands of articles on this topic have already been published.

The article discusses the issues related to the place and role of the Russian Orthodox Church in the social and political life of the Belarusian provinces in 1901–1904.

Keywords: Russian Orthodox Church (ROC), Orthodox clergy, diocese, Holy Synod, bishop, fraternity.

УДК 94(476)"1506/1518"

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ НА ОСНОВЕ КАТЕГОРИИ GENTILIS В "АПОСТОЛЕ" Ф. СКОРИНЫ И ЧЕШСКОЙ БИБЛИИ 1506 ГОДА

Д. Г. Пархоц

аспирант Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь)

данной статье рассматривается понимание категории gentilis в "Anoстоле" Ф. Скорины и Чешской Библии 1506 г. Оно актуально в связи с развитием идей гуситского движения на территории славянского мира, а также вопроса о влиянии старочешских текстов на "Апостол" Ф. Скорины. Исследование проведено на основе канонических текстов на греческом и латинском языках, Чешской Библии 1506 г., "Апостола" Скорины, а также для формировакартины полноценной привлека-Геннадиевская Библия 1499 г. и лись Библия Уиклифа и Пэрви 1395 г. В результате исследования было выявлено, что Ф. Скорина не придерживается понимания категории gentilis, используемого в Чешской Библии. Вслед за греческим текстом белорусский первопечатник усматривает в категории gentilis не только язычников (поганы), а отождествляет их с греками (еллинъ). Последнее отличает ее от Чешской Библии, которая рассматривает gentilis исключительно как язычников (pohane).

Ключевые слова: Ф. Скорина, "Апостол", Деяния апостолов, Новый Завет, старопечатные тексты, gentilis, гуситское движение.

Введение

Начиная обсуждение мировоззрения средневековых обществ в первую очередь необходимо заметить, что это были общества, которые значимо отличались от современных не только уровнем знаний, но и мировоззренческими основами. Они были основаны на иных ценностях, руководствовались иными мировоззренческими категориями, опирались на иные

границы социальных групп. Они на основании иных критериев проводили границы этносов, устанавливали разделение на *своих* и *чужих*.

Понимание этих различий между современными и средневековыми обществами объясняет необходимость обращения к моделям этнической идентификации, используемым на рубеже средневековья и Нового времени. Изучение позволяет понять, как в обществах прошлого конструировались этнические группы, формировалась оппозиция свой/чужой.

Основная часть

В данной статье мы рассмотрим вопрос этнической идентификации на примере категории *gentiles* (родовой, языческий). Методологически данный подход уже был использован О.В. Перзашкевичем, который рассмотрел категорию *gens* на материале Пятикнижия Моисея в издании Ф. Скорины и Чешской Библии 1506 г. [1; 2].

Мы рассмотрим понимание категории gentilis в "Апостоле" Ф. Скорины и Чешской Библии 1506 г. Решение вопроса также актуально в связи с развитием и распространением идей гуситского движения на территории славянского мира. Также оно интересно в связи с вопросом о текстах, которые оказали влияние на "Апостол" Ф. Скорины.

На влияние старочешской традиции на переводы Ф. Скорины неоднократно обращали внимание исследователи. В.П. Владимиров на основании сравнения отдельных лексических единиц, отличающихся от церковнославянского текста, предположил, что Ф. Скорина мог пользоваться Чешской Библией 1506 г. [3]. Схожей точки зрения придерживался и А.А. Алексеев, который также называл в качестве дополнительного источника латинский комментарий Николая де Лира [4]. Г.Я. Голенченко придерживается альтернативной точки зрения. Он указывает на влияние кирилло-мефодиевских переводов в восточнославянской редакции и говорит о незначительном влиянии Чешской Библии [5, с. 143].

В основу нашего исследования положены библеистические научные издания на греческом Novum Testamentum Graece (GNT) и Вульгата (Vulgate), подготовленная Немецким библейским обществом, Чешская Библия 1506 г., изданная в Венеции (ВСВ), "Апостол" Ф. Скорины 1525 г. из библиотеки Ивана Прокофьевича Каратаева (Ароstol), который на данный момент хранится в Российской государственной библиотеке, Геннадиевская Библия 1499 г. (GB), а также Библия Уиклифа-Пэрви 1395 г. (W-P) [6; 7; 8; 9; 10; 11].

Использование данного списка источников обосновывается тем, что греческий и латинский языки признаны каноническими и являются отправными точками для других библейских текстов. Чешская Библия 1506 г. неоднократно называлась в качестве возможных источников "Апостола" Ф. Скорины. Для того чтобы сформировать полноценную картину, мы также привлекли Геннадиевскую Библию как пример восточнославянского текста, хронологически близкого к "Апостолу", и Библию Уиклифа-Пэрви по причине популярности идей английского реформатора в Чехии, где начинал свою издательскую деятельность белорусский первопечатник [6; 7; 8; 9; 10; 11].

Прежде всего рассмотрим соответствующие фрагменты в латинском и греческом текстах.

Таблица 1 – Соответствие между латинским, греческим и старобелорусским текстом [6; 7; 9]

[-, ., .]		
Фрагмент	Vulgate	GNT
Acts 14:5	gentilis	έθνος
Acts 16:1	gentilis	Ελλην
Acts 16:3	gentilis	Ελλην
Acts 17:4	gentilis	Ελλην
Acts 17:12	gentilis	Ελληνίς
Acts 19:10	gentilis	Ελλην
Acts 19:17	gentilis	Ελλην
Acts 20:21	gentilis	Ελλην

Окончание таблицы 1

Фрагмент	Vulgate	GNT
Acts 21:28	gentilis	Ελλην
Romans 15:27	gentilis	έθνος
1 Corinthios 1:23	gentilis	έθνος
1 Corinthios 10:32	gentilis	Ελλην
1 Corinthios 12:13	gentilis	Ελλην
Galatas 2:3	gentilis	Ελλην
Galatas 2:14	gentilis	έθνος
Colossenses 3:11	gentilis	Ελλην

Таким образом, мы можем установить различие между латинским и греческим текстом. Латинскую категорию gentilis греческий текст передает двумя категориями έθνος и Ελλην, последняя из них семантически не совпадает с латинской категорией. Категорию gentilis принято определять значениями семейный, языческий, родовой. Словарь средневековой латыни, подготовленный Оксфордским университетом, определяет категорию gentilis следующим образом:

- принадлежащий к дому и семье;
- принадлежащий к племени или народу;
  - местный, родной;
  - не еврейский;
  - языческий, нехристианский;
- принадлежащий к благородной, хорошей семье;
- родовитые (о соколах и лошадях) [12]. Категория έθνος семантически близка категории *gentilis*. Ее русско-греческий словарь Нового завета Баркли М. Ньюмана определяют следующим образом:
  - племя, народ;
- язычники, не евреи, неверующие [13, с. 67].

Похожие значения предлагает и словарь Нового завета Дж. Стронга:

- народ и племя;
- чужой, не еврей (обычно подразумевается язычник) [14].

Для категории $E\lambda\lambda\eta\nu$ словарь Нового завета Баркли М. Ньюмана предлагает два значения — грек (эллин) и не еврей (язычник) [13, с. 74]. Схожим образом категорию определяет и словарь Дж. Стронга. Он выделяет значения:

- эллин (грек) или житель Эллады;
- в широком смысле греко-говорящее лицо;
  - не еврей.

В одном стихе используется категория Ελληνίς (Acts 17:12), которая имеет значение *гречанка*, *язычница* [13, с. 75].

Таким образом, между латинской и греческими категориями существуют ярко выраженные отличия. Во-первых, для описания понятия gentilis греческий текст использует два значения. Вовторых, категория $E\lambda\lambda\eta\nu$ имеет значение эллин (грек), что не характерно для латинской категории.

Семантические различия подтверждает и комментарий Эразма Роттердамского. В Novum Instrumentum omne, изданной в 1516 г., он приводит следующий комментарий к Acts 16:

Nec rursum est gentilis hic $\varepsilon\theta$ vinò ς sed $E\lambda\lambda\eta v$ .i. graecus, qua vocem varie vertit interpres, nunc graecu, nunc gentilem [15].

В комментарии к Acts 16 он приводит различие в значении между терминами $\varepsilon\theta vo\varsigma$ и $E\lambda\lambda\eta v$. На основании греческого значения он считает, что в данном случае gentilis может иметь значение graecus.

Выделив отличия между категориями в канонических текстах, мы получили возможность установить связь между каноническими текстами и "Апостолом" Ф. Скорины, а также другими текстами, рассматриваемыми нами (Чешская Библия 1506 г., Геннадиевская Библия, Библия Уиклифа-Пэрви).

Таблица 2 – Соответствие между каноническими текстами и Библией Уиклифа-Пэрви 1395 г. [6; 7; 11]

	_		
Фрагмент	Vulgate	GNT	W-P
Acts 14:5	gentilis	έθνος	heathen men
Acts 16:1	gentilis	Ελλην	heathen
Acts 16:3	gentilis	Ελλην	heathen
Acts 17:4	gentilis	Ελλην	heathen men
Acts 17:12	gentilis	Ελληνίς	heathen women

Окончание таблицы 2

Фрагмент	Vulgate	GNT	W-P
Acts 19:10	gentilis	Ελλην	heathen men
Acts 19:17	gentilis	Ελλην	heathen men
Acts 20:21	gentilis	Ελλην	heathen men
Acts 21:28	gentilis	Ελλην	heathen men
Romans 15:27	gentilis	έθνος	heathen men
1 Corinthios 1:23	gentilis	έθνος	heathen men
1 Corinthios 10:32	gentilis	Ελλην	heathen men
1 Corinthios 12:13	gentilis	Ελλην	heathen men
Galatas 2:3	gentilis	Ελλην	heathen men
Galatas 2:14	gentilis	έθνος	heathen
Colossenses 3:11	gentilis	Ελλην	greek

Семантика категории Библии Уиклифа-Пэрви совпадают с Вульгатой (за исключением Colossenses 3:11). В среднеанглийском категория *heathen* определяла язычников, нехристиан или неевреев [16]. Для среднеанглийского текста не характерно понимание грек, используемое в греческом тексте.

Таблица 3 – Соответствие между каноническими текстами и Геннадиевской Библией 1499 г. [6; 7; 10]

[0, 7, 10]		
Vulgate	GNT	GB
gentilis	έθνος	языкъ
gentilis	Ελλην	еллинъ
gentilis	Ελλην	еллинъ
gentilis	Ελλην	еллинъ
gentilis	Ελληνίς	еллинъ
gentilis	Ελλην	еллинъ
gentilis	έθνος	языкъ
gentilis	έθνος	еллинъ
gentilis	Ελλην	еллинъ
gentilis	Ελλην	еллинъ
gentilis	Ελλην	еллинъ
gentilis	έθνος	языкъ
gentilis	Ελλην	еллинъ
	Vulgate gentilis	Vulgate GNT gentilis έθνος gentilis Ελλην gentilis έθνος gentilis Ελλην gentilis Ελλην gentilis Ελλην gentilis Ελλην gentilis Ελλην gentilis Ελλην

Геннадиевская Библия использует две категории *языкъ* и *еллинъ*, что совпадает с греческим текстом (за исключением 1 Corinthios 1:23). Семантика категории *еллинъ* восточнославянского текста совпадает с греческой $E\lambda\lambda\eta\nu$, а *языкъ* – с $\varepsilon\theta\nu$ о ς .

Таблица 4 – Соответствие между каноническими текстами и Чешской Библией 1506 г. [6; 7; 8]

Фрагмент Vulgate GNT BCB Acts 14:5 gentilis έθνος pohane Acts 16:1 gentilis Ελλην pohane Acts 16:3 gentilis Ελλην pohane Acts 17:4 gentilis Ελλην pohane Acts 17:12 gentilis Ελλην pohane Acts 19:10 gentilis Ελλην pohane Acts 19:17 gentilis Ελλην pohane Acts 20:21 gentilis Ελλην pohane Acts 21:28 gentilis Ελλην pohane 1 Corinthios 15:27 gentilis έθνος pohane 1 Corinthios 10:32 gentilis Ελλην pohane 1 Corinthios 12:13 gentilis Ελλην pohane Galatas 2:3 gentilis Ελλην pohane Gentilis ξθνος pohane		-		
Acts 16:1 $gentilis$ Ελλην $pohane$ Acts 16:3 $gentilis$ Ελλην $pohane$ Acts 17:4 $gentilis$ Ελλην $rzek$ Acts 17:12 $gentilis$ Ελλην $pohane$ Acts 19:10 $gentilis$ Ελλην $pohane$ Acts 19:10 $gentilis$ Ελλην $pohane$ Acts 19:17 $gentilis$ Ελλην $pohane$ Acts 19:17 $gentilis$ Ελλην $pohane$ Acts 20:21 $gentilis$ Ελλην $pohane$ Acts 21:28 $gentilis$ Ελλην $pohane$ Romans 15:27 $gentilis$ $ext{E} ext{E} ex$	Фрагмент	Vulgate	GNT	BCB
Acts 16:3 $gentilis$ Ελλην $pohane$ Acts 17:4 $gentilis$ Ελλην $rzek$ Acts 17:12 $gentilis$ Ελλην $pohane$ Acts 19:10 $gentilis$ Ελλην $pohane$ Acts 19:17 $gentilis$ Ελλην $pohane$ Acts 19:17 $gentilis$ Ελλην $pohane$ Acts 20:21 $gentilis$ Ελλην $pohane$ Acts 21:28 $gentilis$ Ελλην $pohane$ Acts 21:28 $gentilis$ Ελλην $pohane$ Romans 15:27 $gentilis$ $εθνος$ $pohane$ 1 Corinthios 1:23 $gentilis$ $εθνος$ $pohane$ 1 Corinthios 10:32 $gentilis$ $εθλην$ $pohane$ 1 Corinthios 12:13 $gentilis$ $εθλην$ $pohane$ Galatas 2:3 $gentilis$ $εθλην$ $pohane$ Galatas 2:14 $gentilis$ $εθνος$ $pohane$	Acts 14:5	gentilis	έθνος	pohane
Acts 17:4gentilis $E\lambda\lambda\eta\nu$ $rzek$ Acts 17:12gentilis $E\lambda\lambda\eta\nu$ içpohaneActs 19:10gentilis $E\lambda\lambda\eta\nu$ pohaneActs 19:17gentilis $E\lambda\lambda\eta\nu$ pohaneActs 20:21gentilis $E\lambda\lambda\eta\nu$ pohaneActs 21:28gentilis $E\lambda\lambda\eta\nu$ pohaneRomans 15:27gentilis $E\lambda\lambda\eta\nu$ pohane1 Corinthios 1:23gentilis $E\lambda\lambda\eta\nu$ pohane1 Corinthios 10:32gentilis $E\lambda\lambda\eta\nu$ pohane1 Corinthios 12:13gentilis $E\lambda\lambda\eta\nu$ pohaneGalatas 2:3gentilis $E\lambda\lambda\eta\nu$ pohaneGalatas 2:14gentilis $E\lambda\lambda\eta\nu$ pohane	Acts 16:1	gentilis	Ελλην	pohane
Acts 17:12 $gentilis$ $Eλληνίς$ $pohane$ Acts 19:10 $gentilis$ $Eλλην$ $pohane$ Acts 19:17 $gentilis$ $Eλλην$ $pohane$ Acts 19:17 $gentilis$ $Eλλην$ $pohane$ Acts 20:21 $gentilis$ $Eλλην$ $pohane$ Acts 21:28 $gentilis$ $Eλλην$ $pohane$ Romans 15:27 $gentilis$ $εθνος$ $pohane$ 1 Corinthios 1:23 $gentilis$ $εθνος$ $pohane$ 1 Corinthios 10:32 $gentilis$ $ελλην$ $pohane$ 1 Corinthios 12:13 $gentilis$ $ελλην$ $pohane$ Galatas 2:3 $gentilis$ $ελλην$ $pohane$ $extilis$ $extili$	Acts 16:3	gentilis	Ελλην	pohane
Acts 19:10gentilis $E\lambda\lambda\eta\nu$ pohaneActs 19:17gentilis $E\lambda\lambda\eta\nu$ pohaneActs 20:21gentilis $E\lambda\lambda\eta\nu$ pohaneActs 21:28gentilis $E\lambda\lambda\eta\nu$ pohaneRomans 15:27gentilis $E\theta\nu\sigma$ pohane1 Corinthios 1:23gentilis $E\theta\nu\sigma$ pohane1 Corinthios 10:32gentilis $E\lambda\lambda\eta\nu$ pohane1 Corinthios 12:13gentilis $E\lambda\lambda\eta\nu$ pohaneGalatas 2:3gentilis $E\lambda\lambda\eta\nu$ pohaneGalatas 2:14gentilis $E\theta\nu\sigma$ pohane	Acts 17:4	gentilis	Ελλην	rzek
Acts 19:17 $gentilis$ Ελλην $pohane$ Acts 20:21 $gentilis$ Ελλην $pohane$ Acts 21:28 $gentilis$ Ελλην $pohane$ Romans 15:27 $gentilis$ $εθνος$ $pohane$ 1 Corinthios 1:23 $gentilis$ $εθνος$ $pohane$ 1 Corinthios 10:32 $gentilis$ $εθλην$ $pohane$ 1 Corinthios 12:13 $gentilis$ $ελλην$ $pohane$ 1 Corinthios 12:13 $gentilis$ $ελλην$ $pohane$ $ελλην$ $pohane$ $ελλην$ $entilis$ $ελλην$ $entilis$ e	Acts 17:12	gentilis	Ελληνίς	pohane
Acts 20:21gentilis $Ελλην$ pohaneActs 21:28gentilis $Ελλην$ pohaneRomans 15:27gentilis $εθνος$ pohane1 Corinthios 1:23gentilis $εθνος$ pohane1 Corinthios 10:32gentilis $Ελλην$ pohane1 Corinthios 12:13gentilis $Ελλην$ pohaneGalatas 2:3gentilis $Ελλην$ pohaneGalatas 2:14gentilis $εθνος$ pohane	Acts 19:10	gentilis	Ελλην	pohane
Acts 21:28gentilis $Ελλην$ pohaneRomans 15:27gentilis $έθνος$ pohane1 Corinthios 1:23gentilis $έθνος$ pohane1 Corinthios 10:32gentilis $Ελλην$ pohane1 Corinthios 12:13gentilis $Ελλην$ pohaneGalatas 2:3gentilis $Ελλην$ pohaneGalatas 2:14gentilis $έθνος$ pohane	Acts 19:17	gentilis	Ελλην	pohane
Romans 15:27gentilis $\xi\theta$ voςpohane1 Corinthios 1:23gentilis $\xi\theta$ voςpohane1 Corinthios 10:32gentilis $\xi\theta$ voςpohane1 Corinthios 12:13gentilis $\xi\theta$ vopohaneGalatas 2:3gentilis $\xi\theta$ vopohaneGalatas 2:14gentilis $\xi\theta$ vopohane	Acts 20:21	gentilis	Ελλην	pohane
1 Corinthios 1:23	Acts 21:28	gentilis	Ελλην	pohane
1 Corinthios 10:32 gentilis $Ελλην$ pohane 1 Corinthios 12:13 gentilis $Ελλην$ pohane $Γλην$ galatas 2:3 gentilis $Γλην$ pohane $Γλην$ gentilis $Γλην$ pohane $Γλην$ gentilis $Γλην$ pohane $Γλην$ gentilis $Γλην$ pohane	Romans 15:27	gentilis	έθνος	pohane
1 Corinthios 12:13 $gentilis$ Ελλην $pohane$ Galatas 2:3 $gentilis$ Ελλην $pohane$ Galatas 2:14 $gentilis$ $ξθνος$ $pohane$	1 Corinthios 1:23	gentilis	έθνος	pohane
Galatas 2:3gentilisΕλληνpohaneGalatas 2:14gentilis $\xi \theta vo \varsigma$ pohane	1 Corinthios 10:32	gentilis	Ελλην	pohane
Galatas 2:14 gentilis έθνος pohane	1 Corinthios 12:13	gentilis	Ελλην	pohane
3 ,	Galatas 2:3	gentilis	Ελλην	pohane
	Galatas 2:14	gentilis	έθνος	pohane
Colossenses 3:11 gentilis Ελλην pohane	Colossenses 3:11	gentilis	Ελλην	pohane

Понимание библейских категорий Чешской Библией совпадает с Вульгатой (за исключением Acts 17:4). Ее автор использует понятие *pohane*, которое имеет значения:

- язычник, не принадлежащий к христианской или еврейской вере.
- представители языческого народа (во множественном числе);
  - племена, народы;
- представитель древней нации (грек или римлянин);
- христианин языческого (нееврейского) происхождения;
- неортодоксальный (по отношению к евреям);
  - языческие земли [17].

Семантика категории pohane в Чешской Библии 1506 г. совпадает с латинской категорией gentilis. Хотя pohane может иметь значение представитель

древней нации (грек или римлянин), однако традиционно для обозначения эллинов используется категория *rzek*. Например, латинская категория *graecus* совпадает со старочешской категорией *rzek*.

Таблица 5 – Соответствие между каноническими текстами и "Апостолом" Ф. Скорины [6; 7; 9]

	Vulgate	GNT	Апостол
Acts 14:5	gentilis	έθνος	поганы
Acts 16:1	gentilis	Ελλην	еллинъ
Acts 16:3	gentilis	Ελλην	еллинъ
Acts 17:4	gentilis	Ελλην	еллинъ
Acts 17:12	gentilis	Ελληνίς	еллински
Acts 19:10	gentilis	Ελλην	еллинъ
Acts 19:17	gentilis	Ελλην	еллинъ
Acts 20:21	gentilis	Ελλην	еллинъ
Acts 21:28	gentilis	Ελλην	поганы
Romans 15:27	gentilis	έθνος	языкъ
1 Corinthios 1:23	gentilis	έθνος	еллинъ
1 Corinthios 10:32	gentilis	Ελλην	еллинъ
1 Corinthios 12:13	gentilis	Ελλην	еллини
Galatas 2:3	gentilis	Ελλην	еллинъ
Galatas 2:14	gentilis	έθνος	язычески
Colossenses 3:11	gentilis	Ελλην	еллинъ
·			

Семантика текста белорусского первопечатника основывается на греческом тексте. Он использует категорию еллинъ, которая не характерна для Вульгаты. Так, белорусский первопечатник использует три категории (еллинъ, поганы и языкъ), что семантически соответствует греческому тексту (категория елиннъ соответствует категориями $E\lambda\lambda\eta\nu$ и $E\lambda\lambda\eta\nu$ іς, а языкъ и поганы – $\varepsilon\theta\nu$ о ε).

Ниже мы проанализируем категорию *gentilis* в "Апостоле" Ф. Скорины, Геннадиевской Библией, Чешской Библией и Библией Уиклифа и Пэрви 1395 г.

Таблица 6 – Соответствие на основе категории *gentilis* между старобелорусским, церковнославянским, старочешским и среднеанглийским текстами [8; 9; 10; 11]

	W-P	GB	BCB	Apostol
Acts 14:5	heathen men	языкъ	pohane	поганы
Acts 16:1	heathen	еллинъ	pohane	еллинъ

Окончание таблицы 6

	W-P	GB	BCB	Apostol
Acts 16:3	heathen	еллинъ	pohane	еллинъ
Acts 17:4	heathen men	еллинъ	rzek	еллинъ
Acts 17:12	heathen women	еллин-ски	pohane	еллин- ски
Acts 19:10	heathen men	еллинъ	pohane	еллинъ
Acts 19:17	heathen men	еллинъ	pohane	еллинъ
Acts 20:21	heathen men	еллинъ	pohane	еллинъ
Acts 21:28	heathen men	еллинъ	pohane	поганы
Romans 15:27	heathen men	языкъ	pohane	языкъ
1 Corinthios 1:23	heathen men	еллинъ	pohane	еллинъ
1 Corinthios 10:32	heathen men	еллинъ	pohane	еллинъ
1 Corinthios 12:13	heathen men	еллинъ	pohane	еллини
Galatas 2:3	heathen men	еллинъ	pohane	еллинъ
Galatas 2:14	heathen	языкъ	pohan- sky	языче- ски
Colossen- ses 3:11	greek	еллинъ	pohane	еллинъ

На основании приведенной выше таблицы мы можем прийти к следующим выводам. Понимание категории gentilis в "Апостоле" Ф. Скорины идентично Геннадиевской Библии. Это выражено в переводе понятия gentilis как еллинъ (в отличие от Чешской Библии и Библии Уиклифа-Пэрви). Также примечательно, что оба текста отходят от значения еллинъ три раза (Acts 14:5, Romans 15:27 и Galatas 2:14).

Заключение

Таким образом, Ф. Скорина не придерживался понимания категории gentilis в Чешской Библии. Категории, используемые в "Апостоле" Ф. Скорины и Геннадиевской Библии, исходят из семантики греческого текста в отличие от Библии Уиклифа-Пэрви и Чешской Библии 1506 г., которые в данном случае опираются на латинский оригинал. Вслед за греческим текстом белорусский первопечатник усматривает в

категории gentilis не только язычников (поганы), как это сделано в Чешской Библии 1506 г., но и отождествляет их с греками (еллинъ). Это делает невозможным рассмотрение понимания Ф. Скориной gentilis как идентификатора исключительно по религиозному признаку, добавляя к нему происхождение и/или территорию проживания.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1. **Перзашкевич О. В.** К вопросу о (έθνος) как самоидентификации в Чешской Библии 1506 года и "Апостоле" Ф. Скорины (на материале Пятикнижья) / О. В. Перзашкевич // Журнал Белорусского государственного университета История Минск : БГУ, 2017. С. 27–41.
- 2. Перзашкевич, О. В. Франциск Скорина и критерии этноидентификации: на основе библейской и ригведийской моделей (постановка проблемы) / О. В. Перзашкевич // Российские и славянские исследования: науч. сб. Вып. 6 / редкол.: А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. Минск: БГУ, 2011. С. 345–354.
- 3. *Владимиров, П. В.* Доктор Франциск Скорина, его переводы, печатные издания и язык / П. В. Владимиров. СПб. : Типография Императорской Академии наук, 1888. 414 с.
- 4. *Алексеев, А. А.* Текстология славянской Библии / А. А. Алексеев. Режим доступа: http://ksana-k.narod.ru/Book/alekseev/02/76.htm. Дата доступа: 20.04.2016
- 5. *Галенчанка*, *Г. Я.* Францыск Скарына беларускі і ўсходнеславянскі першадрукар / Г. Я. Галенчанка. Мінск : Навука і тэхніка, 1993. 137 с.
- 6. Novum Testamentum Graece [Электронный ресурс]. // The Scholarly Bible Portal of the German Bible Society. Режим доступа: https://www.academic-bible.com/en/online-bibles/novum-testamentum-graece-na-28/read-the-bible-text/. Дата доступа: 29.09.2017
- 7. Latin Vulgate [Электронный ресурс]. // The Scholarly Bible Portal of the German

- Bible Society Режим доступа: https://www.academic-bible.com/en/online-bibles/biblia-sacra-vulgata/read-the-bible-text/. Дата доступа: 29.09.2017
- 8. Biblij Cžeská W Benátkách tisstěná (1506)/[Электронный ресурс]. Режим доступа: https://play.google.com/store/books/details?id=JmhkAAAAcAAJ&r did=book-JmhkAAAAcAAJ&rdot=1. Дата доступа: 26.10.2016
- 9. Апостол / Российская государственная Библиотека [Электронный ресурс]. 2009. Режим доступа: http://dlib.rsl. ru/viewer/01004090448. Дата доступа: 20.04.2016
- 10. Геннадиевская Библия / Свято-Троицкая Сергиева Лавра [Электронный ресурс]. – http://old.stsl.ru/manuscripts/ unikalnye-knigi/8. – Дата доступа: 02.02.2017
- 11. Bible. N.T. English (Middle English) // by Terence P. Noble – Ward Printing Inc., Vancouver, B.C. – 2001 – 1091 c.
- 12. Dictionary of Medieval Latin from British Sources (DMLBS) [Электронный ресурс]. // Edited by Richard Ashdowne, David Howlett, and Ronald Latham Режим доступа: http://logeion.uchicago.edu/. Дата доступа: 05.01.2018
- 13. Греческо-русский словарь Нового Завета: Пер. Краткого греческо-английского словаря Нового Завета Баркли М. Ньюмона / Перевод и редактирование В. Н. Кузнецовой при участии Е. Б. Смагиной и И. С. Козырева. Москва: Российское библейское общество, 2008 240 с.
- Greek dictionary of the New Testament / by James Strong – AGES Software, Albany, USA/ –1997 –540 c.
- 15. Testamentum novum Diligenter ab Erasmo recognitum (gr. et lat.) cum annotationibus [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.by/books?id=c5g41t44GTwC&printsec=fro ntcover&dq=Testamentum+novum+Dili genter+ab+Erasmo+recognitum+(gr.+et+lat.)+cum+annotationibus&hl=en&sa=X &ved=0ahUKEwiG3ef8udTWAhVCD5 oKHVTABzMQ6AEIKTAA#v=onepage &q&f=false. Дата доступа: 29.09.2017

- 16. Middle English Dictionary [Электронный ресурс] // the Regents of the University of Michigan 2014 Режим доступа: https://quod.lib.umich.edu/m/med/. Дата доступа: 05.01.2018
- 17. Staročeský slovník. The Institute of the Czech Language of the Academy of Sciences of the Czech Republic [Electronic resource] 2017. Режим доступа: http://vokabular.ujc.cas.cz. Дата доступа: 05.01.2018.

Поступила в редакцию 31.05.2108 г. Контакты: denisparhoc@mail.ru (Пархоц Денис Геннадьевич)

Parkhots D. ETHNIC IDENTIFICA-TION BASED ON THE CONCEPT OF GEN-TILIS IN "APOSTOL" OF F. SKORYNA AND THE CZECH BIBLE OF 1506.

The article deals with the question of the semantics of the category of gentilis in "Apostol" of F. Skoryna and in the Czech Bible of 1506. Its relevance is connected with the development of the Hussite movement ideas in the territory of the Slavic world, as well as with the influence of the Old Czech texts on "Apostol" of F. Skoryna. The main sources of the research are the canonical Greek and Latin texts, the Czech Bible of 1506, "Apostol" of F. Skoryna. To form a complete picture the Gennady's Bible of 1499 and the Bible of Wycliffe and Purvey of 1395 have been also used. It has been revealed that F. Skoryna does not adhere to the understanding of the category of gentilis presented in the Czech Bible. Following the Greek text, the Belarusian printer sees in the category of gentilis not only pagans (погане), but equates them with the Greek (еллинъ). The Czech Bible treats gentilis exclusively as pagans (pohane).

Keywords: F. Skoryna, Apostol, Acts of the Apostles, New Testament, early printed books, gentilis

УДК 323.1(476) + 930.1(476)

ДАСЛЕДАВАННЕ НАЦЫЯНАЛЬНЫХ МЕНШАСЦЕЙ У БЕЛАРУСІ Ў БЕЛАРУСКАЙ САВЕЦКАЙ ГІСТАРЫЯГРАФІІ 1920-х гг.

Д. А. Крэнт

аспірант

Інстытут гісторыі НАН Беларусі

У артыкуле асвятляецца праблема даследавання іншанацыянальнага насельніцтва Беларусі ў беларускай савецкай гістарыяграфіі 1920-х гг. Публікацыя падрыхтавана на падставе прац, прысвечаных гісторыі нацыянальных меншасцей у Беларусі, а таксама шэрагу архіўных матэрыялаў. Вылучаны асноўныя тэматычныя блокі, у межах якіх вывучалася мінулае нацыянальных меншасцей. Робіцца выснова пра тое, што для даследаванняў па палітычнай гісторыі і гісторыі асветы была ўласціва аднастайнасць ацэнак, палітычная заангажаванасць. З іншага боку – для работ, прысвечаных узаемаўплывам нацыянальных меншасцей з беларускім насельніцтвам, была характэрна ідэйная разнастайнасць, адрозненне поглядаў на мінулае шэрагу нацыянальных меншасцей у Беларусі.

Ключавыя словы: гістарыяграфія, нацыянальныя меншасці, нацыянальная палітыка, асвета, палітычная гісторыя, міжнацыянальнае ўзаемадзеянне.

Уводзіны

Асаблівасцю насельніцтва Беларусі з'яўляецца яго шматнацыянальны характар. На працягу значнага прамежку часу ўнёсак ва ўсе сферы жыцця краіны і грамадства зрабілі прадстаўнікі розных нацыянальнасцей. Пра апошняе сведчыць з'яўленне спецыялізаванай літаратуры, прысвечанай розным аспектам мінулага шэрагу нацыянальных меншасцей у Беларусі: яўрэяў, палякаў, літоўцаў, латышоў, татараў, цыганоў і інш. Працы, прысвечаныя гісторыі, дэмаграфіі і этнаграфіі нацыянальных меншасцей у Беларусі, пачалі з'яўляцца ў часы Расійскай імперыі. Аднак толькі ў

© Крэнт Д. А., 2019

міжваенны перыяд іх вывучэнне набыло сістэматызаваны характар. Мэтай дадзенага артыкула з'яўляецца аналіз беларускага савецкага вопыту даследавання нацыянальных меншасцей.

Асноўная частка

Праблема нацыянальнай разнастайнасці насельніцтва Беларусі набыла актуальнасць падчас афармлення беларускай дзяржавы. Абвяшчэнне БНР, а пасля і БССР паставіла на парадак дня задачу вызначэння, а пасля і аб'яднання беларускай этнічнай тэрыторыі. Апошняе стала імпульсам для арганізацыі дэмаграфічных і этнаграфічных даследаванняў, скіраваных на вывучэнне нацыянальнай структуры насельніцтва Беларусі.

Зварот да беларускага савецкага вопыту дазваляе сцвярджаць, што галоўнай прычынай актуалізацыі даследаванняў, прысвечаных нацыянальным меншасцям у Беларусі, стала нацыянальная палітыка, якая праводзілася ў Савецкай дзяржаве. Стратэгія ў межах правядзення адзначанай палітыкі, накіраванай на падтрымку нацыянальных меншасцей, закранула і навуковую сферу дзейнасці. У Савецкай Беларусі апошняе праявілася ў арганізацыі шэрагу нацыянальных навукова-даследчых падраздзяленняў пры Інстытуце беларускай культуры: яўрэйскага аддзела (пачаў афармляцца ў 1921 г., з 1927 г. – сектар), польскага аддзела (з 1925 г., з 1927 г. – сектар), кафедры гісторыі Літвы (з 1927 г.), Латышскай камісіі (распачала працу прыблізна ў пачатку 1928 г.) [1].

Палітычную значнасць згаданай праблемы адлюстроўвае той факт, што арганізацыя паняццяў і тэрмінаў, характарызуючых нацыянальную разнастайнасць, уваходзіла ў кампетэнцыю прадстаўнікоў кіруючых органаў, якія займаліся выпрацоўкай і рэалізацыяй практычных мерапрыемстваў нацыянальнай палітыкі ў СССР і БССР.Навукоўцы ў даследаваннях 1920-х гг., аперыруючы такімі паняццямі і тэрмінамі, як "нацыя-

нальная меншасць", "калонія" і інш., не ставілі задачу раскрыць іх сутнаснае значэнне, не ўзнімалі пытанне, якія з этнічных груп варта адносіць да нацыянальных меншасцей. Адзіным выключэннем з шэрагу даследаванняў 1920-х гг. з'яўляецца артыкул беларускага мовазнаўцы Л. Цвяткова "Некалькі словаў аб менскіх татарах" (1927). Навуковец канстатаваў: "Невялікая розніца ў культуры і побыце патрабуюць далейшых доследаў татарскага насельніцтва з мэтай высвятлення іх статусу: з'яўляюцца ці яны асобнай нацыянальнай меншасцю або спецыфічнай рэлігійнай групай мусульман-беларусаў у адным радзе з беларусамі-праваслаўнымі і беларусамі каталікамі" [2, с. 17].

Азнаямленне з беларускай савецкай гістарычнай літаратурай 1920-х гг., прысвечанай нацыянальным меншасцям у Беларусі, дазваляе вылучыць некалькі тэматычных блокаў, у межах якіх вывучалася іх мінулае. Атрымалі асвятленне праблемы развіцця сістэмы адукацыі, палітычнай гісторыі, узаемадзеяння асобных этнічных груп з тытульным насельніцтвам.

Пэўны інтарэс назіраўся да асвятлення адукацыйнай палітыкі ў дачыненні да нацыянальных меншасцей у часы Расійскай імперыі. Так, у 1920-я гг. з'явілася некалькі аглядных прац, прысвечаных гісторыі адукацыі і сучаснаму становішчу латышскага, літоўскага, польскага і яўрэйскага насельніцтва ў БССР [1; 3]. Адзначаныя працы мелі не навуковы, а публіцыстычны характар. Выключэннем у гэтым плане з'яўляюцца працы Ю. Дардака і Л. Мышкоўскага, прысвечаныя гісторыі асветы яўрэйскага насельніцтва ў Беларусі [4; 5]. Аўтары прац сыходзіліся ў сваіх ацэнках, падкрэслівалі, што існуючая ў час Расійскай імперыі сістэма адукацыі з'яўлялася інструментам русіфікацыі і сродкам рэлігійнай прапаганды. На думку складальнікаў прац, толькі пасля звяржэння самаўладства можна было гаварыць пра пераход да нацыянальнай сістэмы адукацыі. У адзначаным выпадку апеляцыя да мінулага згаданых народаў на Беларусі здзяйснялася для таго, каб паказаць кантраст паміж нацыянальнай палітыкай, якая праводзілася ў Расійскай імперыі царскім урадам, і маладой Савецкай дзяржавай.

Значнае месца ў даследаваннях 1920-x ΓΓ. адводзілася праблеме палітычнай гісторыі, удзелу ў рэвалюцыйным руху прадстаўнікоў нацыянальных меншасцей. У першую чаргу асвятлялася дзейнасць яўрэйскіх арганізацый сацыялістычнай арыентацыі. дамінавання яўрэйскага нацыянальнага кампанента ў палітычным полі беларускага краю прызнаваўся нават у абагульняючых працах па гісторыі Беларусі. Гісторык, палітычны і дзяржаўны дзеяч У. Ігнатоўскі ў "Кароткім нарысе гісторыі Беларусі" (1919) адзначаў: "Для беларускага горада з'яўляўся тыповым марксісцкі рабочы рух, афарбаваны ў габрэйскі нацыянальны тон" [6, с. 172]. Даследчык канстатаваў, што яўрэйскія арганізацыі мелі ўплыў і на беларускія народныя масы. У якасці прыкладу гісторык прыводзіў той факт, што З. Жылуновіч, старшыня Часовага ўраду БССР, распачаў сваю палітычную дзейнасць у шэрагах Бунда.

Значная ўвага надавалася выяўленню крыніц, прысвечаных яўрэйскаму рэвалюцыйнаму руху ў Беларусі. Гістарычная секцыя яўрэйскага аддзела Інбелкульта на працягу 1924 г. сабрала больш за 500 успамінаў удзельнікаў рэвалюцыйных падзей [7, арк. 73]. Цэнтральнае месца ў выяўленні і накапленні крыніц па палітычнай гісторыі адводзілася Мінскаму Гістпарту, архіўныя фонды якога папаўняліся дакументальнымі калекцыямі пра дзейнасць Бунда, Паалей-Цыёна і іншых яўрэйскіх партыйных арганізацый у рэгіёне.

У аналітычных работах, прысвечаных яўрэйскім арганізацыям, галоўны акцэнт быў зроблены на асвятленні дзейнасці Бунда. Даследчыкаў у першую чаргу цікавілі прычыны адасобленасці дадзенай палітычнай арганізацыі ад агульнарасійскай сацыял-дэмакратыі. На думку гісторыка І. Сосіса, які з'яўляўся ў 1917—1918 гг. сакратаром Петраградскага аддзялення Бунда, апошняму ў значнай ступені садзейнічала "рыса аселасці", існаванне якой стала прычынай ізаляцыі і "нацыяналізацыі" яўрэйскага працоўнага руху ў цэлым і "аўтанамісцкіх" патрабаванняў кіраўніцтва Бунда ў прыватнасці [8, с. 144].

3 сярэдзіны 1920-х гг. адбываецца паступовая змена акцэнтаў пры асвятленні дзейнасці яўрэйскага палітычнага кампанента ў Беларусі. Асноўная ўвага пачала надавацца не ўнёску арганізацый распаўсюджванне сацыялістычных ідэй, а прычынам зніжэння папулярнасці яўрэйскіх партый сярод насельніцтва, бальшавізацыі часткі іх актыву і шараговых членаў у час рэвалюцыйных зрухаў 1917 г. Значныя намаганні да перагляду ацэнак прыклаў былы член Бунда, а пасля актывіст камуністычнага руху С. Агурскі. У сваіх даследаваннях гісторык адносіў найбольш уплывовыя яўрэйскія арганізацыі, у тым ліку і Бунд, да дробнабуржуазных [9]. На яго думку, першапачаткова папулярнасці арганізацыі сярод працоўных яўрэяў садзейнічаў той момант, што агітацыю згаданая партыя праводзіла на мове ідыш. Галоўнай прычынай зніжэння палітычнай вагі партыі сярод працоўных падчас Першай сусветнай вайны даследчык лічыў кансерватыўнасць яе тагачаснага кіраўніцтва і бальшавізацыю партыйнага актыву [9, с. 18].

Атрымала асвятленне і праблема дзейнасці польскіх палітычных арганізацый у Беларусі. Ад моманту афармлення польскага аддзела Інбелкульта ў 1925 г., яго гістарычная секцыя мусіла распачаць вывучэнне крыніц у касцельных архівах, а таксама ўпарадкаваць дакументы Польскага бюро ЦК КП(б)Б і Наркамата асветы. Дадзеная работа павінна была здзяйсняцца для выяўлення матэрыялаў па польскім рэва-

люцыйным руху ў Беларусі [10, арк. 69]. Вывучэннем палітычнай актыўнасці польскага насельніцтва ў Беларусі займаўся ўдзельнік падзей 1917 г. у Мінску, былы Наркам земляробства БССР, кіраўнік польскага аддзела Інбелкульта і рэктар Камуністычнага ўніверсітэта ў Мінску С. Гельтман. Даследчыкам была падрыхтавана праца па праблеме польскіх працоўных у Кастрычніцкай рэвалюцыі ў Беларусі [11]. Гісторык значную ўвагу ў даследаванні надаў разгляду палітычнай дыферэнцыяцыі польскага сацыялістычнага руху, вызначыў прычыны бальшавізацыі польскіх працоўных у Беларусі. Даследчык прысвяціў частку сваёй работы супрацьпрабальшавіцкі стаянню скіраваных польскіх працоўных дзейнасці "контррэвалюцыйных" сіл (у першую чаргу маецца на ўвазе дзейнасць польскага корпуса на чале з Ю. Доўбар-Мусніцкім. – Д. К.) [11, s. 68–88].

Вывучэнне палітычнай актыўнасці іншых нацыянальных меншасцей не праводзілася. Апошняе варта звязаць з той акалічнасцю, што прадстаўнікі другіх нацыянальнасцей не мелі моцных палітычных арганізацый на тэрыторыі Беларусі. Аўтарамі прац па гісторыі рэвалюцыйнага руху выступалі былыя яго ўдзельнікі. Даследчыкі сыходзіліся ў сваіх высновах на тым, што дзейнасць палітычных арганізацый нацыянальных меншасцей спрыяла распаўсюджванню ідэй марксізму на беларускай тэрыторыі. Для аўтараў з'яўляўся заканамерным працэс бальшавізацыі працоўных, прыхільнасць асноўнай масы палітычна актыўнага насельніцтва пралетарскага паходжання да камуністычных ідэй. Актуалізацыя праблемы палітычнай гісторыі дала імпульс для актывізацыі пошукавай дзейнасці, пашырэння корпуса дакументальных крыніц. Назіраюцца спробы прыцягнуць да напісання прац эмпірычны матэрыял, які не датычыўся палітычнай гісторыі.

Значная частка даследаванняў, прысвечаных нацыянальным меншасиям. закранала праблемы ўзаемадзеяння і ўзаемаўплыву з прадстаўнікамі тытульнай нацыі. Так, беларускі пісьменнік яўрэйскага паходжання З. Бядуля ў сваёй брашуры "Яўрэі на Беларусі: бытавыя штрыхі" (1918) адзначаў, што працэсы культурных і эканамічных узаемаўплываў паміж яўрэямі і беларусамі з'яўляліся ўзаемнымі, звярнуў увагу на тую акалічнасць, што няпоўная сацыяльная структура згаданых нацыянальнасцей садзейнічала фарміраванню своеасаблівага сімбіёзу ў эканамічным жыцці паміж імі [12]. Праблему няпоўнай сацыяльнай структуры яўрэйскага насельніцтва развіваў І. Сосіс [13]. Адной з прычын незацікаўленасці яўрэяў у земляробчых занятках, акрамя абмежавальнага заканадаўства, навуковец лічыў нежаданне апошніх перайсці на самую ніжэйшую, не абароненую з прававога пункту гледжання прыступку сацыяльнай іерархіі.

Актуальным па прычыне ўзаемнага ўзбагачэння культуры цыганоў і беларусаў лічыў вывучэнне мінулага цыганскага насельніцтва беларускі гісторык і археограф Д. Даўгяла [14, с. 34]. У падрыхтаваным ім гістарычным экскурсе даследчык раскрыў толькі характар стаўлення дзяржаўных органаў улады (ВКЛ, Рэчы Паспалітай, Расійскай імперыі. – Д. К.) да цыганскага насельніцтва. Такая тэматычная скіраванасць артыкула значнай ступені была выклікана абмежаванасцю крыніцазнаўчай базы. Свае высновы гісторык выбудоўваў на падставе заканадаўчых і актавых матэрыялаў.

Праблема ўзаемадзеяння нацыянальных меншасцей і прадстаўнікоў тытульнай нацыі атрымала разгляд у даследаваннях, прысвечаных татарскаму насельніцтву. У працах Я. Карскага і А. Шлюбскага значная ўвага надавалася вывучэнню татарскай літаратуры і асвятленню прычын пераходу татарскага насельніцтва на беларускую мову [15; 16]. Этнограф А. Шлюбскі галоўнай прычынай пераймання мовы тытульнага насельніцтва мясцовымі татарамі лічыў той факт, што татары-мужчыны былі вымушаны ўступаць у шлюб з прадстаўніцамі карэннага насельніцтва. Даследчык падкрэсліваў: "маткі гаварылі і навучалі сваіх дзяцей на сваёй беларускай мове... а не на невядомай ім татарскай" [16, с. 51]. Даследчыкі сыходзіліся ў думцы, што ва ўмовах паланізацыі татарская літаратура стала адзіным сродкам захавання беларускай пісьмовай мовы ў канцы XVII—XVIIIстст.

Варта вылучыць працы пісьменніка, студэнта Камуністычнага ўніверсітэта ў Мінску, В. Вольскага, які ў другой палове 1920-х гг. выдаў серыю артыкулаў, прысвечаных татарскаму насельніцтву [17; 18; 19]. У яго працах узнімаліся праблемы гісторыі, культуры і этнаграфіі згаданай этнічнай групы ў Беларусі. В. Вольскі звярнуў значную ўвагу на адметнасці татарскага насельніцтва ў Беларусі адносна іншых цюркскіх народаў, іх больш "еўрапеізаваны" побыт і светапогляд [19, с. 29]. Яго ўклад у вывучэнне татарскага насельніцтва ў Беларусі лічыўся настолькі значным, што ў 1929 г. на пасяджэнні Прэзідыума БАН ставілася пытанне аб уключэнні яго ў штат супрацоўнікаў кафедры этнаграфіі як адзінага спецыяліста ў БССР па татарскай праблематыцы [20, арк. 91].

Апошняе сцвярджэнне нельга назваць цалкам слушным. У Інбелкульце, а пазней у БАН, пад кіраўніцтвам А. Ясінскага праходзіў навучанне ў аспірантуры прадстаўнік татарскай супольнасці Беларусі Я. Гембіцкі. Ім быў выдадзены артыкул, прысвечаны стану татарскага насельніцтва ў Беларусі ў часы Вялікага Княства Літоўскага [21]. Акрамя таго, на пасяджэнні Сацыяльнагістарычнай секцыі Інбелкульта Я. Гембіцкім быў зачытаны даклад "Уплыў "Кітаба" на духоўную культуру літоўскіх татараў у XVI-XVIII стагоддзях" [22, арк. 185-186].

Пэўны інтарэс назіраўся да вывучэння перасяленчага насельніцтва. Так. В. Аўрагаў паказаў асаблівасці культурнага развіцця на прыкладзе канкрэтнай літоўскай вёскі Сафійск (зараз Магілёўская вобласць. $-\mathcal{A}$. $\mathcal{K}$.) [23]. Аўтар канстатаваў, што літоўскае насельніцтва аказалася схільным да асіміляцыі і пераймання беларускай мовы і культуры. Асноўную прычыну дадзенага працэсу даследчык бачыў у распадзе традыцыйнага ўкладу жыхароў літоўскай вёскі, арганізацыі школьнай адукацыі на рускай, а пасля і беларускай мове. У значнай ступені дадзенаму падыходу да даследавання перасяленчага насельніцтва пярэчыў К. Мартэсон у сваёй праграме "Зьбіраньне этнолёгічна-лінгвістычных матэрыялаў сярод латыскага насяленьня БССР" (1929) [24]. Складальніка праграмы цікавілі не асіміляцыйныя працэсы сярод латышоў, а абгрунтаванне адметнасці перасяленцаў. Унікальнасць латышскага насельніцтва ў Беларусі ён бачыў у тым, што, знаходзячыся ў іншанацыянальным асяродку, латышы ў БССР з'яўляліся носьбітамі архаічных рысаў у культуры і мове ў параўнанні з латышскім насельніцтвам Латвіі, якое перажыло працэс нацыянальнай кансалідацыі і падаўлення рэгіянальных адметнасцей [24, с. 53].

Асобна варта вылучыць працу прадстаўніка літоўскай супольнасці ў БССР гісторыка В. Скардзіса "Літоўцы на Беларусі: нарыс аб літоўскіх колёніях" (1929) [25; 26]. У яго артыкуле значная ўвага надавалася гісторыі з'яўлення эканамічнага развіцця літоўскіх паселішчаў у Савецкай Беларусі. Асвятленне перасяленчага працэсу дало падставу прыйсці да высновы аб не карэнным характары літоўскай этнічнай групы ў тагачаснай БССР. В. Скардзіс не ставіў у рабоце задачы пошуку адметнасцей, унікальнасці літоўскага насельніцтва. Даследчык імкнуўся паказаць блізкасць з тытульным насельніцтвам, пры гэтым не ў культурным вымярэнні, а эканамічным і сацыяльным. У дадзеным выпадку яго даследаванне з'яўлялася своеасаблівым прадвеснікам да вывучэння мінулага нацыянальных меншасцей, якое пачало дамінаваць у 1930-я гг.

Заключэнне

Такім чынам, у сувязі са складаным працэсам афармлення беларускай дзяржавы, асаблівасцямі нацыянальнай палітыкі, якая праводзілася ў БССР праблема мінулага нацыянальных меншасцей у Беларусі набыла актуальнасць. У беларускай савецкай гістарыяграфіі 1920-х гг. можна вылучыць адносколькасць невялікую на тэматычных блокаў, у межах якіх вывучалася мінулае нацыянальных меншасцей, што варта звязаць з зародкавым станам даследаванняў. Для работ, прысвечаных гісторыі асветы, было ўласціва асвятленне адмоўных бакоў арганізацыі школьнай адукацыі ў часы Расійскай імперыі. Для даследаванняў, прысвечаных палітычнай гісторыі нацыянальных меншасцей, характэрнай асаблівасцю становіцца разуменне ролі польскіх і яўрэйскіх палітычных арганізацый як рэтранслятараў і распаўсюджвальнікаў марксісцкіх ідэй у рэгіёне. Іх арганізацыі разглядаліся як прамежкавае звяно ў бальшавізацыі насельніцтва. Характэрнай асаблівасцю работ дадзенай тэматыкі з'яўляецца аднастайнасць ацэнак. Найбольшы інтарэс з тэматычнага спектра выклікаюць работы, прысвечаныя ўзаемаўплывам з прадстаўнікамі тытульнага насельніцтва. Працы адзначанага тэматычнага блоку адрозніваюцца ідэйнай разнастайнасцю, варыятыўнасцю падыходаў да асвятлення мінулага нацыянальных меншасцей. Асноўнай іх задачай з'яўлялася паказаць унікальны характар прадстаўнікоў нацыянальных меншасцей у Беларусі, актуалізаваць вывучэнне асобных этнічных груп і скласці агульнае ўяўленне пра іх гісторыю.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

- 1. Практическое разрешение национального вопроса в БССР. Минск: Изд. Нац. ком. ЦИК БССР, 1928. Ч. 2: Работа среди национальных меньшинств. 159 с.
- Двяткоў, Л. Некалькі слоў аб менскіх татарах / Л. Цвяткоў // Наш край. – 1927. – № 6–7. – С. 10–17.
- Дасягненні ў культурна-асьветнай працы сярод нацыянальных меншасцяй БССР к 10-ай гадавіне Кастрычніцкай рэвалюцыі // Асьвета. 1927. № 7. С. 135–145.
- Дардак, Ю. Да гісторыі яўрэйскай школы ў БССР / Ю. Дардак // Асьвета. – 1926. – № 6. – С. 168–174.
- 5. *Мышкоўскі, Л.* Асьвета жыдоў на Беларусі да Лютаўскай рэвалюцыі / Л. Мышкоўскі // Беларусь : зборнік. 1924. С. 119—123.
- Ігнатоўскі, У. М. Кароткі нарыс гісторыі Беларусі / У. М. Ігнатоўскі. – 5-е выд. – Мінск: Беларусь, 1991. – 190 с.
- 7. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. Ф. 701. Воп. 1. Спр. 17.
- Сосіс, І. Д. Асноўныя моманты ў гісторыі жыдоўскага рабочага руху ў Беларусі / І. Д. Сосіс // Беларусь : зборнік. – 1924. – С. 141–147.
- Агурский, С. Х. Очерки по истории революционного движения в Белоруссии (1863–1917) / С. Х. Агурский. Минск: Бел.гос. изд., 1928. 346 с.
- Цэнтральны навуковы архіў Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі (далей ЦНА НАН Беларусі). – Ф. 67. Воп. 1. Спр. 8.
- 11. *Heltman, S.* Robotnik polski w Rewolucji Październikowejna Białorusi / Stefan Heltman. – Mińsk, 1927. – 136 s.
- 12. *Бядуля*, **3.** Жыды на Беларусі. Бытавыя штрыхі / **3**. Бядуля. Менск : Друкарня Я. А. Грынблата, 1918. **32** с.
- 13. *Cocic, I. Д.* Яўрэі на Беларусі / І. Д. Cocic // Спадчына. 1992. № 2. С. 75–81.
- Даўгяла, Дз. І. Цыганы на Беларусі: гістарычны нарыс / Дз. І. Даўгяла // Наш край. – 1926. – № 12. – С. 25–34.
- Карскі, Я. Ф. Беларуская мова арабскім пісьмом / Я. Ф. Карскі / Веснік Наркомасьветы ССРБ. 1922. № 1. С. 3–5.

- Шлюбскі, А. А. Беларуская мова арабскай транскрыпцыяй / А. А. Шлюбскі // Наш край. – 1926. – № 6–7. – С. 51–53.
- 17. **Вольскі, В. Ф.** Татары на Беларусі / В. Ф. Вольскі // Наш край. 1927. № 4. С. 25—29.
- 18. Вольскі, В. Ф. На конт нацыянальнай літаратуры беларускіх татар / В. Ф. Вольскі // Узвышша. 1927. № 4.
- Вольскі, В. Ф. Беларускія элемэнты ў бытавой абраднасьці літоўскіх татар / В. Ф. Вольскі // Наш край. 1929. № 8–9. С. 23–29.
- 20. ЦНА НАН Беларусі. Ф. 1. Воп. 1. Спр. 2.
- 21. *Гембіцкі*, *Я. Х.* Да пытання аб сацыяльна-эканамічным стане беларускіх татар у сярэднявеччы / Я. Х. Гембіцкі // Запіскі аддзелу гуманітарных навук. Кніга 8. Працы клясы гісторыі. Т. III. С. 53—64.
- 22. ЦНА НАН Беларусі. Ф. 67. Воп. 1. Спр. 23.
- 23. *Аўрагаў*, *B*. У процэсе асіміляцыі : Нарыс з жыцьця літоўскае вёскі ў Беларусі / В. Аўрагаў // Чырвоны Сьцяг. 1925. № 3–4. С. 10–15.
- 24. Мартэнсон, К. Зъбіраньне этнолёгічналінгвістычных матар'ялаў сярод латыскага насяленьня БССР / К. Мартэнсон // Наш край. – 1929. – № 3. – С. 53–54.
- 25. Скардзіс, В. І. Літоўцы на Беларусі (Нарыс аб літоўскіх колёніях) / В. І. Скардзіс // Наш край. – 1929. – № 6–7. – С. 25–34.
- 26. Скардзіс, В. І. Літоўцы на Беларусі (Нарыс аб літоўскіх колёніях) : працяг / В. І. Скардзіс // Наш край. — 1929. — № 8–9. — С. 8–22.

Паступіў у рэдакцыю 10.04.2019 г. Кантакты: dzmitriy.krent@yandex.ru (Крэнт Дзмітрый Аляксандравіч)

Krent D. NATIONAL MINORITIES IN BELARUS PRESENTED IN THE BELARU-SIAN SOVIET HISTORIOGRAPHY OF THE 1920s.

The article highlights the problem of the non-Belarusian ethnic groups viewed in the Belarusian Soviet historiography of the 1920s. The work is based on the publications and archival materials on the history of national minorities in Belarus. The basic thematic units within which the past of the national minorities was studied are singled out. It is concluded that publications on political and education history show the uniformity of assessment due to their political bias. On the other hand, the studies on the mutual influence of national minorities and Belarusian population demonstrate different views on the history of national minorities in Belarus.

Keywords: historiography, national minorities, national policy, education, political history, international cooperation.

УДК 343.82(476)

МАТЕРИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЛИЧНОГО СОСТАВА ТЮРЕМ НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

С. Н. Чайкин

соискатель Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

На основе изучения архивных данных исследуется процесс развития системы материального обеспечения служащих тюремного ведомства на белорусских землях в XIX — начале XX вв. Выявляется взаимосвязь политики улучшения материального положения личного состава мест лишения свободы с определением тюремного заключения в качестве основного вида уголовных наказаний и активизацией революционного движения в начале XX в. Оценивается значение изменений в системе материального обеспечения служащих тюремного ведомства в ходе тюремной реформы 1879 г.

Ключевые слова: Российская империя, смотритель тюремного замка, тюремный надзиратель, тюремная реформа 1879 г., Главное тюремное управление.

Введение

Одним из необходимых условий прохождения службы личным составом мест лишения свободы, как в Российской империи, так и на белорусских землях, являлось его материальное обеспечение. Процесс развития системы материального обеспечения служащих тюремного ведомства исследовался российскими учеными как в начале XX в. (Н.Ф. Лучинским, С.В. Познышевым, А.П. Саломоном), так и в настоящее время (А.П. Печниковым и И.В. Упоровым). Однако исследований, посвященных материальному обеспечению личного состава тюрем на белорусских землях, до настоящего времени не проводилось. Вместе с тем изучение

комплекса мер по улучшению материального положения служащих мест лишения свободы, особенно после тюремной реформы 1879 г., необходимо для определения исторической преемственности этого процесса и основных направлений деятельности МВД Республики Беларусь на современном этапе, одним из которых является обеспечение правовой и социальной защищенности сотрудников органов внутренних дел.

Основная часть

Развитие системы мест лишения свободы как в Российской империи, так и на белорусских землях, на протяжении XIX в. закономерно привело к изменениям порядка прохождения службы личным составом мест лишения свободы, в том числе и системы его материального обеспечения. Формирование профессиональной службы тюремной администрации, правовой основой деятельности которой стала "Инструкция смотрителю губернского тюремного замка" 1831 г., обусловило издание императорского указа от 28 сентября 1835 г. "Об определении в должность смотрителей тюремных замков особых чиновников". В соответствии с этим указом финансирование для выплат жалования смотрителям тюремных замков "в городах, имевших достаточные для того доходы", осуществлялось из городской казны, а в местностях, где таких доходов было недостаточно. - из местных земских сборов. Годовая сумма жалования для смотрителей губернских тюремных замков определялась в размере 800 рублей, а для смотрителей уездных тюрем - в размере 500 рублей. Однако в связи с нехваткой средств на выплату смотрителям жалования определение местными властями возможности его выплат из городских доходов либо из местных земских сборов затягивалось на месяцы, в течение которых смотрители жалования не получали вовсе. Например, в 1836 г. к минскому губернатору обратился смотритель Пинского тюремного замка Баторский, который сообщал, что "из-за задержки на полгода выплаты ему жалования дошел до крайнего разорения, а после того как от случившегося в городе пожара сгорел его дом, вынужден изнуряться в нанимаемой маленькой комнате, и пропитания своей жене и шестерым детям дать не может" [1, с. 33]. С такими же жалобами обращались во второй половине XIX в. к местным властям большинство смотрителей губернских и уездных тюремных замков [1, с. 196; 2, с. 100; 3, с. 134]. К тому же даже выплачиваемое им денежное содержание было крайне незначительным и составляло от 114 до 185 рублей в год [1, с. 175]. Вместе с тем в 1850 г. в Минской губернии пуд (16,38 кг) муки ржаной стоил 45 копеек, пуд мяса – 1 рубль 66 копеек, пуд коровьего масла - 10 рублей, пуд сахара – 10 рублей, десяток яиц – 20 копеек [4, с. 49]. Смотритель, содержавший семью и получавший, в лучшем случае, 15 рублей в месяц, достойного уровня жизни обеспечить себе не мог.

Также не была решена проблема обеспечения служащих тюремного ведомства жильем. В соответствии с "Инструкцией смотрителю губернского тюремного замка" квартирой, расположенной на территории тюрьмы, должен был обеспечиваться каждый смотритель. Однако, в связи с переполненностью тюрем, жилье в тюремных зданиях смотрителям предоставлялись редко, а денег для найма квартир им зачастую не выделялось вообще. Например, в 1837 г. к витебскому губернатору с ходатайством о выплате ему квартирных денег обратился смотритель Суражского тюремного замка Блюдуха, который сообщал, что "за неимением в тюрьме комнаты для проживания вынужден вблизи тюрьмы нанимать квартиру за 90 рублей в год", что составляло половину его годового жалования [2, с. 119]. Такие же ходатайства тюремных смотрителей к местным властям были характерны и в дальнейшем (до конца первой половины XIX B.).

Еще хуже осуществлялось материальное обеспечение низших тюремных служителей. С начала формирования в 1830-х гг. службы тюремных надзирателей, в соответствии с Положением Комитета Министров от 12 ноября 1821 г., выплата им денежного содержания также осуществлялась из городских доходов и местных земских сборов в еще более ограниченных объемах, чем тюремным смотрителям. Например, в 1848 г. в Витебском тюремном замке денежное содержание надзирателя из отставных унтер-офицеров составляло 60 рублей в год. а надзирателей из рядовых – 46 рублей в год. О том, насколько низко оплачивался профессиональный риск тюремных надзирателей, свидетельствует заработная плата нанимаемого тюрьмой водовоза, также составлявшая 46 рублей в год [5, с. 7]. Еще меньше получали надзиратели уездных тюремных замков. В 1849 г. в Минской губернии денежное содержание надзирателей уездных тюрем составляло от 54 до 57 рублей в год [1, с. 43]. К началу тюремной реформы средний оклад содержания тюремных надзирателей Российской империи не превышал 220 рублей в год. На белорусских землях он был еще меньше и по Гродненской губернии составлял 167 рублей, по Витебской губернии – 145 рублей, по Минской губернии – 138 рублей, по Виленской губернии – 114 рублей, по Могилевской губернии – 101 рубль, при том, что ни столовых денег, ни обмундирования низшим тюремным чинам не выдавалось [6, с. 10]. В итоге в ходе ревизий мест лишения свободы выявлялись случаи, когда тюремные надзиратели "одевались в обноски арестантских халатов с бубновым тузом на спине и питались остатками от арестантского пайка" [7, с. 7].

К середине XIX в. материальное обеспечение служащих тюремного ведомства уже не соответствовало возросшему значению тюремного заключения в системе уголовных наказаний и не обеспечивало качественное несение ими службы. В ходе

проведения с 1879 г. тюремной реформы началом комплекса мер по улучшению материального обеспечения служащих тюремного ведомства стало утверждение 15 июня 1887 г. мнения Государственного совета "Об устройстве управления отдельными местами заключения гражданского ведомства и тюремной стражи", в соответствии с которым в зависимости от наполняемости тюрем и размера жалования, выплачиваемого служащим тюремной администрации, определялось 6 разрядов должностей начальников тюрем и 5 разрядов должностей их помощников. Впервые источником выплат жалования тюремной администрации в общегосударственном масштабе определялись ведомственные фонды МВД. Большое значение имело также повышение жалования, выплачиваемого начальникам тюрем. Если смотритель уездных тюрем, до выхода закона 1887 г. получал 350 рублей в год, то после 1887 г. основной части начальствующего состава уездных тюрем, был определен оклад в размере 600 рублей в год, состоявший из 300 рублей жалования и 300 рублей столовых денег. Кроме денежного оклада, начальникам тюрем и их помощникам, не имевшим собственных квартир, назначалось денежное довольствие в размере 150 рублей в год для найма квартиры в губернских городах и 100 рублей в год для их найма в уездных городах. Эти выплаты позволили существенно снизить расходы тюремной администрации, учитывая, что, например, в 1893 г. в Минске средняя квартплата за трехкомнатную квартиру составляла 200 рублей в год [8, с. 96].

Началом реформирования порядка выплаты денежного содержания тюремным надзирателям стало издание закона от 9 февраля 1882 г. "Об усилении средств надзора в губернских тюремных замках", в соответствии с которым в качестве источника содержания тюремной стражи также определялись государственное финансирование, непосредственно осуществлявшееся из фондов МВД. Одно-

временно с формированием штатной численности тюремных надзирателей законом определялись оклады их содержания, единые для служащих тюремной стражи Российской империи, при этом денежное содержание тюремных надзирателей увеличивалось. Старшим надзирателям оклад денежного содержания определялся в размере 240 рублей в год, а младшим – в размере 180 рублей в год. Однако для обеспечения соответствующего сложности их работы уровня жизни денежного содержания для служащих тюремной стражи по-прежнему не хватало. В 1891 г. в Минской губернии фунт (410 грамм) ржаного хлеба стоил 3 копейки, крупы ячневой – 3 копейки, крупы гречневой – 4 копейки, мяса говяжьего 9 копеек, пшеничного хлеба – 10 копеек, десяток яиц - 15 копеек, фунт свиного сала - 15 копеек, масла коровьего -25 копеек [9, с. 3]. В итоге многодетные тюремные надзиратели оставались одной из малообеспеченных категорий населения. Для создания стимула прохождения службы в тюремной страже правительством была определена выплата тюремнадзирателям дополнительного денежного содержания за выслугу лет. В соответствии с законом от 15 июня 1887 г. тюремным надзирателям, "исправно и беспорочно" прослужившим в тюремной страже пять лет, назначенный им оклад содержания увеличивался на треть, прослужившим десять лет – еще на одну треть, а прослужившим пятнадцать лет оклад содержания увеличивался вдвое. В итоге старший надзиратель с пятнадцатилетним стажем работы имел возможность получить оклад больший, чем у помощника начальника тюрьмы пятого разряда. Выдача дополнительного содержания тюремным надзирателям к началу XX в. осуществлялась достаточно часто: к 1908 г. его получали 30% от общей численности тюремной стражи [10, с. 24].

Не менее важным направлением совершенствования системы материального обеспечения личного состава тюремного

ведомства стало обеспечение его форменным обмундированием. До тюремной реформы для классных чинов мест лишения свободы ведомственной формы одежды предусмотрено не было. Вместе с тем именно обмундирование в первую очередь формировало общественное мнение о служащих тюремного ведомства. Повышение правового статуса чинов тюремной администрации обусловило определение для них особой ведомственной формы одежды. Законами от 5 октября 1885 г. "О форме одежды гражданских чинов и нижних служителей тюремного ведомства" и от 13 декабря 1904 г. "Описание форменной одежды чинов Ведомства Юстиции и правила ее ношения" для чинов тюремной администрации были установлены парадная, повседневная и будничная форма обмундирования. Парадная форма предназначалась для ношения по торжественным случаям (приведение к присяге, празднование Нового года, Рождества и Пасхи, присутствие на бракосочетании в качестве жениха либо шафера), обыкновенная - для посещения непротокольных публичных мероприятий - балов, торжественных обедов, богослужений, а будничная - для повседневного несения службы [11, с. 210]. Обеспечение служащих тюремной администрации форменным обмундированием не только улучшало их материальное положение, но и повышало их престиж в обществе, а также укрепляло служебную дисциплину [6, с. 42]. Еще большее значение имело утверждение законом от 5 октября 1885 г. единообразной формы обмундирования для тюремных надзирателей и определение снабжения их вещевым имуществом, что существенно улучшило материальное положение служащих тюремной стражи. В соответствии с законом от 29 декабря 1911 г. тюремные надзиратели обеспечивались также и обувью, а тюремные надзирательницы – и обмундированием.

К началу XX в. условия несения службы личным составом мест лишения свободы значительно усложнились. Зако-

нодательное оформление приоритета тюремного заключения в системе наказаний. связанных с лишением свободы, привело к очередному переполнению арестантами тюрем. Усложнение условий тюремной службы в значительной степени обусловили также активизация в начале XX в. революционного движения и криминализация общества в целом, в связи с чем значительно возросло количество противоправных действий в отношении служащих тюремного ведомства. В 1906 г. было зарегистрировано 96 убийств и ранений тюремных служащих, в 1907 г. произошло 152 таких происшествия, в 1908 г. – 41, в 1909 г. – 49, в 1911 г. – 36 [11, с. 202]. Рост числа покушений на служащих тюремной администрации произошел и на белорусских землях: 25 июля 1906 г. бывшим заключенным на городском бульваре выстрелом в затылок был убит начальник Брестской тюрьмы Семен Дружиловский [12, с. 238]. В 1907 г. арестантами были убиты надзиратель Брестской тюрьмы Леонид Халецкий и надзиратель Минской тюрьмы Антон Буткевич. 1 марта 1909 г. неоднократно судимым арестантом возле здания тюрьмы «из-за введения в ней строгого режима» в присутствии жены и малолетней дочери выстрелом в затылок был убит начальник Минской тюрьмы Петр Славинский [13, с. 307]. 16 октября 1911 г. в Борисовской тюрьме при массовом побеге арестантов из отобранных у надзирателей револьверов был убит тюремный надзиратель Герасим Иваньков [14, c. 1418].

В условиях увеличивающегося некомплекта личного состава тюремного ведомства руководство ГТУ отмечало, что "привлечь знающих, опытных и преданных своему делу людей на столь тревожную, тяжелую и опасную службу, как тюремная, можно, только предоставив им надлежащее вознаграждение за их труд" [15, с. 2]. Результатом продолжения государственной политики по улучшению материального положения личного состава тюрем стало принятие закона от

9 мая 1911 г. "Об установлении нового расписания должностей и окладов содержания начальников и помощников начальников тюрем", в соответствии с которым устанавливалось 7 разрядов должностей начальников тюрем, а оклады их содержания значительно увеличивались (например, годовой оклад содержания наиболее многочисленной категории начальников уездных тюрем шестого разряда увеличивался с 600 до 800 рублей). В соответствии с утвержденным ГТУ в том же году "Распределением должностей начальников тюрем" из 35 тюрем, расположенных на белорусских землях, 18 было отнесено к седьмому разряду с определением их начальникам жалования в размере 600 рублей в год, 11 тюрьмам был присвоен шестой разряд с выплатой 800 рублей в год, а 2 уездных тюрьмы - Струнская в Витебской губернии и Брестская в Гродненской губернии – были отнесены к пятому разряду с выплатой жалования в размере 1 000 рублей в год. Для трех губернских тюрем - Гродненской, Витебской и Могилевской - был определен четвертый разряд с выплатой их начальникам по 1 200 рублей в год, а самый высокий, третий разряд, был установлен для Минской тюрьмы с выплатой начальнику этого учреждения 1 500 рублей в год [16, с. 822]. Для тюрем Минской и Виленской губерний (на территории которых были расположены Вилейская, Дисненская, Лидская и Ошмянская тюрьмы) в сравнении не только с остальными белорусскими землями, но и с основной частью мест лишения свободы Российской империи были установлены высокие разряды. Из 8 уездных тюрем Минской губернии к низшему, седьмому разряду, было отнесено лишь 3 тюрьмы, а из 7 тюрем Виленской – только одна. Для сравнения: к седьмому разряду были отнесены все тюрьмы Московской и Вологодской губернии, а также большинство тюрем Владимирской, Новгородской и Нижегородской губерний [16, с. 830]. Вместе с увеличением окладов служащим тюремной администрации устанавливалась выплата добавочного жалования за выслугу лет. Начальники тюрем, занимающие должности с окладом содержания не свыше 600 рублей в год, по выслуге десяти лет получали прибавку к окладу в размере 100 рублей за каждые пять лет службы. Кроме выплаты этих пособий, для многодетных начальников тюрем, "исправно и беспорочно" прослуживших в тюремном ведомстве не менее трех лет, была предусмотрена возможность получения пособия на воспитание несовершеннолетних детей, размер которого определялся ГТУ. Так, в 1912 г. начальник Витебской тюрьмы получил пособие на воспитание двух детей в сумме 300 рублей [17, с. 37].

Важным направлением улучшения материального обеспечения служащих тюремного ведомства оставалось обеспечение их жильем, цены на которое значительно возросли. Например, с 1893 до 1911 г. в Минске средняя квартплата за трехкомнатную квартиру возросла с 200 до 500 рублей в год [8, с. 96]. В соответствии с законом от 25 декабря 1909 г. годовой размер квартирного пособия для чинов тюремной администрации был определен в размере одной четвертой части от суммы положенного им жалования, и для начальников тюрем составлял не менее 240 рублей. В итоге к 1913 г. 5 из 9 начальников тюрем Минской губернии и 3 из 6 начальников тюрем Витебской губернии были обеспечены казенными квартирами, а остальные начальники тюрем были обеспечены квартирными деньгами [18, с. 70].

В еще большей степени с начала XX в. активизировалась деятельность ГТУ по улучшению материального обеспечения служащих тюремной стражи. Если в 1906 г. среднегодовой оклад содержания тюремных надзирателей в Российской империи составлял 180 рублей, то в 1909 г. – 233 рубля, а в 1911 г. – 246 рублей [11, с. 194]. Однако для основного состава тюремной стражи значительного увеличения денежного содержания не произошло. Так, в 1914 г. 82% от общего числа

старших надзирателей получали годовой оклад в размере от 300 до 360 рублей, а 90% младших надзирателей - от 240 до 300 рублей [19, с. 357]. На белорусских землях уровень денежного содержания надзирателей по-прежнему оставался ниже общегосударственного. Например, в начале второго десятилетия XX в. в Витебской губернии из 8 старших надзирателей 5 получали не более 240 рублей в год, а из 74 младших надзирателей 21 надзиратель получал не более 216 рублей в год, а остальные довольствовались содержанием в размере от 148 до 180 рублей в год [17, с. 112]. Для компенсации ограниченного денежного содержания тюремных надзирателей ГТУ еще больше увеличило ассигнования на "добавочное жалование" надзирателям, прослужившим более пяти лет. Если в первом десятилетии XX в. надзирателям в Минской губернии на "добавочное жалование" было выделено 2 762 рубля, а в Витебской губернии – 636 рублей, то в 1913 г. в Минской губернии на добавочное жалование было выделено 4 580 рублей, а в Витебской губернии – 4 728 рублей [18, с. 84]. Увеличилась и численность надзирателей, получавших дополнительное жалование. Например, в 1914 г. в Минской тюрьме из общей численности тюремной стражи в составе 21 надзирателя и 6 надзирательниц дополнительное жалование получали все надзиратели и одна надзирательница. Из них 13 надзирателей дополнительно получали по 80 рублей в год, 5 надзирателей - по 180 рублей в год и 3 надзирателя – по 240 рублей в год [18, с. 216]. Кроме выплат добавочного жалования, со второго десятилетия XX в. надзирателям, служившим "усердно и беспорочно", выплачивалось пособие на лечение. Например, в 1912 г. старшему надзирателю Городокской тюрьмы Василию Лопатину за двадцатипятилетнюю службу в тюремной страже было выдано единовременное пособие на лечение в размере 50 рублей [20, с. 20].

Одновременно ГТУ предпринимались меры по обеспечению тюремных

надзирателей жильем. Однако в начале XX в. этот процесс только наметился, и к 1910 г. в Российской империи обособленными квартирами пользовались лишь 17% от всей численности надзирателей, в то время как 33% надзирателей жили в казармах при тюрьмах, а 43% надзирателей не имели казенных квартир вообще [11, с. 196]. В начале второго десятилетия на белорусских землях средняя квартплата составляла от 145 до 180 рублей в год, в связи с чем значительная часть тюремных надзирателей вынуждена была проживать в тюремных казармах [8, с. 34]. Например, в 1813 г. в Минской губернии в Борисовской, Новогрудской, Пинской и Слуцкой тюрьмах надзиратели, не имевшие собственных квартир, располагались в приспособленных под казармы арестантских камерах либо в подвальных помещениях - "крайне тесных и сырых" [21, с. 10]. В то же время из 8 уездных тюрем Минской губернии надзиратели Бобруйской, Игуменской, Мозырской и Речицкой тюрем были обеспечены как жильем, так и казармами для размещения дежурных смен [21, с. 13]. Несмотря на то что заработная плата тюремной стражи на белорусских землях оставалась в начале XX в. невысокой, тенденция ее роста, вместе с выплатами дополнительного денежного содержания за выслугу лет и денежных пособий, предоставлением казенного обмундирования и жилья, сделали службу тюремных надзирателей престижной и востребованной. В результате этого в составе тюремной стражи сформировался многочисленный (до трети личного состава) штат надзирателей, прослуживших в местах лишения свободы от 10 до 15 лет. Например, в 1914 г. в Минской тюрьме нес службу 21 надзиратель, из которых 7 прослужили в тюрьме 15 лет [18, с. 216]. Именно эти служащие обеспечивали надлежащее функционирование мест лишения свободы и добросовестным несением службы способствовали соблюдению служебной дисциплины младшими надзиратепями

Заключение

Таким образом, с начала формирования в первой половине XIX в. на белорусских землях профессиональной службы тюремной администрации и надзирателей, в связи с отсутствием определяющего значения тюрем в системе мест лишения свободы Российской империи, выплата служащим денежного содержания осуществлялась не из ведомственных фондов МВД, а из фондов местных городских и земских сборов, из-за нехватки средств в которых жалование выплачивалось в крайне незначительных объемах и нерегулярно. Не была решена также проблема обеспечения служащих тюремного ведомства жильем, а тюремных надзирателей – форменным обмундированием. В связи с возросшим к середине XIX в. значением тюремного заключения в системе уголовных наказаний в процессе начавшейся в 1879 г. тюремной реформы на белорусских землях был осуществлен комплекс мер по улучшению материального обеспечения служащих тюремного ведомства. Выплата им денежного содержания начала централизованно осуществляться из ведомственных фондов МВД, служащим тюремной администрации был повышен размер жалования, и начали выплачиваться квартирные деньги, а тюремным надзирателям – дополнительное денежное содержание за выслугу лет. Служащие тюремного ведомства стали регулярно обеспечиваться специально предусмотренным для них форменным обмундированием. В начале XX в. в связи с усложнением условий несения тюремной службы, комплекс мер по улучшению их материального обеспечения получил дальнейшее развитие. Служащим тюремной администрации было определено дополнительное денежное содержание за выслугу лет и увеличены суммы квартирных денег, а тюремные надзиратели начали обеспечиваться казенными квартирами. Реформирование материального обеспечения работников тюремного ведомства повысило престиж тюремной службы и сформировало в ее составе штат служащих со значительной выслугой и большим опытом практической работы в местах лишения свободы, что, в свою очередь, позволило пенитенциарной системе на белорусских землях выполнять возложенные на нее задачи в условиях внутриполитической обстановки начала XX в.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). Ф. 299. Оп. 2. Д. 3495.
- 2. НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 5353.
- 3. НИАБ. Ф. 1297. Оп. 1. Д. 7514.
- 4. НИАБ. Ф. 299. Оп. 2. Д. 5362.
- 5. НИАБ. Ф. 2522. Оп. 1. Д. 4.
- 6. Обзор десятилетней деятельности Главного тюремного управления: 1879–1889 гг. СПб. : Тип. Министерства внутренних дел, 1890. 115 с.
- 7. *Саломон, А. П.* Тюремное дело в России / А. П. Саломон. СПб. : Тип. Санкт-Петербургской тюрьмы, 1898. 38 с.
- Шыбека, 3. В. Мінск: старонкі жыцця дарэвалюцыйнага горада / 3. В. Шыбека. – Мінск: Полымя, 1993. – 341 с.
- 9. НИАБ. Ф. 299. Оп. 2. Д. 9735.
- Отчет по Главному тюремному управлению за 1908 г. // Тюремный вестник. 1910. № 2. С. 24.
- 11. *Печников, А. П.* Тюремные учреждения российского государства (1649 октябрь 1917 гг.): Историческая хроника / А. П. Печников. М. : Щит-М, 2004. 325 с.
- 12. Из мортиролога тюремных деятелей // Тюремный вестник. – 1910. – № 2. – С. 238.
- Из мортиролога тюремных деятелей //
  Тюремный вестник. 1909. № 3. –
  С. 307.
- 14. Жертвы служебного долга // Тюремный вестник. 1911. № 10. С. 1418.
- 15. Пирогов, П. П. Пенитенциарная политика Российской Империи XIX начала XX века и ее влияние на принципы комплектования, штатной расстановки и прохождения службы в тюремном ведомстве / П. П. Пирогов // История государства и права. 2003. № 3. С. 2.

- 16. Распределение установленных законом от 9 мая 1911 г. должностей начальников тюрем // Тюремный вестник. 1911. № 8. С. 822–830.
- 17. НИАБ. Ф. 2637. Оп. 1. Д. 35.
- 18. НИАБ. Ф. 299. Оп. 2. Д. 15964.
- 19. Краткий очерк деятельности Главного тюремного управления за первые XXXV лет его существования // Тюремный вестник. 1914. № 2. С. 300–402.
- 20. НИАБ. Ф. 2637. Оп. 1. Д. 69.
- 21. НИАБ. Ф. 303. Оп. 1. Д. 44.

Поступила в редакцию: 28.03.2019 г. Контакты: + 375 44 709-15-39 (Чайкин Сергей Николаевич)

Chaikin S. MATERIAL SECURITY OF PRISON OFFICERS ON THE BELARUSIAN LANDS IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURY.

The research is based on the study of archival data displaying the provision of prison officers' material needs on the Belarusian lands in the late XIX – early XX century. The relationship of the policy aimed at the improvement of the material security of prison personnel with the determination of imprisonment as the main type of criminal penalties and the revolutionary movement at the beginning of the XX century is revealed. The importance of modifications in the system of material security of prison officers during the prison reform of 1879 is assessed.

Keywords: Russian Empire, warder, prison guard, prison reform of 1879, General Directorate of the Corps of Prison.

УДК 930.2:94(470)"1850/190"(051)

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРИОДИКИ

(на примере российских исторических журналов второй половины XIX – начала XX века)

А. С. Хотеев

аспирант Белорусский государственный университет

В статье рассматриваются особенности исторической периодики как исторического источника. В качестве объекта исследования выбраны российские журналы второй половины XIX - начала XX в. "Русский архив", "Русская старина", "Исторический вестник", "Древняя и Новая Россия". Предлагается классификация исторических журналов, методология их исследования. Особое внимание уделено внешним и внутренним факторам издательской деятельности: цензуре, позиции редакторов, читательскому спросу. Изучение исторической периодики позволяет выделить археографические и историографические публикации определенной тематики, в частности, по белорусской истории. В них прослеживаются тенденции и специфические черты каждого издания. Здесь также отражаются интересы читающей публики, особенности формирования общественного мнения к значимым историческим событиям.

Ключевые слова: методология, историография, российская историческая периодика, классификация, эвристика, критика источников, интерпретация.

Введение

С уверенность можно утверждать, что методология исследования во многом определяет его результат. В трактовке известного немецкого историка И.Г. Дройзена, ставшей уже классической, "суть исторического метода – исследовать, чтобы понимать" (Das Wesen der historischen Methode ist forschend zu verstehn) [1, S. 9]. Доступные изучению исторические ис-

точники отличаются своим охватом, структурой и свойствами. Для их адекватного прочтения необходимы соответствующие методы. Не случайно первый этап работы историка (эвристика) предполагает не только поиск источников, но и выбор способов, необходимых для исследования [2, S. 71].

Развитие средств коммуникации, которое ускоряется с середины XIX в., приводит к постепенной дифференциации исторических источников. Печатные материалы благодаря массовым тиражам превалируют над рукописными, появляются фотография, фоно- и кинозаписи. На первое место в освещении общественной жизни выдвигается пресса. На страницах газет и журналов печатное слово дополняется иллюстрациями, наряду с новостными сообщениями появляются рекламные объявления. Социальная, политическая, экономическая и культурная жизнь находит свое яркое выражение в периодических изданиях. Разнообразие опубликованных материалов открывает перед историком широкое поле для работы. Примечательно, что еще в 1908 г. немецкий специалист по истории прессы М. Шпан добивался создания государственного музея периодики, в котором были бы собраны для будущих исследователей все значительные периодические издания Германии [3, S. 397].

Интересующийся прошлым Беларуси тоже может найти немало полезных материалов не только на страницах местной печати, но и в различных изданиях таких крупных российских центров общественной жизни, как Петербург и Москва. Начиная с 60-х гг. XIX в. в связи с событиями восстания 1863 г. здесь появляется масса статей в газетах, журналах и брошюрах, благодаря которым исторические, этнические и конфессиональные особенности Северо-Западного края России стали предметом широкого обсуждения читающей публики. Известный этнограф того времени А.Н. Пыпин сравнил этот внезапно появившийся интерес с настоящим открытием: "В это время русское общество в первый раз узнало с достоверностью об этнографическом составе западного края и получило понятие об его истории" [4, с. 87]. Постепенно "воинствующий" пыл публикаций, поднятый патриотическими чувствами, сменился умеренным обсуждением поднятых вопросов, что в конечном счете способствовало более объективному изучению вопросов белорусской истории. Свою роль в этом сыграли публикации в российских исторических журналах, которые во второй половине XIX – начале XX в. оформились как особенный вид журнальной периодики.

Основная часть

Отмечая значение периодических изданий как исторического источника, следует обратить внимание и на некоторые вопросы источниковедческого и методологического характера. Сначала стоит рассмотреть наиболее общие из них, которые касаются классификации периодики. В качестве понятийного ряда будет использоваться при этом следующая последовательность (от более общего к частному): тип – род – вид (по Л.Н. Пушкареву [5, с. 101]).

Необходимо сразу сделать оговорку, что все многообразие исторических источников довольно трудно систематизировать по одному руководящему принципу, и поэтому всякая классификация в значительной степени условна. Недаром существуют разные виды классификации источников. В советском источниковедении, например, были предложены схемы Л.Н. Пушкарева, И.Д. Ковальченко и С.О. Шмидта [5, с. 100–104]. Но кроме этих классификаций по способу, форме или материальному носителю информации имеются и другие: по тематике исследования (экономическая, политическая, культурная, социальная история), по функции (публичные и приватные), по социальной принадлежности (элитарные и массовые), по происхождению (предания и остатки), по временной близости к изучаемому предмету (primary sources, secondary sources) [6, S. 65–72]. Оптимальный выбор между этими классификациями обосновывается только целью и спецификой исследования. Без учета такой конкретной привязки появляется опасность уйти в беспредметное и отвлеченное теоретизирование.

Обращаясь теперь к рассмотрению спорных вопросов классификации, нужно обратить внимание на принятое в российском источниковедении разделение публицистики и периодической печати как двух разных видов исторических источников [5, с. 331, 334]. Это довольно сомнительный подход, ведь очевидно, что публицистика является содержанием периодики, как отмечается и самими сторонниками такого деления [7, с. 88]. Авторские публицистические произведения, публицистика массовых народных движений, проекты государственных преобразований были рассчитаны на публичность и приобретали большую известность тогда, когда попадали на страницы популярных газет или журналов. Подтверждением тому является "Колокол" А.И. Герцена и Н.П. Огарева – газета, запрещенная к распространению в России, но читаемая самым широким кругом читателей: и царем, и чиновниками, и студентами университета. Понятно, что публицистика не сводится к периодике и представлена гораздо шире в родовом и видовом отношениях. Так, в немецком университетском пособии Oldenbourg Geschichte Lehrbuch к публицистическим источникам относятся: собственно пресса (газеты и журналы), книги и брошюры, статистические издания, плакаты, листовки, карты, аудиоматериалы (репортажи, интервью, музыкальные записи и т. д.), фотографии и фильмы (телепрограммы, документальные и художественные фильмы) [8, S. 363-365]. Эта классификация объединяет и письменные, и визуальные, фоно- и кинодокументы в одну группу по функциональному назначению. Согласно

такому более релевантному подходу, публицистика есть тип исторических источников, а периодика (газеты, журналы) – один из родов публицистики.

Еще один пункт, вызывающий сомнения, - это насколько вообще справедливо выделять периодику как особенный исторический источник? Вопрос обусловлен разнообразием материалов, публикуемых на страницах периодической печати. В зависимости от издательской программы она наполняется научными и публицистическими статьями, документами и мемуарами, письмами и отчетами, отзывами и рецензиями, рисунками и картами. Не переставая быть единым целым (газетой, журналом), периодическое издание имеет сложносоставной характер по содержанию. Поэтому наряду с традиционной [5, с. 334] встречается и такая трактовка, что периодика - это не особый вид, а только место и способ публикации исторических источников разных видов [9, с. 44-50; 10, с. 250]. Конечно, при условности любой классификации допустимы сомнения и такого рода. Однако если учесть деление исторических источников на материалы, предназначенные для приватного и публичного употребления [11, р. 164], или же государственные, публичные и частные по происхождению [2, S. 67], то публицистика (включающая периодику) будет функционально отличаться от приватной переписки, законодательных актов и другой правительственной документации, опросников Oral history или археографических изданий. Даже рукописный текст, присланный в редакцию, может заметно отличаться от опубликованного после правки редактора или цензора. Газетная или журнальная полоса есть такое же целостное произведение, как и мозаичная картина, набранная из разноцветного стекла: отдельные публикации есть части одного целого - авторского плана, издательской программы или редакторской идеи. Ориентация на публичность, формирование определенного мнения у круга читателей,

т. е. то же логическое основание, которое функционально определяет публицистику как особый тип исторических источников, сохраняется и у такой разновидности публицистики, как периодика. Ее отличительными признаками являются: публицистическая активность, тематическое разнообразие и популярность изложения материала, печатная (текстовая) информация, дополняемая порой визуальными изображениями, заданные периодичность и форма выпусков, стандартное содержание (рубрики), нумерация, система распространения (подписка, свободная продажа). Совокупность всех этих черт определяет прессу как совершенно особый род публицистических источников.

Среди периодических изданий заметно выделяются те, которые являются изданиями "по интересам" и ориентируются на определенный круг читателей. Их принято называть отраслевыми, или специализированными [12, с. 278–280]. Историческая периодика, соответственно, есть особый вид периодики.

Таким образом, получается следующая источниковедческая классификация исторических журналов: публицистика (тип исторических источников) – периодика (род публицистики) – исторические журналы (вид отраслевой периодики).

С учетом наполнения и жанровых особенностей исторические журналы принято, в свою очередь, подразделять на группы (по С.Н. Ущиповскому) [13, с. 22–23]:

- 1) историко-литературные журналы;
- издания исторических обществ и учебных учреждений;
- общественно-политические журналы;
- 4) специализированные (археологические, нумизматические и др.);
  - 5) историко-краеведческие.

Выделение группы историко-литературных изданий обусловливается наличием в них литературной части (стихи, исторические романы). Некоторые журналы отражали эту специфику в своих

названиях: "Русский архив" - "историколитературный сборник", "Исторический вестник" – "историко-литературный журнал". Для сравнения: "Русская старина" – "ежемесячное историческое издание", "Древняя и Новая Россия" - "ежемесячный исторический журнал с рисунками", "Былое" - "журнал, посвященный истории освободительного движения", "Вестник всемирной истории" - "ежемесячной журнал новой литературы и исторической науки". Кроме того, историко-литературные журналы были более ориентированы на популяризацию истории, отдавали предпочтение мемуарам как форме литературного жанра, отличались также строгой периодичностью, наличием рубрик и литературной обработкой материалов [13, c. 26–27].

Существует еще деление исторических журналов по структуре редакции: издаваемые частными лицами (например, "Русская старина", "Исторический вестник"), научными обществами ("Известия Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III"), учебными и научными учреждениями ("Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете", "Русская историческая библиотека"). Выделяются также журналы по содержанию: универсальные по отечественной истории, универсальные по отечественной и всемирной истории, по истории отдельных регионов и народов, историко-археологические, историко-революционные, военно-исторические, историко-нумизматические, историко-генеалогические. Можно систематизировать их по периодичности и форме издания: ежемесячные журналы, сборники, серийные издания [13, с. 24–25]. Таким образом, например, "Голос минувшего" будет относиться к частным (негосударственным) историколитературным ежемесячным журналам историко-революционной тематики.

По библиографическим подсчетам, за период 1861–1917 гг. в России выходи-

ли 122 исторических журнала всех видов [14, с. 3–22].

В зависимости от цели исследования периодическая печать может изучаться двояко: либо отдельное издание становится предметом изучения и рассматривается как источник по истории печати или отбираются только материалы (источники) по какой-нибудь определенной теме, которая освещалась в прессе [15, с. 259]. В этом отношении исторические журналы имеют свою специфику. Во-первых, в них нередко осуществляется публикация различных исторических источников (с соблюдением в той или иной мере археографических правил), поскольку это может входить в издательскую программу. Во-вторых, на страницах исторической периодики печатаются научные и публицистические статьи, рецензии и отзывы на книжные новинки (историография и библиография). В-третьих, тут же могут предлагаться новостные обзоры, описания путешествий, литературные произведения, письма читателей, справочная информация и объявления. Если предметом изучения является не само издание как орган печати, а какая-то определенная тема, поднятая на его страницах (например, освещение вопросов белорусской истории), то опубликованные материалы классифицируются по-разному: как исторические источники определенного вида (primary sources) и как историографические источники (secondary sources).

В качестве примера можно взять "Русский архив" П.И. Бартенева, который иногда называют "дедушкой" русских исторических журналов [16, с. 128]. За годы его существования (1863–1917) здесь вышли свыше 6,5 тыс. публикаций, большую часть которых составляют письма и мемуары видных деятелей истории России XVIII–XIX вв. – министров, дипломатов, военных, ученых, литераторов [16, с. 144–153]. Само название "Архив" указывало, по мысли основателя, на направление его издательской деятельности – сохранить для истории матери-

алы, которые лежали в архивах частных лиц. Применительно к сюжетам белорусской истории в "Русском архиве" вышли 46 публикаций, из которых 10 представляют собой издание документальных источников, 14 — источников мемуарного жанра, 4 — эпистолярного жанра, 14 — статей, 4 — рецензий. Последние две группы относятся к историографическим источникам (secondary sources).

На критическом этапе исследования публицистических материалов решаются вопросы аутентичности текстов и тенденциозности их содержания.

В первую очередь необходимо установление авторства. Распространенным явлением публицистики XIX - начала XX в. была анонимность статей. В историко-литературных журналах они зачастую подписывались только инициалами, придуманными фамилиями или псевдонимами. Только в случае цензурного разбирательства редактор обязывался сообщить настоящую фамилию автора в цензурный комитет. Незаменимым руководством для раскрытия инициалов и псевдонимов является "Словарь псевдонимов русских писателей" библиографа И.Ф. Масанова (1874–1945), который в последнее время был уточнен и дополнен сотрудниками Института русской литературы РАН и размещен в интернете в виде электронной публикации [17]. В систематических указателях статей и журнальных оглавлениях также случается раскрытие авторских подписей.

Затем при изучении материалов в историческом издании ставится вопрос о степени их полноты и сохранности (аутентичности). Принятый к печатанию текст может корректироваться редактором еще до набора. Однако обычной редакторской практикой является чтение и внесение правок в корректурные оттиски или гранки. В пропущенных по цензурным соображениям или ради экономии местах ставились многоточия (издательские "купюры" – вырезки, сокращения). Сравнение корректур и печатного текста

может продемонстрировать издательские подходы того или иного редактора. Более всего правке подвергались источники мемуарного жанра. При этом вырезались резкие до оскорбления характеристики исторических деятелей, различные суждения, могущие бросить тень на лиц императорской фамилии. Документальные источники подобной правке не подвергались, однако необходимо обращать внимание на наличие сопроводительной информации об оригинале публикации. Ближе всего к археографическим требованиям стоят издания научных обществ. Из историко-литературных журналов следует отметить "Русский архив", редактор которого, П.И. Бартенев, снабжал публикации ценными источниковедческими комментариями и примечаниями. Характерный пример: при издании "Записок" известного деятеля по воссоединению белорусских униатов архиепископа Полоцкого Василия (Лужинского) редактор сделал сноску, в которой указал путь, каким образом рукопись попала к нему в руки (через заместителя обер-прокурора Святейшего Синода Ю.В. Толстого), и высказал свои соображения о поводе к ее написанию [18, с. 380]. Вообще указания, через кого в редакцию поступили для напечатания те или иные рукописи, имеют значение не только для допечатной истории текста, но и для поиска самого подлинника, поскольку оригиналы исторических документов обычно возвращались после издания их владельцам.

Особую оговорку необходимо сделать о публикациях иностранных авторов. За редкими исключениями все иноязычные тексты печатались в журнальной периодике в русском переводе, при этом автор перевода указывался далеко не всегда, не приводились порой и выходные данные оригинального текста, переведенные страницы.

При осуществлении высшей критики материалов исторической периодики следует учитывать внешние и внутренние факторы, сказывающиеся на публицистике. Так, влияние цензуры (внешнего фактора) имеет значение при освещении вопросов политической истории. Редактор периодического издания должен был принимать во внимание цензурные ограничения Временных правил о печати 1862 г. и дополнений к ним 1865 г. Они запрещали критиковать учение и обряды христианских вероисповеданий, выступать против верховной власти, оспаривать действующие законы, разжигать вражду населения одной части империи против другой, посягать на начала собственности и семейной нравственности, излагать учения социализма и коммунизма [19, с. 404-405; 20, c. 430–431].

Помимо указанных общих правил существовали и другие, более частные. Например, в "Особом наставлении" для цензора, приложенного к Правилам от 12 мая 1862 г. есть пункт, который имел отношение к печатанию материалов, касающихся западных губерний России. Предписывалось не допускать к печатанию статей, "в которых доказывается необходимость восстановления независимости и самобытности Польши, хотя бы эти статьи относились не непосредственно к Царству Польскому или бывшей Литве и областям, временно бывшим под польским владычеством в пределах империи, но и к Галиции, и к Великому княжеству Познаньскому" [21, с. 172]. Это требование, конечно, было обусловлено политической остротой момента, когда в Царстве Польском и западных губерниях начинались волнения, вылившиеся в открытое восстание против российской власти. Однако и после подавления восстания указанное правило должно было оставаться в силе, чтобы не допускались антиправительственные публикации, подвергающие сомнению существовавшие государственные границы.

Позиция редактора в еще большей мере, чем цензура, влияет на содержание, определяя программу издания, выбор авторов и характер публикаций (внутренний фактор). Так, редактор "Исторического

вестника" С.Н. Шубинский (1834–1913) был профессиональным военным и не имел специального исторического образования. Хотя он оказался довольно плодовитым литератором, но в исторической области так и остался любителем. Последнее, однако, не помешало ему выпускать историко-литературный журнал, который по своей популярности (тиражу и количеству подписчиков) занял первое место в России среди других журналов исторической направленности. "Исторический вестник" выгодно отличался четкой структурой, постоянными рубриками (в частности, насыщенным разделом "Критика и библиография"), количеством исторических статей. Организаторские способности, умение ладить с авторами, личная скромность положительно характеризовали С.Н. Шубинского как редактора. Все это позволило ему собрать вокруг издания "Исторического вестника" более ста сотрудников и распределить между ними определенную специализацию. Так, сюжетами белорусско-литовской истории в журнале занимались люди, подолгу жившие и работавшие в Северо-Западном крае: чиновник М.И. Городецкий, военный юрист и литератор А.В. Жиркевич, виленский архивист А.И. Миловидов, профессор Санкт-Петербургской духовной академии П.Н. Жукович и др. Все эти авторы стояли на позициях популярного тогда историографического направления, известного теперь под именем "западнорусизма". Отсюда на страницах "Вестника" соответствующие оценки "польского вопроса", интерес к конфессиональной истории края и местной этнографии. Характерен в этом отношении также пример журнала "Древняя и Новая Россия", который мало печатал специальных материалов по "западнорусской" истории. Однако пока в издании рубрику "Заметки и новости" вел П.А. Гильтебрандт (1840–1905), бывший одно время сотрудником Виленского центрального архива, в журнале из номера в номер публиковались его заметки о книжных новинках по истории Северо-Западного края, состоянии его изучения и архивного дела. Так, именно П.А. Гильтебрандт привлек общественное внимание в 1878 г. к судьбе Литовской метрики, находившейся в неразобранном состоянии и полном пренебрежении в сенатском хранилище [22]. Всего за относительно короткое время работы в журнале (1878–1880) П.А. Гильтебрандтом было опубликовано 20 заметок такого рода.

В сфере публицистики имеет значение также фактор читательского спроса (фактор одновременно внутренний и внешний). Темы военной и политической истории традиционно вызывают больший читательский интерес, чем вопросы истории культуры. Внимание читающей публики неизменно привлекают описания путешествий и бытовые зарисовки. В периодике напрасно искать скучные инвентарные описи или родословия, и наоборот, жизненные анекдоты, читательская полемика вносят на страницы издания струю оживления. Показательны в этом отношении публикации "Русской старины" о графе М.Н. Муравьеве в его бытность виленским генерал-губернатором. Так, далекому от лести отзыву о Муравьеве журналиста Н.В. Берга (эпитет "вешатель", жестокость - сожжение двух деревень и высылка жителей в Сибирь и др.) ответствовал оправдательный отзыв от "бывших сослуживцев" [23].

Читательский спрос обычно стимулирует юбилейная тематика. Круглые даты со времени прошедших исторических событий или кончины известных исторических деятелей неизменно находили свой отклик на страницах исторических журналов. В последнем случае панегирический тон публикаций вполне предсказуем.

Полученные в результате критического анализа исторических источников данные становятся исходными для последующей интерпретации [24, S. 49]. При этом в распоряжении исследователя находится целый набор различных логи-

ческих, общенаучных и специально-исторических методов, которые применяются в зависимости от поставленной цели [25, с. 386–431]. Историческая периодика может изучаться как форма социокультурной коммуникации и как вид историографии.

В первом случае применимы теоретические разработки немецкого историка прессы В. Лерга (1932-1995), который предложил четырехступенчатую модель коммуникации. Первая фаза (контакт) определенная информация принимается реципиентом, вторая (обмен) - обработка и интерпретация информации, третья (влияние) – действие полученной информации на реципиента и четвертая (регулирование) - эффект, успех издательской деятельности [3, S. 393–394]. В указанном отношении показателен пример С.Н. Шубинского, который начинал как редактор журнала "Древняя и Новая Россия" (в 1875-1879), а потом основал "Исторический вестник", которым управлял более тридцати лет (1880-1913). Первый журнал вышел слишком академичным, чтобы рассчитывать на коммерческий успех, а во втором получилось удачное сочетание научности и доступности, что и принесло больший издательский эффект (тираж журнала с 3250 экз. поднялся к 1913 г. до 13000 экз., т. е. вырос в 4 раза). Изучение публикаций "Исторического вестника" помогает ответить на вопрос о причинах его популярности.

В качестве историографического источника журнальные статьи могут группироваться по авторам и тематически. Изучение их содержания не только помогает выявить тенденции отдельных публикаций, но и характер всего издания в целом. Например, наиболее читаемые историко-литературные журналы отдавали видимое предпочтение публикации мемуаров (записок и воспоминаний). Уроженец Витебщины военный юрист А.В. Жиркевич (1857–1927), присылавший материалы для "Русской старины" и "Исторического вестника", выразил

эту общую тенденцию такими словами: "Обязанность каждого из нас, простых смертных, сталкивавшегося с крупной единицей общества, сообщить о ней потомству личные наши впечатления, сколь бы не были они беглы, отрывочны, даже односторонни. И надо торопиться с подобными мемуарами, пока живы еще в памяти настроения, краски, звуки... Сухие документы, официальные протоколы не удовлетворяют более современников: за ними редко видна душа человеческая, с достоинствами ее и недостатками. Только заметки очевидцев, набросанные при этом на свежую память, с целью сказать одну правду, без боязни задеть родных и приятелей, одухотворяют формулярные списки, казенные некрологи, официальные бумаги" [26, с. 886]. Однако, напротив, в мемуарных источниках явно выступают такие черты, как пристрастность, партийность, оценочность суждений, пренебрежение деталями. Попутно надо заметить, что опубликованные воспоминания и записки дипломатов, чиновников, ученых, священнослужителей или (редкий случай для XIX в.) крестьян отражают мнения разных социальных групп [27, S. 111]. Все это, конечно, имеет значение для психологической интерпретации взглядов того или иного автора. Если же в одном журнале содержится соразмерное мемуарам количество научно-популярных статей, критических рецензий и отзывов, то они уравновешивают субъективность публикаций мемуарного жанра. Этот баланс удачно сочетал на своих страницах "Исторический вестник".

При интерпретации полученных данных могут эффективно применяться исторический метод контекстуализации, логический метод генерализации (обобщения), историко-типологический и историко-сравнительный методы [2, S. 128–149].

Применительно к изучению исторической периодики контекстуализация предполагает выяснение узкого и широкого контекста издательской деятельно-

сти редакции того или иного журнала. Узкий контекст есть то, что непосредственно связано с конкретным изданием (причины его появления, цель и задачи, редактор, круг авторов и читателей, цензурные правила, экономические условия, конкуренция с другими изданиями исторической направленности и т. д.). Широкий контекст - это тот социальный фон, на котором печатный орган себя проявляет (общественный интерес к историческому знанию, историографические школы, возрастание роли публицистики, развитие издательского дела, аналогичные процессы в соседних странах и т. д.). Например, чтобы понять развитие читательского спроса на историческую публицистику во второй половине XIX в., необходимо обратить внимание на резкое увеличение периодических изданий в России в Эпоху великих реформ. По подсчетам советского исследователя П.С. Рейфмана (1923-2012), в 1845-1854 гг. выходили всего 6 газет и 19 журналов, а в 1855-1864 гг. уже 66 газет и 156 журналов [28, с. 21]. Издательский бум приводит в это время к дифференциации - появлению отраслевой исторической периодики (журнал "Русский архив").

Генерализация помогает определить как общие, так и индивидуальные черты журналов, специализирующихся по истории. Она возможна только на основе конкретных данных (количество публикаций определенной тематики, круг авторов, число подписчиков, регулярность выпусков, проблемы с цензурой и т. д.). Так, в журнале "Русская старина" среди публикаций по белорусской проблематике на первом месте стоят материалы о восстании 1863 г. и ответных мерах российской администрации, а на втором уже находятся сюжеты, связанные с образованием и разработкой научного изучения белорусских губерний. Нужно отметить также довольно стабильное, почти ежегодное обращение к вопросам истории Северо-Западного края. Особенностью публикаций о гр. М.Н. Муравьеве в "Русской старине" является их полемическая заостренность, критические замечания и оценки его деятельности. Они же более всего подверглись редакторской правке [29, л. 19–22].

Историко-типологический метод позволяет выделить типичные редакторские приемы (правила) и единичные случаи отклонения от них. С его помощью можно также структурировать публикации: документальные источники, мемуары, письма, публицистические статьи, рецензии, некрологи.

В тесной связи с ним идет историкосравнительный метод, с помощью которого можно выявить специфические особенности того или иного журнала и его тенденции в освещении определенных тем. Например, белорусская проблематика затрагивалась журналами "Русский архив", "Русская старина" и "Исторический вестник" не в равной мере, однако общим для этих изданий было то, что сюжеты белорусской истории поднимались здесь не сами по себе, а в контексте "польского вопроса" или в связи с общероссийскими событиями (война 1812 г., восстание 1863 г., конфессиональные отношения). По частоте публикаций по обозначенной тематике обнаруживается следующая специфика: "Русский архив" обращался к белорусской истории эпизодически, "Русская старина" – постоянно с особенным интересом к общественно-политическим сюжетам, а "Исторический вестник" - стабильно со значительным вниманием к научному изучению Северо-Западного края и публикаций о нем. Отмеченные черты сходства и различия в значительной степени зависели от редакторов журналов, их образования, личных вкусов и понимания задач исторической периодики.

Заключение

Таким образом, при изучении исторической периодики следует учитывать ее специфику как исторического источника. На этапе сбора и начальной обработ-

ки материалов (эвристика) необходимо в связи с поставленной целью и предметом исследования классифицировать публицистические источники (историческая периодика), структурировать археографические, историографические публикации, выбрать адекватные методы их изучения. На критическом этапе нужно обратить внимание на особенности редактирования текстов, внешние и внутренние факторы публикации (цензурные условия, редакторские и авторские позиции, читательский спрос). Интерпретация полученных данных позволяет выявить специфику того или иного издания, тенденции в освещении определенных тем, устойчивость интереса читающей публики, особенности формирования общественного мнения по вопросам истории и развитие вкуса к историческому чтению в целом. Сказанное сохраняет свою актуальность и при изучении белорусской проблематики в российских исторических журналах второй половины XIX - начала XX в., где она представлена в заметных объемах. Особенно нужно учесть тот немалый вклад, который в свое время внесли в это дело ученые и публицисты из Беларуси.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- Droysen, Johann Gustav. Grundriss der Historik / Johann Gustav Droysen. – Leipzig: Veit & Comp., 1868. – 84 S.
- Pandel, Hans-Jürgen. Geschichtstheorie / Hans-Jürgen Pandel. – Schwalbach : Wochenschau Verlag, 2017. – 430 S.
- 3. *Kraus, Hans-Christof.* Zeitungen, Zeitschriften, Flugblätter, Pamphlete / Hans-Christof Kraus // Aufriss der Historischen Wissenschaften in sieben Bänden. / Michael Maurer (Herausg.). Stuttgart: Reclam, 2002. Bd. 4. S. 373–401.
- 4. *Пыпин, А. Н.* История русской этнографии: в 4 т. / А. Н. Пыпин. Санкт-Петербург: Типография М. М. Стасюлевича, 1892. Т. 4: Белоруссия и Сибирь. 488 с.
- 5. Источниковедение : учебное пособие / И. Н. Данилевский, Д. А. Добро-

- вольский, Р. Б. Казаков и др.; отв. ред. М. Ф. Румянцева. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. 685 с.
- Eckert, Georg. Historisch arbeiten / Georg Eckert, Thorsten Beigel. – Göttingen: Vandenhoek & Ruprecht, 2019. – 263 S.
- 7. *Плавская, Е. В.* Публицистика как вид исторических источников: проблема определения / Е. В. Плавская // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2008. № 4. С. 81–93.
- 8. Oldenbourg Geschichte Lehrbuch. Neueste Zeit / Wirsching Andreas (herausg.). – München: Oldenbourg Verlag, 2009. – 478 S.
- 9. *Рынков, В. М.* Периодическая печать: место в системе исторических источников / В. М. Рынков // Отечественные архивы. 2010. № 3. С. 44–50.
- 10. Костякова Ю. Б. О типовой и видовой принадлежности прессы и ее материалов / Ю. Б. Костякова // Документ. Архив. История. Современность: материалы V Международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 5–6 декабря 2014 г. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2014. С. 247–251.
- Marwick, Arthur. The new nature of History / Arthur Marwick. – London, 2001. – 336 p.
- Дмитриев, С. С. Источниковедение русской исторической журналистики (Постановка проблемы и проблематика) / С. С. Дмитриев // Источниковедение отечественной истории. 1975. М.: Наука, 1976. С. 272–305.
- Ущиповский, С. Н. Российская историческая журналистика: учебно-методическое пособие для студентов и магистрантов коммуникационных специальностей / С. Н. Ущиповский, О. С. Кругликова. М.-Берлин: Директ-Медиа, 2015. 164 с.
- 14. Ущиповский, С. Н. Русская историческая периодика (1861–1917). Материалы к библиографии / С. Н. Ущиповский. – СПб. : Факультет журналистики СПбГУ, 1992. – 27 с.
- 15. Источниковедение истории СССР : учебник / В. С. Голубцов [и др.] ; под ред. И. Д. Ковальченко. М. : Высшая школа, 1973. 560 с.

- 16. Зайцев, А. Д. Петр Иванович Бартенев и "Русский архив" / А. Д. Зайцев. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2013. – 480 с.
- 17. *Масанов, И. Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей / И. Ф. Масанов. [Электронное научное издание] Режим доступа: http://feb-web.ru/feb/masanov/default.asp Дата доступа: 10.01.19.
- 18. *Лужинский, Василий, архиеп.* Записки о воссоединении греко-униатского духовенства и народа в Белоруссии и на Волыни с Православной Церковью / Архиеп. Василий Лужинский // Русский архив. М.: Университетская типография, 1881. Кн. 2. № 4. С. 380–387.
- Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета о некоторых переменах и дополнениях в действующих цензурных постановлениях от 6 апреля 1865 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е: в 55 т. (1825–1881 гг.). СПб.: Типография II Отделения императорской канцелярии, 1867. Т. 40. Отд. 1. С. 397–406.
- 20. Высочайше утвержденные временные правила по цензуре от 12 мая 1862 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е: в 55 т. (1825–1881 гг.). СПб.: Типография II Отделения императорской канцелярии, 1865. Т. 37. Отд. 1. С. 430–431.
- Лемке, М. К. Эпоха цензурных реформ 1859–1865 годов / М. К. Лемке. – СПб. : Книгоиздательство М. В. Пирожкова, 1903. – 512 с.
- 22. Гильтебрандт, П. А. Литовская метрика / П. А. Гильтебрандт // Древняя и новая Россия. СПб. : Типография В. И. Грацианского, 1878. Т. 3. № 11. С. 261–263.
- 23. Муравьев-Виленский в отзывах о нем русских людей // Русская старина. СПб.: Печатня В. И. Головина, 1883. Т. 38. С. 207–230, 695–702.
- Jordan, Stefan. Theorien und Methoden der Geschichtswissenschaft / Stefan Jordan. – Padeborn, 2009. – 232 S.
- 25. Теория и методология истории : учебник для вузов / отв. ред. В. В. Алек-

- сеев, Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, Л. Е. Гринин. Волгоград : Учитель, 2014. 504 с.
- 26. Жиркевич, А. В. Архиепископ Иероним (опыт характеристики) / А. В. Жиркевич // Исторический вестник. – СПб.: Типография А. С. Суворина, 1908. – Т. 113. – С. 881–915.
- 27. Einführung in das Geschichtsstudium an Pädagogischen Hochschulen / Gerhard Fritz (Herausg.). – Stuttgart : Kohlhammer, 2011. – Bd. 1. – 152 S.
- 28. *Рейфман, П. С.* Цензура в дореволюционной, советской и постсоветской России: в 2 т. / П. С. Рейфман; научн. ред. Е. С. Сонина. М.: Пробел, 2017. Т. 1. Вып. 3: 1855–1917 гг. 306 с.
- 29. Отдел рукописей Российской Национальной Библиотеки (ОР РНБ). Ф. 683. А. И. и М. И. Семевские. Д. 30. "Русская старина": вырезки редакторской цензуры. 1881–1886 гг.

Поступила в редакцию 18.02.2019 г. Контакты: hoteev@tut.by (Хотеев Алексей Сергеевич) Khoteyev A. METHODOLOGY OF HISTORICAL PERIODICALS STUDY (regarding Russian historical journals of the second half of the XIX – the beginning of the XX century).

The paper considers some features of historical periodicals as a historical source. The object of the research includes the historical journals "Russian Archive", "Russkaya Starina", "Istorichesky Vestnik", "Ancient and Modern Russia". The classification of historical journals and the methodology of their research are offered. The main attention is paid to internal and external factors of publishing activities: censorship, editorial position and readers' demand. The study of historical periodicals enables to separate primary and secondary sources on a given subject, especially in Belarusian history. The tendencies and specific properties of each edition are traced. The readers' interests and the formation of public opinion about important historical events are reflected.

Keywords: methodology, historiography, Russian historical journals, classification, heuristic, criticism, interpretation.

УДК 94(34)

"ТЕОРИЯ АРИЙСКОГО ВТОРЖЕНИЯ" И РАННЯЯ ИСТОРИЯ ИНДОАРИЕВ

Н. А. Гуль

аспирант Белорусский государственный университет

В статье рассматривается базовая для истории Древней Индии концепция — "Теория арийского вторжения". Дается разъяснение существования нескольких датировок вторжения ариев. Анализируется основная доказательная база теории, начиная с 1860-х гг., а также отражается ее место в современной историографии истории древней Индии. Делается вывод, что, несмотря на множество очевидных недостатков, "теория арийского вторжения" является основополагающей для современной историографии и полный отказ от нее, по крайней мере, сейчас, невозможен.

Ключевые слова: теория арийского вторжения, Ригведа, миграционизм, Хараппская цивилизация, Ф. Макс Мюллер.

Введение

"Теория арийского вторжения", именуемая в англоязычной историографии Aryan Invasion Theory (далее AIT), начала формироваться в британской историографии истории Индии в 1860-х гг. благодаря работам У. Джонса, Ф. фон Шлегеля, Ф. Боппа, А. Шлейхера и Ф. Макс Мюллера. За несколько последующих десятилетий она прочно закрепилась в индологии и истории Древнего Востока в целом, став одной из основополагающих.

Основная часть

С самого момента своего возникновения и до настоящего времени в основании АІТ лежат, прежде всего, данные лингвистических исследований, показывающих схожесть санскрита с латинским, иранским и другими языками, которые принято называть индоевропейскими. Языковая

© Гуль Н. А., 2019

общность стала основой для предположений о существовании в древности единого языка — протоиндоевропейского. С течением времени эта теория, возникшая как лингвистическая, развилась в теорию о существовании древнего народа — ариев.

Суть АІТ состоит в том, что арии, чьими потомками являются многие современные индийцы, — это завоеватели из Евразии. Они прибыли в Индию с севера и подчинили местное население. Сразу же после прибытия в Индию арии создали очень сложный язык — санскрит; составили в сложной стихотворной форме Веды. Философия упанишад, науки о жизни, мастерство владения оружием, медицина, астрономия, искусство драмы, танца, музыки, архитектура — все это развилось уже в Индии, т. е. всего за последующие после вторжения 1000 лет. В это же время также возник и индуизм [1].

Хотя сам Ф. Макс Мюллер не являлся автором теории о протоиндоевропейском языке, он предложил, что носители этого языка вторглись в Индию и уничтожили местное население, таким образом принеся туда свой язык. Им была разработана датировка арийского вторжения в Индию.

Отправной точкой расчетов стала безраздельно доминировавшая в то время библейская хронология, согласно которой сотворение мира произошло не позднее начала IV тыс. до н.э., а всемирный потоп — не позднее XXV в. до н. э. [2, с. 20–31]. С учетом послепотопного расселения потомков Ноя вторжение ариев в Индию должно было быть отнесено к середине — концу II тыс. до н.э.

Подходящая дата была определена путем собственной методологии Ф. Макс Мюллера и была основана не столько на научных фактах, сколько на предположениях. Опираясь на считавшиеся в то время достаточно достоверными годы жизни Будды, Ф. Макс Мюллер относит конец ведийского периода и начало буддийского периода к VI в. до н. э. [3, с. 572]. Отталкиваясь от собственного предположения,

что на каждый отдельный вид произведений ведийской литературы достаточно периода в 200 лет, он вывел следующую хронологию. Самой поздней группой произведений, датирующихся VI в. до н.э., он выделил Араньяки и Упанишады. Далее, в VIII в до н.э., были созданы Брахманы. Три "младшие" веды – Яджур-веда, Сама-веда и Атхарва-веда датировались началом I тыс. до н.э. Так как, по мнению лингвистов того времени, Ригведа являлась древнейшей из вед, временем ее возникновения Ф. Макс Мюллер определил 1200 г. до н.э.

Отметим, что далеко не все исследователи конца XIX в., в том числе индологи – Г.Г. Якоби и И.Г. Бюлер, поддержали такую хронологию, указывая на ее произвольность, а также тот факт, что период в 200 лет является недостаточным для создания такой обширной литературной группы, ее распространения на территории проживания народа, а затем угасания и смены. Г.Г. Якоби считал, что для данного цикла в древних обществах требовался период около тысячи лет [4, с. 158]. Проблема датировки Ригведы является крайне важной в индологии, так как дата Ригведы, самого раннего известного произведения на индоарийском языке, и дата арийского вторжения взаимосвязаны. Несмотря на обилие датировок, единственное, что можно сказать точно, это то, что Веды были созданы до буддистской литературы. Однако определяют ли исследователи период в 200 лет или в 1000 лет, это все равно остается произвольной трактовкой дат.

В науке установилось мнение, что Ф. Макс Мюллер доказал датировку создания Ригведы ок. 1200 г. до н.э. и соответственно дату вторжения ариев в Индию во второй половине ІІ тыс. до н.э. Несмотря на единичные возражения, эта датировка стала общепризнанной.

Некоторые исследователи, основываясь на своих доказательствах, определяли период создания Ригведы 2000 г. до н.э. [5] или даже 3000 г. до н.э. (Г.Г. Яко-

би) [4], но чем ближе такие даты были к Потопу, тем меньше у них было сторонников.

Однако датировка Ф. Макс Мюллера также оказалась не окончательной. В результате раскопок, начавшихся в долине реки Инд еще в 1911 г., уже в начале 1920-х гг. были обнаружены поселения развитой городской культуры, которые были гораздо древнее второй половины II тыс. до н.э. и, следовательно, никак не могли быть арийскими. Найденная культура была названа Хараппской (по современному городку Хараппа, расположенному недалеко от древнего города). Было установлено, что эти поселения просуществовали, по крайней мере, до 1750 г. до н.э., после чего довольно быстро пришли в упадок и прекратили свое существование.

Эти новые факты, разумеется, не могли не повлиять на АІТ. Однако, по мнению сторонников "теории вторжения", открытие городской цивилизации не только не противоречило ей, но и подтверждало ее. Было принято перенести дату вторжения на 200–300 лет назад, т. е. на середину ІІ тыс.до н. э., что приводило к совпадению со временем конца Хараппской цивилизации. Таким образом, было сделано заключение, что именно пришлые арии явились причиной гибели цивилизации в долине Инда, т. е. ее разрушителями.

Основные доказательства сказанному выше были приведены британским археологом М. Уилером, который в 1940-х гг., при раскопках в Махенджо-Даро, обнаружил группу скелетов (37 скелетов, на 2 черепах были обнаружены следы удара острого предмета) и разрушенные крепостные стены [6]. Именно это исследователь посчитал основным доказательством насильственного вторжения.

Находки были соотнесены с описанием Индры в Ригведе как разрушителя крепостей [7]. Индра является весьма почитаемым ведийским божеством, а следовательно, арийским. Эпизод разрушения крепостных стен из Ригведы был определен как описание разрушения Махенджо-Даро и захват местных жителей – дасов. На основании указанных аргументов и был сделан вывод о разрушении ариями Хараппской цивилизации.

Конечно, не все исследователи поддержали эту гипотезу, но позиции скорректированной в сторону удревнения на несколько сот лет AIT в целом значительно укрепились.

Со второй половины XX в. изменения, происходящие в исторической науке, а именно использование в исследованиях современных научных методов и междисциплинарного подхода, позволило подвергнуть критике не только трактовку находок М. Уилера, но и саму "теорию вторжения".

Американский археолог Г.Ф. Дэйлс, участник раскопок Мохенджо-Даро в 1964-1965 гг. и раскопок в долине Инда в 1973-1979 гг., в книге "Раскопки в Махенджо-Даро, Пакистан: Керамика" [8] уточняет, что не было найдено "сгоревших костей, оружия, наконечников стрел, защитников цитадели. Ни один из скелетов не был обнаружен в цитадели... было выяснено, что группа скелетов датируется намного позже, чем была оставлена основная часть города" [8]. Ученик Г.Ф. Дэйлса Дж.М. Кенойер высказался в поддержку мнения своего учителя: "Любое военное завоевание такой площади должно было оставить некоторые явные археологические свидетельства... доказательств случившегося на этой территории в этот период длительного конфликта и принудительного военного превосходства не обнаружено..." [9, с. 331-385].

Окончательную точку в вопросе об археологических свидетельствах насильственного вторжения поставил палеоантрополог К. Кеннеди. Он обследовал скелеты и сделал вывод, что только один из них имеет на черепе травму, нанесенную острым предметом, на остальных скелетах находятся лишь следы эрозии либо временного изменения [10, с. 289–295].

Вследствие опровержения аргументов М. Уилера целый ряд исследователей отказался от идеи одномоментного вторжения, но не от самой идеи прихода ариев в Индию и ее завоевания. На ее место пришла идея, что арии расселились в Индии постепенно. Эта концепция носит название волнового проникновения. По мнению различных исследователей, волн могло быть две или более. Наиболее распространенная датировка этих волновых вторжений предполагает, что первая из этих волн была в начале II тыс. до н.э. и положила начало упадку Хараппской цивилизации, а вторая - в середине II тыс. до н.э., и именно вторая волна стала главной причиной гибели Хараппской цивилизации.

Одним из приверженцев этой теории является финский индолог А. Парпола. В 1988 г. он выдвинул идею, которая связывала археологические исследования с лингвистическими. Он отождествлял первую волну с ригведийскими дасами, которые были родственны создателям Андроновской археологической культуры. Маршрут их следования повторял идею вторжения в Индию с севера. Дасы появились в культуре Бактрии-Маргианы, закрепились там как правящая элита и далее продвигались на юго-восток в бассейн реки Инд [11, с. 195–302].

С этими событиями А. Парпола связывает археологически подтвержденный рост культуры Бактрии-Маргианы в XXI в. до н.э. [11, с. 195–302]. В подтверждение этому он приводит греческие источники, которые упоминают территорию бассейна реки Амурдарья и проживающий там народ как Da(h)las, что весьма созвучно ригведийским дасам.

Вторая волна состояла из непосредственно племен андроновской культуры, которые около 1700 г. разрушили некоторые поселения культуры Бактрии — Маргианы и продвинулись далее на юг, вследствие чего в XVI–XV вв. до н.э. попали в Индию. Эти племена и явились авторами всех известных элементов ведийской культуры [12, с. 195–302].

Как бы не шла упомянутая выше дискуссия, еще в начале XX в. АІТ закрепилась в науке как базовая и присутствовала во всех учебниках по истории древнего мира.

Так, например, один из самых авторитетных научных центров, Кембриджский университет, в 1922 г. издал свой курс истории Индии – "The Cambridge history of India", входящий в цикл "Кембриджских историй" [13]. Истории Индии в древности был посвящен первый том этого издания, целиком разделяющий идеи АІТ.

Говоря о вторжении ариев, автор соответствующего раздела принимает датировку Ф. Макса Мюллера. Он также выделяет группу индоевропейских или, что равнозначно у данного исследователя, индогерманских языков.

Книга устарела еще до выхода в печать, так как уже была обнаружена Хараппская цивилизация, о которой в издании ничего не было. Только в 1953 г. был издан "Дополнительный том к Кембриджской истории Индии" под названием "Индская цивилизация" за авторством М. Уилера [6]. Этот том переиздавался и доиздавался большое количество раз. Там содержатся описания результатов археологических раскопок Махенджо-Даро и Хараппы, а также других городов и упомянутые выше идеи разрушения цивилизации ариями.

Примечательно, что одним из ключевых факторов, приведших к доминированию АІТ в историографии древней истории, стала не столько языковая, сколько этническая (или даже биологическая) идентификация ариев, закрепившаяся в большинстве соответствующих работ конца XIX – начала XX в.

Наглядным примером такого подхода может служить изданная в 1895 г. в Санкт-Петербурге "История Индии времен Риг-веды" З.А. Рогозиной В этой книге местное доарийское население описано как "черная или очень темная раса, и все что с ними связано было черным, их варварские обычаи, такие как поедание сырого мяса... шаманистское поклонение гоблинам было сильно отталкивающим в сравнении с красивыми, воспитанными и в определенной степени религиозно утонченными и возвышенными ариями" [14, с. 72]. Арии же описываются как: "белокурые, северные племена на колесницах нападают на примитивных туземцев, которых они встретили по пути на юг" [14, с. 79].

В.А. Смит в краткой оксфордской истории Индии 1919 г. издания [15, с. 25–26] описывает ариев как "высоких, красивых и длинноволосых", которые покорили "аборигенов дасов (коротких, темных, курносых и уродливых)". Несмотря на новые открытия в долине Инда, эта работа была переиздана в 1933 г. без существенных изменений.

Вышеперечисленные характеристики ариев во многом основаны не на источниках. Однако, проанализировав тексты Вед, можно выделить основные критерии, присущие их создателям, то есть, согласно теории АІТ, ариям. Так, например, Б. Лайонетт выделяет следующие пункты:

- животноводство и сельское хозяйство;
- покорение дасов, более темное население, живущее в/вблизи горной местности в крепостях, которые могут быть круглыми с окружающими их тройными стенами; их завоевание насильственное, подразумевает разрушение огнем и захват дасов воинами-ариями на конных колесницах;
- практика культа огня и жертвоприношений животных (жертва лошади самая ценная);
  - кремация покойников;
- изготовление и ритуальное питье сомы [15].

Эти критерии важны, так как их часто используют при определении маршрутов миграции ариев и нахождении их прародины. В расположении же самой прародины ариев или того, откуда они

пришли в Индию, также существует заметная неопределенность. Помимо степей Евразии, ее часто помещают то на территорию Германии, то в Иран, то даже в Заполярье [16].

Здесь следует отметить, что уже сам факт доминирования среди лингвистов сложных теоретических построений, включающих множество лингвистических групп и схем их перемещения, можно считать, в известной степени, схоластикой, особенно если последующие исследования строятся на том, чтобы подтвердить такие построения. Как представляется, такое положение дел не совсем соответствует правильной последовательности академического исследования.

Даже среди сторонников АІТ не существует единого мнения о том, как именно арии пришли в Индию. В настоящий момент существует две основные концепции – северного и южного путей.

Северный путь проходит по реке Амударья (в англоязычной историографии ее часто называют на древнегреческом языке Окс). С двух сторон этот маршрут преграждают Каспийское и Аральское море, далее заходят на северную границу Бактрийско-Маргианской культуры и дальше в бассейн Инда. С северным путем связывают такие археологические культуры, как Бешкентская и Вахшинская (юг Таджикистана), а также культуру Андроново [17, с. 204]. Естественно, что в этих культурах ищут следы ариев либо же считают их вообще индоарийскими.

Южный путь предполагает, что арии, переправившись через Кавказ и обогнув Каспийское море с юга, через Загрос и, возможно, Месопотамию, продвигались на юго-восток к долине Инда. Здесь также арии должны были пройти через территории археологического комплекса Бактрии-Маргианы [17, с. 209].

В этой связи примечательно, что, даже если принять саму идею прихода ариев в Индию извне, выбор того или иного пути ставит больше вопросов, чем ответов перед историками.

Дополнительную неясность в решение вопроса вносит принадлежность уже самой культуры Бактрии — Маргианы (конец III — начало II тыс. до н. э.). Сторонники АІТ указывают на то, что в этой культуре был распространен культогня и культ одурманивающего напитка сомы. Противники отмечают, что культура Бактрии — Маргианы была развитой городской культурой с храмами и крепостями [17, с. 212], что противоречит тому, что арии не знали городов и были кочевниками. В этом случае культура не может быть арийской.

- 1. Таким образом, основные сложности, связанные с принятием АІТ в качестве научной основы, можно сформулировать следующим образом. При кочевом образе жизни ариями должны были быть созданы сложная кастовая система и ведийская литература, в которой, в частности, использовано 26 ритмических схем.
- 2. Прибытие ариев в Индию датировалось первоначально второй половиной II тыс. до н. э. [3, с. 572], однако в связи с открытием Хараппской цивилизации датировка была перенесена на 300 лет раньше. И сейчас датой начала арийского вторжения в Индию считается середина II тыс. до н. э. [6].
- 3. Сторонники АІТ утверждают, что арии передвигались на лошадях и на колесницах. Они аргументируют это тем, что у хеттов, также ариев по языковой теории, колесницы появляются с 1700 г. до н. э., а с 1500 г. можно говорить о широком распространении колесницы у хеттов, т.к. найденное в Хаттусе (совр. г. Богазкале) руководство по обучению лошадей для езды на колесницах датируется этим временем. В этой связи примечательно, что самые ранние колесницы, найденные археологами в Индии (в долине Ганга), датируются 350-50 гг. до н.э., да и местность совсем не подходит для передвижения на колесницах на большие расстояния.
- 4. Сама лошадь является объектом всевозможных споров. В Ригведе описы-

вается лошадь с 34 ребрами (17 пар), в то время как у среднеазиатской лошади, с территории которой и прибыли кочевники, - 36 ребер (18 пар). Окаменелые останки "Equus Sivalensis" показывают, что лошадь с 34 ребрами была известна в Индии на протяжении десятков тысяч лет [17, с. 169-175]. А следовательно, утверждение, что цивилизация Инда не знала лошади и появилась лошадь только вместе с арийским нашествием, ошибочно. М. Витцель, как сторонник АІТ, отвергая данные аргументы против вторжения, указывает на то, что в Хараппе не найдено полного скелета лошади, а лишь отдельные кости. Он также настаивает, что раскопки были проведены неправильно: слои, в которых были найдены кости, были разрушены или повреждены, а самими раскопками руководили не зоологи и не палеонтологи, а неопытные археологи [17, с. 169–175].

5. АІТ тесно связана с концепцией миграционизма. Суть этой концепции заключается в том, что изменения в археологической культуре связаны с вторжением извне более развитого народа. В период до 1960-х гг. миграционизм являлся наиболее популярной доктриной, в 1960-1980 гг. антимиграционизм становится все более популярным. В истории Индии рассматриваемого периода ситуация осложняется еще и тем, что в рамках AIT после открытий в долине Инда арии никак не могут выступать как "более развитый народ", а если они "менее развитый", то дальнейшее (уже упоминавшееся) развитие культуры Индии вообще не имеет никаких рациональных объяснений.

Помимо упомянутых сложностей, с точки зрения современной науки АІТ имеет еще несколько существенных уязвимых мест. Во-первых, как и большинство теорий, созданных в европейский колониальный период, она основывается на том, что цивилизации в разных частях мира начинались с массовой миграции с центральной точки — прародины. Во-

вторых, существенное место в этой теории занимает идентификация по внешнему виду различных групп населения (кожа, волосы, цвет глаз). Развитие генетики полностью опровергло состоятельность такого положения вещей.

Гарвардский генетик Р.Ч. Левонтин говорит об этом следующее: "Используя генетические данные для изучения древних популяций и их миграций, все, что мы можем сделать сейчас, это посмотреть на некоторые черты, которые не подвержены влиянию окружающей среды, и изучить их распространение среди различных групп людей. Важно, что эти черты не могут быть фенотипом или внешне наблюдаемым признаком, таким как цвет кожи, который является результатом взаимодействия между тем, что наследуется, и окружающей средой" [18].

Так, например, при анализе генетических данных населения Евразии исследователи выделяют маркер М17. Он распространен в Индии и в соседних регионах, но при отдалении от этих территорий на запад он становится все более редким. При этом индийские носители М17 генетически более разнообразны, чем европейские [19].

Совокупность этих исследований показывает, что население Индии происходило в значительной степени от генетического наследия южных и западных азиатов плейстоцена (до XI тыс. до н.э.) и получило лишь ограниченный приток генов из внешних регионов в период голоцена [20, с. 731–744].

Теория М17 как маркер "мужского арийского вторжения" является ошибочной, так как этот генетической маркер не только более разнообразен в Южной Азии, но и присутствует в изолированных племенных группах на юге [21, с. 102].

Таким образом, та часть доказательной базы АІТ, которая строится на основании описаний внешности ариев из Ригведы [22, с. 9], и их соотнесение на этом основании с определенной географической территорией (прародиной) в

настоящее время уже не являются состоятельными.

На то, что временные рамки, принимаемые в теории АІТ, не имеют достаточных оснований, указывают и современные данные астрономии. В Махабхарате присутствуют 142 астрономических сообщения. Многие из них могут быть датированы при помощи компьютерных технологий, доступных теперь исследователям. По крайней мере, некоторые из них относятся ко времени значительно более раннему, чем середина ІІ тыс. до н. э. [23, с. 198–220].

Не согласуются с теорией АІТ и многие результаты современных археологических исследований. Так, большое количество археологических артефактов было найдено в бассейне реки Инд и ныне не существующей реки, часто именуемой в историографии ведийским именем Сарасвати. Печати, гончарные изделия, фигурки, остатки огненных жертвенников, фигурки Богини Матери, фигурки из глины в позе йогов показывают общее ведийское начало цивилизации именно в бассейне этих рек [24, с. 30].

К сказанному следует добавить, что и геологи, и климатологи причиной гибели городов цивилизации долины Инда считают природные катаклизмы, а не вторжение воинственных племен [25].

Большую роль в споре, связанном с АІТ, играет и сама исчезнувшая река, часто именуемая Сарасвати. Данные археологии (например, результаты экспедиции В.С. Ванакара), гидрологии и радиоуглеродный метод датирования показывают, что эта река высохла примерно за 2000 лет до н. э. Так как существует множество данных о Сарасвати в Ригведе (текущая "от гор до моря") и более поздних текстах, то настоящие факты должны были собираться задолго до этого. И не одну тысячу лет [26]. Значит, Ригведа и ряд последующих текстов должны были быть написаны еще до высыхания реки, и память о полноводной реке, некогда протекавшей восточнее Инда, к моменту

вторжения должна была сохранятся не менее 1000 лет и перейти к ариям от местного населения в качестве священных знаний, что совершенно маловероятно. Кроме того, многочисленные поселения Хараппской цивилизации были найдены вдоль предполагаемых берегов Сарасвати. Поэтому исследователи, которые опровергают АІТ, зачастую называют Хараппскую цивилизацию цивилизацией Инда — Сарасвати.

В связи с АІТ часто обращают внимание и на те части текста Вед, где упоминаются растения и животные. Фауна и флора, описываемая в Ригведе, присуща тропическому климату. Растения и животные, упоминаемые там, не принадлежат ни пустыням, ни холодному климату Европы, ни горным территориям [27].

Заключение

Тем не менее, несмотря на все указанные возражения, АІТ по-прежнему является доминирующей теорией в истории Индии в древности. Без нее практически трудно объяснимы не только само индоевропейское языковое единство, но и многие исторические реалии: индоевропейцы в Передней и Средней Азии во ІІ тыс. до н. э., забвение Индской иероглифической письменности, отказ индийцев от городов с их правильной планировкой, отказ от мореплавания в конце ІІ тыс. до н. э. и др. Пока ответы на эти вопросы не будут даны без АІТ, полный отказ от последней вряд ли возможен.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- Childe, V. G. The Aryans. A Study of Indo-European Origins / V. G. Childe. – London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co., Ltd., 1926. – 235 p.
- 2. *Перзашкевич, О. В.* Ригведийское жречество / О. В. Перзашкевич. Минск : БГУ, 2014. –327 с.
- 3. *Max Müller, F.* A History of Ancient Sanskrit Literature / F. Max Müller. London: Williams & Norgate, 1859. 607 p.

- Jakobi, H. G. The Computation of Hindu Dates in Inscriptions Epigraphia Indica: A Collection of Inscriptions Supplementary to the Corpus Inscriptionum Indicarum of the Archaological Survey of India / H. G. Jakobi. – Calcutta, 1892. – 481 p.
- Schroeder, L.von Mysterium und mimus im Rigveda / L.von Schroeder. – Leipzig, 1908. – 511 p.
- 6. *Wheller, M.* The Indus Civilazation: Supplementary volume to the Cambridze History of India / M. Wheller. London: Cambridze University Press, 1953. 143 p.
- Witzel, M. Autochthonous Aryans? The Evidence from Old Indian and Iranian / M. Witzel // Electronic Journal of Vedic Studies (EJVS). – Chicago, 2001. – P. 1–118.
- Dals, G. F. Excavations at Mohenjo-Daro, Pakistan: The Pottery / G. F. Dals, J. M. Kenoyer. – Pensilvania: University of Pennsylvania Museum of Archaeology and Anthropology, 1986. – 607 p.
- 9. *Kenoyer, J. M.* The Indus Valley Tradition of Pakistan and Western India / J. M. Kenoyer // Journal of World Prehistory 5(4). New York, 1991–P. 331–385.
- 10. Kennedy, K. Skulls, Aryans and Flowing Drains: The Interface of Archaeology and Skeletal Biology in the Study of the Harappan Civilization / K. Kennedy, E.G.L. Possehl. – Skulls – New Delhi: Oxford University Press, 1982. – 295 p.
- Parpolo, A. The coming of the Aryans to Iran and India and the cultural and ethnic identity of the Dāsas / A. Parpolo // Studia Orientalia Vol. 64, 1988. – P. 195–302.
- 12. The Cambridze History of India: in 6 vol./ ed.: Rapson E.J. – London : Cambridze University Press, 1922. – Vol. 1. – 736 p.
- Рагозина, 3. А. История Индии времен Ригведы / 3. А. Рагозина. СПб., 1895. – 497 с.
- Smith, V. A. The Oxford history of India, from the earliest times to the end of 1911/V. A. Smith. Oxford: Clarendon Press, 1919. 870 p.
- 15. Lyonnet, B. Central Asia, the Indo-Aryans and the Iranians: some reassessments from recent archaeological data. In the South Asian Archaeology / B. Lyonnet. Helsinki:

- Suomalainen Tiedeakatemia, 1994. P. 425.
- 16. *Renfrew, A. C.* Archaeology and Language: The Puzzle of Indo-European Origins / A. C. Renfrew. London: Pimlico, 1987. 368 p.
- Bryant, E. The Quest for the Origins of Vedic Culture / E. Bryant. – New York: Oxford University Press, 2001. – 387 p.
- 18. *Левонтин*, *P. Ч.* Эра ДНК / Р. Ч. Левонтин. [Electronic resource]. Mode of access: http://scepsis.net/library/id_2629. html. Date of access: 08.02.2019.
- Bamshad, M. Genetic Evidence on the Origins of Indian Caste Populations / M. Bamshad // Genome Research. 2001. 11/6 P. 994–1004.
- 20. Genet, A. J. Shared and Unique Components of Human Population Structure and Genome-Wide Signals of Positive Selection in South Asia / A. J. Genet // The American J. of Human Genetics. 2011. Vol. 89. P. 731–744.
- 21. Kapur, K. Portraits of a Nation: History of Ancient India / K. Kapur. – New Delhi: Sterling publishers Pvt.Ltd., 2010. – 684 p.
- 22. *Matas, E. A.* Rgvedic society / E. A. Matas. Leiden, 1991. 175 p.
- 23. *Tilak, B. G.* The Orion or Researches into the Antiquities of the Vedas / B. G. Tilak. Bombay: Radhabai Atmaram Sagoon, 1893. 227 p.
- 24. Kenoyer, J. M. Urban Process in the Indus Tradition: A Preliminary Model from Harappa / J. M. Kenoyer // Harappa Excavations 1986–1990. A Multidisciplinary Approach to Third Millennium Urbanism / ed. R. H. Meadow. – Madison, 1991. – P. 29–59.
- Tripathi, J. K. Is River Ghaggar, Saraswati? Geochemical Constraints / J. K. Tripathi // Current Science, 87(8), 2004. P. 1141–1145.
- 26. Lal, B. B. Fronties of the Indus Civilization / B. B. Lal. New Deli: Aryan Books International, 1984. 545 p.
- 27. *Lal, B. B.* The Homeland of the Aryans Evidence of Rigvedic Flora and Fauna, Archeology / B. B. Lal. New Delhi : Aryan Books International, 2005. 301 p.

Поступила в редакцию 22.02.2019 г. Контакты: nadyagulgul@gmail.com (Гуль Надежда Александровна)

Hul N. ARYAN INVASION THEORY AND THE EARLY HISTORY OF INDOARYANS.

The article discusses the basic theory for the history of Ancient India – the Aryan Invasion Theory (AIT). The article describes several chronologies proposed with the theory. The main evidence base of the AIT since its foundation has been analyzed, and the place of the theory in modern historiography has been determined. Finally, it is concluded that despite many obvious inaccuracies, the AIT is still the fundamental one for modern historiography, and its complete rejection, at least now, is impossible.

Keywords: The Aryan Invasion Theory, Rigveda, migrationism, Harappan Civilization, F. Max Muller.

УДК 101.9; 113 / 119

В. И. ВЕРНАДСКИЙ И ДРУГИЕ РУССКИЕ КОСМИСТЫ: ОБЩНОСТЬ ДУХОВНЫХ ИСКАНИЙ И ОСОБЕННОСТИ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ¹

П. С. Карако

доктор философских наук, профессор, Белорусский государственный университет

В статье раскрываются формы влияния биосферных и ноосферных представлений В.И. Вернадского на становление и развитие космизма в творческих исканиях П.А. Флоренского, Н.Г. Холодного, А.Л. Чижевского. Обращается внимание на роль личностных качеств Вернадского во включение отмеченных ученых в кагорту исследователей биосферы, ее эволюции и определения их космических воззрений. Отмечается влияние именитого русского космиста на мышление видных писателей (И.А. Ефремова, С.П. Залыгина, Л.М. Леонова) и отражение идей космизма в художественной литературе на мышление ряда отечественных и зарубежных естествоиспытателей в обосновании современных стратегий отношений человека к природе, космосу. Приводится определение русского космизма как целостного учения о зависимости бытия всего живого от Космоса и разумном отношении людей к своему природному окружению и осознанию необходимости его сохранения.

Ключевые слова: природа, биосфера, ноосфера, Космос, микрокосм, макрокосм, антропоцентризм, антропокосмизм, космические чувства, русский космизм.

Одним из тех, кто испытал на себе влияние космических идей В.И. Вернадского и пытался развивать их дальше, был П.А. Флоренский (1882–1937) – религиозный мыслитель и ученый-энциклопедист. Оставил заметный след в философии математики, истории философии, искусствоведении, богословии, литературоведении и т. д. Еще будучи студентом

Московского университета (1900–1904), слушал лекции профессора Вернадского по природоведческим дисциплинам. В последующие годы Владимир Иванович следил за творчеством своего студента и давал высокую оценку некоторым его трудам.

Так, в дневнике от 27-го февраля 1921 г. он писал, что читает труд Флоренского "Столп и утверждение истины" (1914): "Книга кажется, очень интересной. Я страшно ценю самостоятельное творчество, какую бы форму оно не принимало. Здесь чувствуется сильная и оригинальная личность" [1, с. 194].

Много лет спустя данная оценка книги Флоренского повторяется Вернадским и в его письме от 21-го мая 1943 г. президенту АН СССР В.Л. Комарову. В нем он писал: "Флоренский... теолог и философ, очень выдающийся человек, кончивший математический факультет, в советское время долго заведовал какой-то лабораторией... Это редкое совмещение богослова, экспериментатора и математика указывает его талантливость. Я помню, когда я был еще профессором в Москве, его диссертация в Духовной Академии – Столп и утверждение истины – произвела огромное впечатление. Я прочел потом эту книгу и нахожу ее чрезвычайно интересной" [1, с. 194]. Чем же могла заинтересовать Вернадского вышеназванная книга Флоренского?

Видимо, уже первые страницы книги, на которых описываются особенности наступающей осени: "В ветреных вихрях кружились и змеились по земле золотые листья. Стаями загуляла птица. Потянулись журавли, заиграли вороны да грачи. Воздух напитался прохладным осенним духом, запахом увядающих листьев..." [2, с. 10]. В такую пору душа человека стремится к постижению истины как знании о сущности природы и других вещей, осмыслению "единства Истины, Добра и Красоты", о процессе познания как "реальном единении познающего и познаваемого" [2, с. 10]. Его трактовками

¹ Окончание. Начало в № 1(51). – 2018.

© Карако П. С., 2019

актуальной и потенциальной бесконечности, тождестве противоположностей и другими положениями. Для сознательного материалиста Вернадского все они имели значимость, "вписывались" в его мировоззрение и находили свое воплощение в его научных и философских трудах.

П.А. Флоренский занимает и особое место в русском космизме. Но в чем конкретно выразился его космизм? Связаны ли его космические идеи с космизмом Вернадского? Эти и другие вопросы пока не получили должного освещения в отечественной философской литературе. В силу этого они и стали предметом внимания автора настоящей работы.

"Все микрокосмическое – макрокосмично, все макрокосмично ское – микрокосмично"

(П.А. Флоренский)

При поиске ответов на поставленные вопросы следует иметь в виду, что первоначально свои космические воззрения Флоренский разрабатывал, опираясь на многие идеи и положения Н.Ф. Федорова и В.С. Соловьева. Так, в лекции под названием "Макрокосм и микрокосм" (1917) он подвергает уничтожающей критике существующую цивилизацию за порождение ею хищнического отношения человека к природе. Причем осуществляется все это в "духе Федорова": "Трижды преступна хищническая цивилизация, не ведающая ни жалости, ни любви к твари, но ищущая от твари лишь своей корысти, движимая не желанием помочь природе проявить сокрытую в ней культуру, но навязывающая насильственно и условно внешние формы и внешние цели" [3, с. 440].

Столь же очевидно и влияние представлений Соловьева о необходимости утверждения нравственного отношения человека к природе на соответствующие воззрения Флоренского. Последний практически повторяет суждения своего предшественника: "Человеку-мужу надлежит любить мир-жену (природу. – П.К.), быть с нею в единении, возделывать ее и хо-

дить за нею, управлять ею, ведя ее к просветлению и одухотворению и направляя ее стихийную мощь и хаотические порывы в сторону творчества, чтобы явился в твари ее изначальный космос" [3, с. 440].

Отмеченные представления Федорова и Соловьева были существенными элементами их космических идей. Подробно содержание данных представлений раскрывалось автором настоящей работы в одной из его книг [4, с. 123–130].

В этой же лекции Флоренский формулирует и свое видение отношения человека к природе, космическую выраженность своего мировоззрения. Для него "Человек и Природа взаимно подобны и внутренне едины. Человек - малый мир, микрокосм. Среда - большой мир, макрокосм" [3, с. 441]. Он говорит и о том, что и человека можно называть "макрокосмом", а природу "микрокосмом", так как они "бесконечны" в своей организации. К тому же человек есть "часть природы" и "равномощен со своим целым". То же самое можно сказать и о природе. Она есть "часть человека". Вот так понимал этот космист соотношение человека и природы в свой ранний период творчества.

Конкретно о преемственности своих космических представлений с идеями Федорова и Соловьева Флоренский говорит в лекциях, прочитанных в Москве в 1918-1920 гг., которые составили содержание труда "Философия культа", впервые опубликованного в 1977 г. В этом труде им утверждается, что его понимание культа как единства материального и духовного мира описывается в "терминологии общего дела Н.Ф. Федорова" [5, с. 157]. Здесь же подчеркивается солидарность автора вышеназванного труда с положениями концепции всеединства Соловьева. Более того, Флоренский называет себя и сторонником символизма: "Я всегда был символистом" [6, с. 154], – говорил он, но уже в другой работе. Он входил в число представителей второй волны молодых символистов (Блок, Белый, Вяч. Иванов и др.), находился в дружбе с Андреем Белым, печатался в

существовавших в начале XX в. символических журналах России.

Но символизм Флоренского существенно отличался как от первых представителей символизма (Соловьев, Брюсов и др.), так и второй волны. В отличие от них в философии Флоренского обращается внимание на онтологическую сторону символа. Для него первостепенное значение имело выявление объективного в символе. Он подчеркивал, что его "ум всегда был занят познанием конкретного" [6, с. 154]. Причем эта специфичность символа четко проявляется в обосновываемом им содержании культа.

Он, следуя традиции русской религиозной философии, раскрывает особенности культа (таинства, богослужения, обрядности), его место в русском Православии. При этом Флоренский отмечает и то, что в культе должна "освещаться" и "вся природа, во всех ее явлениях". "Она вся, - писал он, - вводится в культ и через культ соотносится с человеком в его собственной человеческой жизни" [5, с. 299-300]. В силу этого и во всех "культовых действиях" человека должна осуществляться его связь с "жизнью природы" и "перекристаллизироваться в культе". Именно в нем "все микрокосмическое - макрокосмично, и все макрокосмическое - микрокосмично" [5, с. 300]. В процитированном суждении фиксируется единство микрокосма и макрокосма, как двух форм бытия. В нем выражется и космизм мышления его автора. Для подтверждения сказанного обратимся к анализу представлений Флоренского о сущности понятия "макрокосма".

У Флоренского данное понятие использовалось для обозначения природных объектов и их "бесчисленных проявлений" [5, с. 278]. Они же являлись и зеркалом или символом макрокосма, Вселенной, мира в целом. Такие объекты были предметом его внимания и любви уже с самого раннего детства. В труде "Детям моим. Воспоминанья прошлых дней" (1916–1925) он писал, что его

"единственной влюбленной была Природа". Далее он называет и те объекты природы, которые были предметом его особой любви: "Любил он воздух, ветер, облака, родными ему были скалы, близкими к себе духовно ощущал минералы, особенно кристаллические, любил птиц, а больше всего растения и море" [6, с. 70].

Перечисленные и другие объекты Флоренский пытался видеть в их взаимосвязи и зависимости от природы как целостного образования. Он чувствовал, что "минералы, различные природные явления, в особенности многие цвета, запахи и вкусы были пронизаны глубинной энергией природы..." [5, с. 89]. Но эта "энергия" не фиксировалась его органами чувств, а потому истинное понимание природы может дать только наука. Эту возможность науки Флоренский видел в том, что "научное познание устанавливает общность, где ее раньше не было видно, разыскивает промежуточные явления между крайностями, мостит мосты для перехода через дотоле непроходимые бездны, вообще смазывает четкую раздельность мира, притупляет пафос различия" [6, с. 87].

Но все вышесказанное не означает принижение Флоренским чувственного восприятия природы. Он демонстрирует исключительную наблюдательность при общении с природой. При этом им формулируются и некоторые теоретические выводы. Подтверждением сказанному могут быть его оценки природы Кавказа, где прошло его детство: "Кто не видывал собственными глазами лесов Черноморского побережья (Кавказа. – Π .K.), и в особенности аджарских, тому трудно дать представление о преизбытке растительной жизни, делающей здешние заросли сплошным клубком сплетающихся между собой стволов, гибких стеблей, растительных плетей, веток. Растения тут громоздятся друг на друга; разные виды плюща снизу доверху обрастают стволы каштанов, ясеней, дубов, диких яблонь и груш и т. д." [6, с. 108].

Раскрытие многообразия и единства растительного мира Аджарии продолжается Флоренским и далее. Особенно впечатлительно описывается "преизбыток" цветоносных растений, их "безмерное благоухание". Все это описывалось в 1923 г. А в труде Вернадского "Биосфера" (1926) отмеченный переизбыток жизни выражается научными понятиями: "растекание жизни", "полнота жизни", "давление жизни", "геохимическая энергия жизни в биосфере". Так независимо друг от друга эти мыслители сходным образом характеризовали природу.

П.А. Флоренский отмечал и то, что его переход к пониманию многообразия и единства природы произошел под влиянием постижения трудов Лапласа и Лайеля, Дарвина и Геккеля. Их воззрения на природу "заняли прочное место в его душе". Более того, "глубоко затаилось в душе восприятие мира как живого и духовного, вся естественная символика природы, все волнения, нравственные и нежные" [6, с. 165]. Эти представления не могла поколебать у него даже церковь. Он признавался, что "догматические понятия церкви остаются на переферии" его сознания и мировоззрения. В то время как "глубокая душевная жизнь руководится материализмом, эволюционизмом и механизмом" [6, с. 165].

Несомненно, что эти методологические установки формировались у него под влиянием естественнонаучных знаний о природе. В этой связи он вынужден был констатировать и то, что в его "душевной жизни образовалась трещина, начало возникать раздвоение, трещина стала шириться и впоследствии привела к большому кризису" [6, с. 165].

На наш взгляд, "раздвоение" и "расширение трещины" в его мировоззрении в значительной степени было связано с восприятием положений труда Вернадского "Биосфера". Изложенная в нем научная концепция биосферы была воспринята и Флоренским. В одном из писем Вернадскому (1929) он писал, что эта концепция в корне изменила его представления о Космосе. Для него стало ясным, что Космос "не ограничивается" границами существующей биосферы. Ее бытие находится в тесной связи с бытием Солнца и другими объектами Космоса. А раскрытое Вернадским место и роль живого в структуре биосферы Флоренский считает "событием огромной важности в истории общественного сознания". Для него "явления жизни" стали "космической категорией" [1, с. 197]. Но оценкой основных идей Вернадского о биосфере Флоренский не ограничивается. Он высказывает и свои оригинальные мысли относительно сущности живого, биосферы и ее эволюции.

Так, им обращается внимание на своеобразие явлений жизни, недопустимости использования метафизического подхода к постижению сущности живого, выводимости явлений жизни из "наивных моделей механики". Биосферная выраженность жизни свидетельствует о коренном отличии живого от неживого. Им обращается внимание на возможность практического использования знаний о строении и организации живого в промышленных технологиях. Он выражал уверенность и в том, что промышленность будущего "станет биопромышленностью", а физика и химия под влиянием биологии "будут перестроены". Данное предвидение русского космиста в наши дни стало реальностью. Биотехнологии становятся факторами научно-технического прогресса многих видов материального производства, а биология вошла в число лидеров современного естествознания. Современные процессы биологизации и экологизации смежных с биологией дисциплин есть реальное подтверждение их "перестройки".

П.А. Флоренским была высказана и оригинальная мысль относительно роли духовного фактора в преобразовнии "вещественных образований" биосферы в качественно новое состояние — пнев-

матосферу. Он полагал возможным признать положение о "существовании в биосфере или, может быть, на биосфере того, что можно было бы назвать пневматосферой, т. е. о существовании особой части вещества, вовлеченной в круговорот культуры или, точнее, круговороит духа" [1, с. 198]. Причем этот "круговорот" несводим к "общему круговороту жизни". Им обращалось внимание и на "особую стойкость вещественных образований" биосферы, "проработанных духом", допускалось наличие таких образований и в Космосе в виде "особой сферы вещества". Аналогом такого вещества он считал "предметы искусства".

В процитированных суждениях Флоренский демонстрирует свое понимание будущего биосферы. Он не принимает положений Вернадского о роли человечества и научного знания в эволюции биосферы в новое состояние, которое в конце 30-х гг. он назвал ноосферой. Флоренский остается приверженцем той позиции, которую он изложил еще в 1917 г. в лекции под названием "Макрокосм и микрокосм". В ней не признается значимость научных истин, так как они "весьма недолговечны... и чрезвычайно субъективны" и могут применяться "лишь в области отдельных областей и ветвей дисциплин". Напротив, "истины и символы религии вне-человечны и вне-историчны, в основе своей вселенски понятны и вселенски же приемлемы, оставаясь устойчивою осью истории..." [3, с. 442].

У Флоренского "символом религии" выступает "дух". Именно он будет "вовлекать" все материальное биосферы, в том числе и живое, в свой "круговорот" и обеспечит становление качественно нового состояния биосферы — пневматосферу. Но это духовное образование. Практически в те же годы подобные мысли высказывал и видный французский ученый и теолог П. Тейяр де Шарден.

В.И. Вернадский не стал комментировать вышеизложенные мысли Флоренского о будущем биосферы. В ответном письме своему адресату Вернадский пригласил его на свой доклад "Изучение явлений жизни и новая физика", с которым он выступит в Московском обществе испытателей природы 16-го октября 1929 г. В письме выражалась и увернность в том, что их совместная беседа позволит "ослабить то противоречие, которое наблюдается между научным представлением о Космосе и философским или религиозным его постижением" [1, с. 199]. Нам неизвестно, имела ли место встреча и беседа этих мыслителей. Но доклад Вернадского был опубликован в виде статьи в 1933 г. Потом он неоднократно переиздавался под первоначальным названием.

В статье не только подтверждаются положения труда "Биосфера" о земном и космическом проявлении жизни: "Живое вещество создается и поддерживается на нашей планете космической энергией Солнца. Оно составляет на ней неразделимую часть земной коры - биосферы, неразрывную часть ее (организованности)" [7, с. 98]. В ней подчеркивается и возрастающая роль человека и его разума в изменении природных процессов, их ускорении: "С появлением на нашей планете одаренного разумом живого существа планета переходит в новую стадию своей истории" [7, с. 99]. Здесь еще не дается название этой "новой стадии". Только в конце 30-х гг. она получает название "ноосферы".

Переписка Вернадского с Флоренским осуществлялась с 1927 по 1935 г. Второй получал от первого его печатные научные работы. Причем все это делалось и тогда, когда Флоренский находился в заключении. Он был и одним из первых мыслителей, который видел глубину постижения земного и космического миров своим университетским профессором, поистине космическую выраженность его научного и философского творчества. В письме к своему сыну Кириллу от 29-го января 1935 г., отправленному из Соловецкого лагеря, он писал: "Постарайся получить от Владимира Ивановича

указания по работам, он единственный у нас ученый, мыслящий глубоко в области круговорота веществ в земной коре, и один из самых глубоких натуралистов нашего времени в мировом масштабе" [1, с. 203].

К.П. Флоренский (1915–1982) с 1935 по 1942 г. являлся сотрудником Биогео-химической лаборатории АН СССР, которой руководил Вернадский. Переписку с ним учитель его отца вел даже тогда, когда Кирилл находился в действующей армии на фронте. К.П. Флоренским была проведена большая работа по изданию рукописных трудов своего отца и Вернадского в 60–70-е гг.

В.И. Вернадского и П.А. Флоренского разделяла солидная разница в возрасте (19 лет), положение в научном сообществе. По-разному они понимали и трактовали будущее биосферы. В основе их творчества были разные философские законы. Но имело место и общность их судьбы в определенные периоды жизни. Так, в годы гражданской войны "Вернадский испытал нечеловеческие трудности, два раза стоял на грани жизни и смерти, большевики вели его на расстрел" [8, с. 74]. А Флоренский в 1933 г. был арестован и в 1937 расстрелян большевиками. Их объединяло и стремление постичь Истину, Добро и Красоту в окружающем их мире, что сближало научные и духовные интересы этих мыслителей. Обосновываемые ими идеи космизма способствовали единению течений русского космизма в целостную концепцию и возвышению этого направления русской мысли. Данному процессу содействовали и творческие усилия именитого представителя естественно-научного направления в русском космизме – Н.Г. Холодного.

"Человечество – носитель космической жизни"

(Н.Г. Холодный)

Н.Г. Холодный (1882–1953) – видный украинский биолог, академик АН УССР, автор антропокосмической идеи

в русском космизме. Эта идея формировалась под благотворным влиянием личности Вернадского, его концепции биосферы и ноосферы. Их взаимоотношения, по свидетельству Вернадского, начались с совместной работы в Киеве по выявлению воздействия микроорганизмов на каолиновые глины (1918) [9, с. 285]. Хотя эта работа по причине военных событий того времени не была завершена, она стала основой их дальнейших совместных исследований. На этом пути значимую роль имело пребывание Вернадского летом 1919 г. на Днепровской биологической станции под Киевом. Здесь в это время вел свои исследования и Холодный. Он ощутил влияние личности Вернадского на все свое последующее творчество.

В работе "Воспоминания и мысли натуралиста" Холодный писал, что "был очень рад возможности познакомиться с этим выдающимся, разносторонне образованным ученым и замечательным человеком. Всех нас поражала его исключительная простота, нетребовательность в отношении бытовых условий и огромная работоспобность..." [10, с. 91].

Особенно импонировали Холодному совместные с Вернадским прогулки по "лесистым окрестностям" биологической станции. Их беседы "на самые разнообразные темы" оставляли след в душе молодого украинского исследователя. В конце своей жизни он констатировал, что его "дружеские отношения" с Вернадским "сохранились на всю дальнейшую жизнь". Действительно, они продолжались до последних дней жизни Вернадского. Их встречи, переписка, обмен научными трудами, оценки развиваемых идей подробно освещены в работе [11]. Мы же отметим лишь формы использования научных достижений, полученных этими учеными, которые способствовали развитию их представлений о биосфере и отношению к ней человека.

Так, выполненные Холодным на Днепровской биостанции исследования по выявлению особенностей размноже-

ния "железных бактерий" были использованы Вернадским в его труде "Биосфера" при характеристике автотрофных органимов и их роли в структуре живого вещества биосферы [9, с. 369]. Более обстоятельно работы Холодного использовались Вернадским при написании труда "Химическое строение биосферы Земли и ее окружения" (1965). В нем отмечается вклад его украинского друга в исследование "почвенной тропосферы", формируемой "почвенными микроорганизмами". "Мне кажется, – писал Вернадский, – что последние работы академика Н.Г. Холодного выдвигают новую огромную область относящихся сюда явлений, до сих пор наукой совсем не затронутых. Новой методикой исследования почвенных организмов Н.Г. Холодный констатировал в них нахождение новых необычных, неизученных, чрезвычайно примитивных форм микроорганизмов..." [12, с. 263]. При этом автор процитированного суждения ссылается на работу Холодного, датированную 1943 г.

На последующих страницах труда Вернадского, на которых обсуждаются газовые функции живого вещества биосферы, отмечается работа Холодного по выявлению роли почвенных микроорганизмов в формировании в почвах "биогенных газов". Эта работа, по за-"требует ключению Вернадского, чрезвычайного внимания" [12, с. 255]. Высоко оценивались Вернадским и философские суждения Холодного относительно характера отношения человека к природе в настоящее и будущее время, опубликованные им в 1944 г. в Ереване в виде небольшой книги. Вернадский в письме к нему от 18-го мая 1944 г. писал, что с интересом читает его книгу "Мысли дарвиниста о природе и человеке" и "ведет переговоры" о ее переиздании. При этом отмечает и то, что обсуждение затронутых автором книги вопросов "является чрезвычайно важным для нас сейчас, в данный исторический момент" [11, c. 129].

Высоко ценил Холодный и научные идеи Вернадского. Особенно это касалось представлений последнего о биосфере как эволюционирующей системе, порождающей новую социальную силу, которая ускоряет ее эволюцию. Вернадский считал, что современный процесс биосферы имеет "особое геологическое значение благодаря тому, что он создает новую геологическую силу — научную мысль социального человечества". А "под влиянием научной мысли и человеческого труда биосфера переходит в новое состояние — в ноосферу" [13, с. 312].

Данное положение Вернадского было принято и Холодным. Он был одним из первых исследователей, высоко оценившим статью Вернадского "Несколько слов о ноосфере" (1944). Сделано это было в труде "Мысли натуралиста о природе и человеке", опубликованном в 1947 г. В нем сформулирована и собственная антропокосмическая идея. В чем ее сущность и как в ней рассматриваются отношения человека с природой?

Следует отметить, что данная идея явилась результатом осмысления Холодным развития научного знания и оценки сложившейся практики отношения человека к природе, его места в ней. Итогом его размышлений по этим проблемам стал вывод, что сформировавшийся с периода Нового времени в философии и естествознании антропоцентризм изживает себя. На смену ему должна прийти новая идея - антропокосмизм. Они различны и несовместимы. "Разница между антропоцентризмом и антропокосмизмом выражается в том, – писал Холодный, – что первый сосредотачивает главные усилия ума и концентрирует почти все внимание на человеке как центральной фигуре мироздания, оставляя в тени то, что его окружает, тогда как второй, наоборот, стремится более или менее равномерно осветить светом сознания весь космос, и сам человек при этом освещается... "отраженными лучами", поскольку его природа и его судьбы находят себе правильное

объяснение только в свете знаний о космосе в целом" [10, с. 182–183].

Антропоцентризм, по заключению Холодного, изолирует человека от его природного окружения. В силу этого человек теряет "ошущение органической связи с природой". Для него все более характерным становится "хищническое" и "безответственное" отношение к природе и ее ресурсам. Примером последних он называет сложившийся характер потребления лесов в США. Здесь, по его заключению, осуществлено "сплошное уничтожение лесов", но посадка новых не производится. Следствием этого становится эрозия почв, пыльные бури и т. д.

Качественно иное отношение человека к природе обосновывается в антропокосмизме. Центральное место в нем занимают положения о "бережном" отношении человека к окружающей его природе, ответственности за все, что находится в природе, поддержке всех тех мероприятий, "которые клонятся к переустройству природы на разумных началах, к торжеству и благополучию человека как главного носителя прогрессивных тенденций космической жизни на нашей планете" [10, с. 179]. В рамках этого мировоззрения обращается внимание и на формирование у человека "космического и эстетического чувств" к природе и космосу, основывающихся на интеллектуальном "восприятии космоса".

В становлении и утверждении такого восприятия Холодный отводил большую роль научному знанию. Оно же способствует и рассмотрению "эстетического чувства" человека. "Любой натуралист, если он не лишен от природы эстетического чувства, — писал он, — может подтвердить, что чем глубже наши знания о природе, чем больше деталей открывает научный анализ в том или ином явлении природы, чем богаче и красочнее раскрывающаяся перед исследователем картина, тем сильнее становятся вызываемые ею эстетические переживания. Прекрасен зеленый лист растения, пронизанный лу-

чами солнца, но еще более прекрасным представляется он нашему воображению, если мы знаем его микроскопическое строение и знакомы с чудесным механизмом химических и физиологических процессов, совершающихся в клетках и тканях" [10, с. 153] этого листа.

Принципиальной стороной антропокосмической идеи Холодного было и то, что она формулировалась на основе учета положений материалистической диалектики. Именно ее принцип всеобщей связи и принцип развития явились философским основанием этой идеи. Со всей категоричностью он утверждал, что "антропокосмизм как миропонимание, опирающееся на новейшие достижения естествознания, не может быть отделен от диалектического материализма" [10, с. 195]. Им выражалась и уверенность в том, что эта философия в "сочетании" с антропокосмическими идеями станет программой и руководством к действию в "борьбе за правильную линию развития человеческого общества". Осуществление такой "линии развития" будет способствовать единению человека с космосом, утверждению его "космического чувства".

Отмеченными аспектами данное чувство не ограничивается. По Холодному, "космическое чувство должно включать в себя и чувство единения со всем человечеством как важнейшим носителем космической жизни на нашей планете" [10, с. 198]. А "единению" людей будет способствовать их "горячая вера в светлое будущее человечества, в его способности преодолевать" встающие на этом пути трудности. Все это он считал "неотъемлемыми" сторонами "космического чувства".

Размышления Холодного о сущности антропокосмической идеи завершаются выводом, что она есть "определенная линия развития человеческого интеллекта, воли и чувства, ведущая человека наиболее прямым, а стало быть, и кратчайшим путем к достижению вы-

соких целей, которые поставлены на его пути всей предшествующей историей человечества" [10, с. 195]. Осуществление данной "линии развития" связывалось им с познанием каждым человеком своей связи с природой, "со всем мирозданием, с космосом", формированием и развитием любви к природе и бережным отношением к ней. Он стремился обосновать концепцию антропокосмизма в ее связи с диалектико-материалистической философией, естественно-научной, экономической, политической и психологической точками зрения. Такого подхода не хватает многим современным исследователям экологических проблем. В этом плане его концепция антропокосмизма может быть примером того, как следует постигать и решать такие проблемы, творчески развивать и обогащать идеи Вернадского.

Личная дружба и совместные усилия этих ученых по выявлению разумных форм отношений человека с природой позволили получить результаты, которые и в наши дни не потеряли своей значимости. Они становятся теоретической основой новых научных разработок экологических проблем и практических действий людей в сфере их отношений с природой.

Под воздействием трудов Вернадского "Биосфера" и "Очерки геохимии", личного общения с ним происходило уточнение и конкретизация космических представлений у всемирно известного ученого, поэта, музыканта и художника А.Л. Чижевского (1897-1964). В нашей работе [14] подробно раскрывается содержание космической лирики, естественно-научных и философских сторон его космизма. Отмечается и его вклад в обоснование новых научных направлений: гелиобиологии, космической микробиологии, космической эпидемиологии и других областей знания, имеющих отношение к развитию космонавтики, здравоохранения, охраны природы и т. д.

"Космическое наследие" Вернадского в художественной литературе и современном научном знании

Антропокосмические представления Вернадского нашли свое отражение и в советской художественной литературе второй половины XX в. Особенно выразительно космизм представлен в творчестве ученого-биолога и писателя-фантаста И.А. Ефремова (1907-1972). В его научных и художественных произведениях освещались проблемы палеонтологии и геологии, освоения космического пространства, состояния природы Земли, места и роли человека в ее бытии и т. д. В решении отмеченных проблем он опирался на работы и научные положения известных русских ученых и мыслителей (А.А. Борисяка, В.И. Вернадского, В.А. Обручева, П.П. Сушкина, К.Э. Циолковского и др.). О их роли в становлении его как ученого-естествоиспытателя Ефремов пишет во многих своих работах. Он был и известным писателем-фантастом. Его вклад в развитие русской советской и мировой фантастической литературы отмечался еще при жизни писателя. Ефремова следует считать и представителем русского космизма. Причем как естественно-научного, так и литературно-художественных течений. В творчестве этого ученого и писателя данные течения представлены в своем единстве и взаимосвязи.

Свидетельством сказанному могут быть суждения Ефремова, высказанные им в предисловии к приключенческому роману "Лезвие бритвы" (1963). Он называет свой роман "экспериментальным". В нем автор, "отступив от прежних канонов художественной литературы, нагрузил повествование множеством познавательного, научного материала, значительную часть которого пришлось, естественно, дать в форме лекционных монологов". В данном романе такие "монологи" чаще всего произносятся ученым-врачом Иваном Гириным. В настоящей работе обратим внимание на вы-

ступление Гирина перед профессорами Индии. В нем были произнесены слова признательности Вернадскому за научное обоснование важности созидания ноосферного состояния природы и человечества как направления развития современной цивилизации. Гирин говорил: "Самый великий ученый нашего века и один из величайших во все времена, его соотечественник Вернадский ввел понятие ноосферы – суммы коллективных достижений человечества в духовной области, мысли и искусства. Она обнимает всех людей океаном, формирующим все представления о мире, и надо ли говорить, как важно, чтобы воды этого океана оставались чистыми и прозрачными". Хотя такое определение ноосферы не соответствует ее пониманию Вернадским, но в дальнейших суждениях Гирина подчеркивалась важность объединения усилий всего человечества на созидание ноосферы, что "пойдет на пользу всему миру". При этом он обращал внимание своих индийских коллег на важность использования достижений науки при решении задач охраны природы, освоения Космоса и повышения благосостояния всего человечества.

Тема Космоса, возможностей его исследования и использования человеком проходит красной нитью через содержание романа "Туманность Андромеды" (1957). Благодаря использованию достижений научного знания своего времени, приверженности биосферным и ноосферным представлениям Вернадского, "космической философии" К.Э. Циолковского (1857–1935) и сильно развитому художественному воображению Ефремовым представлены в этом романе картины природы многих планет и объектов космоса, дается серьезное обоснование необходимости его познания и освоения человеком. Отмеченные стороны его творчества и космических воззрений более подробно освещались автором в работе [15, с. 34-42].

Основательно космизм Вернадского был воспринят и отражен в художествен-

ных и публицистических произведениях кандидата технических наук, доцента и именитого писателя С.П. Залыгина (1913-2000). Здесь будет достаточно назвать только его автобиографическое произведение "Экологический роман" (1993). В нем автор демонстрирует не только свою приверженность биосферным и ноосферным идеям Вернадского, но и собственное понимание Космоса, природы, биосферы и ноосферы. Например, для него ноосфера - "такое состояние биосферы, при котором разумная деятельность человека становится решающим фактором ее, биосферы, развития" [16, с. 76]. Данное определение соответствует тем представлениям о ноосфере, которое развивал Вернадский. Залыгин подчеркивает и тот факт, что его собственное "приближение" к ноосферным идеям было обусловлено его причастностью к "чистой науке". Именно "оттуда", "от науки", он пришел к осознанию значимости ноосферных идей великого русского космиста. Но им подчеркивается и тот факт, что и ему, писателю Залыгину, "необходим Вернадский". Особенно при осуществлении природоохранной деятельности.

Одновременное развитие космических идей Залыгиным-ученым и Залыгиным-писателем привело к слиянию в его творчестве и двух течений русского космизма: естественно-научного и литературно-художественного. Они, как и у Вернадского, воплотились в его идее биосферы и ноосферы. Особое место в творчестве Залыгина и его практической деятельности занимали вопросы охраны природы, недопустимости "наводить новый порядок в космосе" [16, с. 76]. Отмеченные и другие стороны творчества этого писателя, ученого и общественного деятеля отражены в нашей работе [15, c. 42-49].

К плеяде представителей русского космизма нами относится и выдающийся писатель Л.М. Леонов (1899–1994). В его художественных произведениях "Дорога на океан" (1935), "Русский лес" (1953),

"Пирамида" (1994) и других проблемы Космоса, природы, отношения к ним человека рисовались как глобальные для всего человечества. Причем его суждения по их содержанию были весьма близки космическим идеям и помыслам К.Э. Циолковского. Но в наибольшей степени они были созвучны мысли Вернадского о биосфере и ноосфере. Обстоятельно космизм Леонова освещался в работе [15, с. 157–181].

Биосферные и ноосферные идеи Вернадского разделяли и творчески развивали видные советские естествоиспытатели - Н.Н. Моисеев, В.Н. Сукачев, Н.В. Тимофеев-Ресовский, А.Л. Яншин и др. Хотя в современной отечественной литературе они не причисляются к представителям русского космизма, но обоснование ими новых научных направлений (биогеоценологии (В.Н. Сукачев), биосферологии (Н.Н. Моисеев), идеи коэволюции человечества и биосферы (Н.В. Тимофеев-Ресовский) и т. д.) способствовало дальнейшему обогащению и расширению проблематики этого течения русской мысли. Нельзя не отметить их вклад в решение задач охраны биосферы, становления экологического образования в стране и других проблем.

Космические идеи Вернадского осваивались учеными и наукой ведущих стран мира. Так, известно, что после первого издания его книги "Биосфера" в 1926 г. в СССР она была переиздана в 1929 г. во Франции, в 1930 г. - в Германии. В 1945 г. в одном из ведущих журналов США была опубликована работа Вернадского "Бисфера и ноосфера". Интерес к его идеям проявили эколог Л. Линдеман, ботаник Дж. Хатчинсон, современный эколог Ю. Одум и другие американские ученые. В их работах дается высокая оценка биосферным и ноосферным идеям русского ученого и мыслителя. Подробное и конкретное освещение этих оценок отмеченными и другими современными западными учеными приводится в работе [17, с. 181-192]. В ней подчеркивается и

то, что теоретические положения учения Вернадского о биосфере и ноосфере стали основой ряда программ устойчивого развития: "Повестка дня на XXI век" (Международная конференция ООН по окружающей среде и развитию, Рио-де-Жанейро, (1992); "Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию" (1996).

Нельзя не привести и той оценки труда Вернадского "Биосфера", которую дают активные сторонники международного экологического движения Н. Полунин (Великобритания) и Ж. Гриневальд (Швейцария). «Эта монография, - пишут они, - является важнейшей вехой интеллектуальной истории и понимания глобальных систем. Здесь Вернадский пришел к новому уровню постижения проблемы и размеру восприятия, рассматривая Землю как "живую планету" солнечной системы и представляя концепцию биосферы как "научную революцию"» [18 с. 123]. Эту "революцию" они называют "вернадскианской революцией", которую необходимо, по их мнению, "серьезно осмыслить", а ее положения использовать в природоохранной деятельности и программах по сохранению существующей биосферы. Необходимость ее охраны эти ученые связывают с тем, что биосфера является "единственной средой" жизни человека и человечества. Но она же является и "живой планетой" солнечной системы, частью Космоса.

Космическую выраженность бытия биосферы и всего живого на Земле подчеркивает и современный английский генетик Адам Резерфорд. "Важно помнить, – пишет он, – что мы ведь, собственно, находимся в космосе, сформированы космосом, являемся частью Солнечной системы, которая нас, по сути, и породила. Игнорировать это означало бы отрицать тот факт, что наше существование определяется тем космическим пространством, где находится Земля" [19, с. 131]. Автор цитируемого положения практически повторяет аналогичные суждения

русского космиста. В "духе Вернадского" им формулируется и стратегия коэволюции человека и природы: "Нам следует всеми силами стремиться разрабатывать технологии, которые не входят в противоречие с природой, не подрывают ее основы, не эксплуатируют ее, а работают бок о бок с нашим чрезвычайно сложным живым миром, с его историей, насчитывающей четыре миллиарда лет эволюции" [19, с. 276]. С выводами Резерфорда нельзя не согласиться.

Все отмеченное в настоящей работе позволяет сделать вывод, что Вернадский, восприняв разумные положения предшественников-космистов, своих дальше развил и обогатил данное течение русской мысли. Его космические идеи оказали существенное влияние на содержание космической идеи современников и последующих отечественных и зарубежных ученых и многих представителей художественной литературы. Благодаря ему русский космизм предстает как совокупность взаимосвязанных философских, литературно-художественных и естественно-научных представлений о зависимости бытия всего живого биосферы Земли, в том числе и человека, от Космоса, разумном отношении людей к своему природному окружению и осознании необходимости его сохранения. Исследование содержания русского космизма, его современного состояния и перспектив дальнейшего развития и обогащения должно стать предметом исследований философов и методологов науки. При этом важно, чтобы полученные результаты постижения данной проблемы нашли свое отражение не только в научной литературе, но и учебной, были включены в учебный процесс со студентами, магистрантами и аспирантами.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Переписка В. И. Вернадского и П. А. Флоренского // Новый мир. – 1989. – № 2. – С. 194–203.

- 2. **Флоренский, П. А.** Столп и утверждение истины / П. А. Флоренский. Москва : Правда, 1990. Т. 1. 490 с.
- 3. **Флоренский, П. А.** Сочинения: в 4 т./ П. А. Флоренский. Москва: Мысль, 1991. Т. 3. 621 с.
- Карако, П. С. Природа и нравственность / П. С. Карако. Минск: Экоперспектива, 2013. 244 с.
- Флоренский, П. А. Собрание сочинений. Философия культа (Опыт православной антроподиции) / П. А. Флоренский. Москва: Мысль, 2004. 685 с.
- Флоренский, П. Детям моим. Воспоминания. Из Соловецких писем. Завещание / П. А. Флоренский. – Москва: Моск. рабочий, 1992. – 560 с.
- 7. **Вернадский, В. И.** Труды по философии естествознания / В. И. Вернадский. Москва: Наука, 2000. 504 с.
- Назаров, А. Г. Космизм в идее ноосферы В. И. Вернадского / А. Г. Назаров //
  Вестник Международной Академии наук (Русская секция). 2008. № 1. –
  С. 73–76.
- Вернадский, В. И. Живое вещество и биосфера / В. И. Вернадский. – Москва: Наука, 1994. – 672 с.
- Холодный, Н. Г. Избранные труды / Н. Г. Холодный. – Киев : Навукова думка, 1982. – 444 с.
- 11. В. И. Вернадский. Жизнь и деятельность на Украине / К. М. Сытник [и др.]. Киев : Навукова думка, 1988. 368 с.
- 12. *Вернадский, В. И.* Химическое строение биосферы Земли и ее окружения / В. И. Вернадский. Москва: Наука, 2001. 376 с.
- Вернадский, В. И. О науке / В. И. Вернадский. Дубна : Феникс, 1997. Т. 1. 576 с.
- 14. Карако, П. С. "Космическая философия" А. Л. Чижевского: сущность и место в системе русского космизма / П. С. Карако // Журн. Белор. гос. унта. Философия. Психология. 2018. № 2. С. 40–50.
- Карако, П. С. Природа в художественной литературе / П. С. Карако. – Минск: Экоперспектива, 2009. – 304 с.
- Залыгин, С. П. Экологический роман / С. П. Залыгин // Новый мир. – 1993. – № 12. – С. 3–106.

- Карако, П. С. Философия и методология науки: В. И. Вернадский: Учение о биосфере и ноосфере / П. С. Карако. Минск: Экоперспектива, 2008. 304 с.
- 18. *Полунин, Н.* Биосфера и Вернадский / Н. Полунин, И. Гриневальд // Вестник РАН. – 1993. – № 2. – С. 122–126.
- Резерфорд, А. Биография жизни. От первой клетки до генной инженерии / А. Резерфорд. – Москва: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2016. – 312 с.

Поступила в редакцию 28.12.2017 г. Контакты: kafedra628@gmail.com (Карако Петр Семенович)

Karako P. V.I. VERNADSKY AND OTHER RUSSIAN COSMISTS: SPIRITUAL SEARCHES AND THEIR REALIZATION.

The article describes the forms of influence of V.I. Vernadsky's biospheric and noospheric ideas on the formation and development of cosmism in the creative search of P.A. Florensky,

N.G. Kholodnyi, A.L. Chizhevsky. Special attention is paid to the role of Vernadsky's personal qualities in the involvement of the mentioned scientists in the research of biosphere, its evolution and shaping their cosmic views. The influence of the eminent Russian cosmist on the prominent writers (I.A. Efremov, S.P. Zalygin, L.M. Leonov) and the reflection of the ideas of cosmism in fiction are noted. This influence is also evident in the ideas put forward by a number of Russian and foreign scientists substantiating modern strategies of human relations to nature and the cosmos. The author provides the definition of Russian cosmism as a holistic doctrine about the dependence of the existence of all living things on the cosmos and human reasonable attitude to natural environment and awareness of the need for its preservation

Keywords: nature, biosphere, noosphere, cosmos, microcosm, macrocosm, anthropocentrism, anthropocosmism, cosmic feelings, Russian cosmism.

УДК 1(476)(091) + 2(476)

ОСОБЕННОСТИ РЕГИОНАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ И ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ БЕЛОРУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ВОСТОЧНОЙ БЕЛАРУСИ В 2000-х гг.

В. В. Старостенко

кандидат философских наук, профессор кафедры философии Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

Статья посвящена исследованию особенностей структурирования Белорусской православной церкви в современной восточной Беларуси в период 2000—2017-х гг. в контексте регионального и республиканского конфессионального пространства. На основе широкого статистического материала показана динамика регионального развития конфессии.

Ключевые слова: религия, конфессия, православие, Белорусская православная церковь, восточная Беларусь, епархия, община, епископ.

Введение

Православие - наиболее распространенная и влиятельная конфессия на территории Беларуси, включая ее восточный регион (Витебская, Гомельская и Могилевская области). Его институированными формами являются Белорусская православная церковь (БПЦ) и Старообрядческая (Древлеправославная) церковь. Иные формы православных юрисдикций представляют собой немногочисленные группы верующих т. н. "альтернативного православия" (Истинно-православная, или катакомбная; Русская православная церковь заграницей; Белорусская автокефальная православная церковь; "грекоправославное" направление), не имеющие официально признанного статуса религиозных организаций. БПЦ рассматривается в Республике Беларусь в качестве ведущей и "традиционной" конфессии, что

© Старостенко В. В., 2019

получило отражение в преамбуле Закона 2002 г. "О свободе совести и религиозных организациях", которая декларирует "определяющую" роль Православной церкви "в историческом становлении и развитии духовных, культурных и государственных традиций белорусского народа".

Современная структура БПЦ была заложена на рубеже 1980—1990-х гг., когда на основе реорганизации единой Минской (Белорусской) епархии БССР в 1989 г. был образован Белорусский Экзархат Московского Патриархата (другое официальное название — БПЦ).

Основная часть

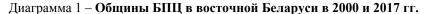
На территории восточной Беларуси в настоящее время действуют шесть епархий БПЦ, формирование которых происходило в государственно-конфессиональном пространстве БССР и Республики Беларусь в 1989-2004 гг. Первоначально в состав Белорусского Экзархата в 1989 г. вошли Полоцкая (глава епархии с 1997 г. – архиепископ Полоцкий и Глубокский Феодосий) и Могилевская (глава епархии с 2002 г. - архиепископ Могилевский и Мстиславский Софроний) епископии, в 1990 г. была восстановлена Гомельская (глава епархии с 2004 г. – архиепископ Гомельский и Жлобинский Стефан), в 1992 г. учреждены Туровская (глава епархии с 2012 г. – епископ Туровский и Мозырский Леонил) и Витебская (глава епархии с 1992 г. - архиепископ Витебский и Оршанский Димитрий) епархии, а в 2004 г. образована Бобруйская кафедра(глава епархии с 2007 г. - епископ Бобруйский и Быховский Серафим) [1, с. 8; 2, с. 45]. Епархиальное деление БПЦ в восточной Беларуси соответствует административным границам Республики Беларусь: на территории Витебской области действуют Полоцкая и Витебская епархии, на территории Могилевской Могилевская и Бобруйская, на территории Гомельской - Гомельская и Туровская епархии. Витебская епархия охватывает 11 административных районов Витебской области: Витебский. Бешенковичский, Городокский, Дубровенский, Лепельский, Лиозненский, Оршанский, Сенненский, Толочинский, Чашникский, Шумилинский. Полоцкая включает территории 10 районов: Браславского, Верхнедвинского, Глубокского, Докшицкого, Миорского, Полоцкого, Поставского, Россонского, Ушачского и Шарковщинского. Могилёвская епархия распространяется на 15 районов Могилёвской области: Белыничский, Горецкий, Дрибинский, Климовичский, Краснопольский, Кричевский, Круглянский, Костюковичский, Могилёвский, Мстиславский, Славгородский, Хотимский, Чаусский, Чериковский, Шкловский. Бобруйская на 6 районов: Бобруйский, Быховский, Глусский, Кировский, Кличевский и Осиповичский. Гомельская епархия объединяет приходы на территории 11 районов: Буда-Кошелевского, Ветковского, Гомельского, Добрушского, Жлобинского, Кормянского, Лоевского, Речицкого, Рогачёвского, Светлогорского, Чечерского, а Туровская включает остальные 10 районов Гомельской области: Брагинский, Ельский, Житковичский, Калинковичский, Лельчицкий, Мозырский, Наровлянский, Октябрьский, Петриковский и Хойницкий.

Заметим, что БПЦ - одно из двух религиозных объединений страны (наряду с пятидесятниками - Христианами веры евангельской), общины которых представлены во всех районах республики. Кроме того, только в трех районах восточной Беларуси БПЦ уступает по количеству религиозных общин другим конфессиям: в Белыничском районе Могилевской области при четырех общинах БПЦ действуют пять общин баптизма – Евангельских христиан-баптистов; в Браславском районе Витебской области имеют регистрацию 16 общин Римско-католической церкви (РКЦ) при 8 общинах БПЦ, а в Поставском районе Витебщины – 10 общин РКЦ и 7 общин БПЦ.

БПЦ занимает наиболее прочные позиции как в республике в целом, так и в ее восточном регионе по численности религиозных общин [3, с. 172; 4, с. 91; 5, с. 65-67]. Доля общин Церкви в общем объеме религиозных общин всех конфессий в регионе достигла в 2010 г. 50%, в 2017 г. составляла 52,6%, что несколько выше, чем в республике в целом (50%). Организационному строительству БПЦ в 2000-х гг. в условиях преферентной политики государства свойственна наиболее устойчивая, по сравнению с другими конфессиями, положительная динамика развития [6, с. 175] Если в 2000 г. насчитывалось 384 церковных прихода, в $2008 \ \Gamma. - 542$, то в $2017 \ \Gamma. - 660$. Наибольшее число общин действует в Витебской (284), менее всего их (136) в Могилевской области. Причем на Могилевщине в 2000-х гг. произошел наиболее ощутимый (примерно в два раза) рост численности общин - с 69 до 136. Тем не менее это не помешало ей остаться единственной областью восточной Беларуси, где доля общин БПЦ в общем объеме религиозных общин всех конфессий составляет менее 50%. Напротив, наиболее высока представленность Церкви на Гомельщине (57,3%) [таблица 1; диаграмма 1].

2000 г. 2008 г. 2017 г. соличество общин всех конфессий оличество общин всех конфессий соличество общин всех конфессий оля общин БПЦ от количества Іоля общин БПЦ от количества общин БПЦ от количества Цоля от числа общин БПЦ в зосточной Беларуси, % Цоля от числа общин БПЦ зосточной Беларуси, % Цоля от числа общин БПЦ % исленности общин БПЦ, исленности общин БПЦ, Доля от республиканской численности общин БПЦ, Цоля от республиканской Цоля от республиканской соличество общин БПЦ оличество общин БПЦ Регион оличество общин БПГ общин всех конфессий, бщин всех конфессий, осточной Беларуси, JOJIN (Витебская 166 363 45,7 43,2 498 49.2 17,1 284 546 52.0 43,0 17,0 14,6 245 45,2 область Гомельская 149 288 51,7 38,8 190 354 35,1 240 419 57,3 36,4 13,1 53,7 13,3 14,4 область Могилев-69 170 40,6 18,0 107 245 19,8 289 47.1 20,6 6,1 43,7 7,5 136 8,1 ская област Восточная

Таблица 1 — Общины БПЦ в восточной Беларуси в 2000, 2008, 2017 гг. ^{1}

542 1097

1431 3003

49,4

47,7

X

X

37,9

X

660 1254

1670 3337

52,6

50,0

X

X

39,5

X

384 821

1139 2516

Беларусь Республика

Беларусь

46,8

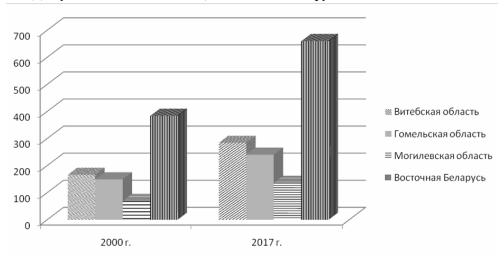
45,3

X

X

33,7

X

Наряду с относительным преобладанием БПЦ в конфессиональном пространстве восточного региона, и даже ростом удельного веса ее общин (с 46,8% до 52,6%) в 2000–2017 гг., в республиканском конфессиональном пространстве сохраняется "отставание" региона от западной Беларуси. В западном регионе (Гродненской, Брест-

¹ Данные по религиозной статистике приводятся по состоянию на 1 января соответствующего года.

ской и Минской областях) действует 60,5% от общереспубликанского количества общин БПЦ. Тем самым широко распространенный стереотип о "православной Восточной Беларуси" как антитезе "католической Западной Беларуси" не имеет надлежащих оснований [7, с. 177]. Если по отношению ко всем зарегистрированным в стране общинам БПЦ их численность в Витебской, Могилевской и Гомельской областях составляет около 17%, 14% и 8% соответственно, то в

Брестской – около 23%, в Гродненской – около 12%, а в Минской – около 25%.

Общей для конфессионального пространства современной Беларуси является ситуация снижения темпов ежегодного прироста количества религиозных организаций [7, с. 176], что характерно и для восточной Беларуси, в том числе для БПЦ [8, с. 332]. Во втором десятилетии 2000-х гг. тенденция снижения положительной динамики роста усиливается [таблица 2; таблица 3; диаграмма 2].

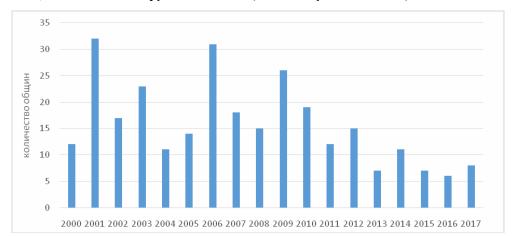
Таблица 2 — Общины БПЦ в восточной Беларуси в 2000-е гг. (на 1 января 2000–2017 гг.)

	Количество общин																	
Регион	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Витебская область	166	170	192	205	216	224	228	240	245	251	261	272	272	276	277	280	282	284
Гомельская область	149	154	157	157	161	162	167	181	190	197	205	210	215	224	230	235	240	240
Могилевская область	69	72	79	83	91	93	98	103	107	109	117	120	127	129	129	132	132	136
Восточная Беларусь	384	396	428	445	468	479	493	524	542	557	583	602	614	629	636	647	654	660
По республике	6811	1172	1224	1265	1290	1315	1349	1399	1431	1473	1509	1545	1567	1594	1615	1643	1659	1670

в восточнои беларуси в 2000-х гг. (в течение указанных лет)																		
Годы	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Количество общин	12	32	17	23	11	14	31	18	15	26	19	12	15	7	11	7	6	8

Таблица 3 – Количество регистрируемых по годам религиозных общин БПЦ в восточной Беларуси в 2000-х гг. (в течение указанных лет)

Диаграмма 2 — Количество регистрируемых по годам религиозных общин БПЦ в восточной Беларуси в 2000-х гг. (в течение указанных лет)

Так, если за первую половину (2000–2008 гг.) рассматриваемого периода было создано 173 общины, то в 2009–2017 гг. – лишь 111, за сопоставимые пятилетние периоды 2000–2004 гг. и 2013–2017 гг. – 95 и 39 общин, за сопоставимые трехлетние периоды 2000–2002 гг. и 2015–2017 гг. – 61 и 21 община соответственно.

Наряду с религиозными общинами как базовыми элементами структурирования конфессии, в епархиях БПЦ восточной функционируют Беларуси координирующие деятельность общин определенной территории 60 благочиннических округов. Они возглавляются наиболее авторитетными священниками благочинными, назначаемыми главами епархий, и исполняют обязанности помощника епископа на территории округа. На территории Витебской области 31 благочиние, Гомельской – 18, Могилевской – 11 церковных округов. Наибольшее их число (21) в Витебской, наименьшее (5) – в Бобруйской епархии [9].

В 2000-х гг. заметно – с 337 в 2000 г. до 561 в 2017 г. – возросло количество используемых культовых зданий: до 226 в Витебской, 210 - в Гомельской, 125 в Могилевской области. Действовали 19 (из 35 в республике в целом) монастырей (5 мужских и 14 женских), древнейшие из них – Полоцкий Спасо-Евфросиниевский (1128), Кутеинский Свято-Богоявленский (1620), Могилевский Свято-Никольский (1636). Наибольшее число монастырей в Витебской (6), Гомельской (4) и Полоцкой (3) епархиях. Среди восстанавливаемых - Свято-Успенский мужской монастырь в д. Пустынки Мстиславского района Могилевской области, основанный предположительно в конце XIV в.

В структурах БПЦ восточной Беларуси было занято 615 священнослужителей (282 — в Гомельской, 218 — в Витебской, 115 — в Могилевской области). Подготовка служителей культа осуществлялась в трех религиозных образовательных учреждениях. В Витебской духовной семи-

нарии, Витебском женском училище и Оршанском духовном училище готовят священнослужителей, богословов, педагогов, других церковных работников (специалистов церковного пения - чтецов, уставщиков, певцов, псаломщиков и регентов), а также иконописцев, миссионеров для служения на приходах, в епархиальных и синодальных учреждениях, духовных учебных заведениях. Ежегодно предоставляется государственная финансовая поддержка наиболее значимым духовным учебным заведениям БПЦ. Так, в 2019 г. Витебской духовной семинарии на оплату труда преподавателей и работников, обеспечивающих образовательный процесс, выплаты стипендий выделено 216,9 тыс. рублей [10].

При церковных приходах и епархиальных управлениях БПЦ функционируют воскресные школы, братства и сестричества. Ведется активная издательская деятельность, публикуются газеты, среди которых «Ведомости» епархий, издаются церковные календари и другая религиозная литература. При взаимодействии с государственными учебными учреждениями проводятся научно-богословские чтения и конференции.

Государственная политика в конфессиональной сфере направлена на развитие взаимодействия с "традиционными" конфессиями, в первую очередь с БПЦ. Значительному повышению Церкви способствовало "Соглашение о сотрудничестве", подписанное в 2003 г. между БПЦ и Республикой Беларусь. Государство оказывает Церкви значительную финансовую помощь в реставрации и восстановлении культовых зданий, являющихся памятниками истории и культуры, способствует реализации проектов нового культового строительства, удовлетворению других разнообразных потребностей церкви.

Заключение

Современная, представленная шестью епархиями структура БПЦ в реги-

оне восточной Беларуси формируется в государственно-конфессиональных пределах БССР и Республики Беларусь в 1989–2004 гг., епархиальное деление соответствует внутренним административным границам республики.

Церковь не является абсолютно доминирующей конфессией, но по количеству общин преобладает во всех областих региона, кроме Могилевской области. Религиозные общины действуют во всех районах восточной Беларуси, лишь в трех из них уступая по численности другим конфессиям. Наибольшее количество общин имеется в Витебской, наименьшее – в Могилевской (как и в республике в целом) области; в процентном отношении наиболее высока областная представленность БПЦ на Гомельщине.

По сравнению с другими конфессиями, в 2000-х гг. БПЦ сохранила в регионе наиболее заметный рост численности церковных приходов, а также региональный рост удельного веса своих общин, доля общин Церкви в общем объеме религиозных общин всех конфессий достигла в 2010 г. 50%. В то же время сохраняется значительное "отставание" доли общин БПЦ восточнобелорусского региона от доли западной Беларуси в общереспубликанском измерении. Характерно для БПЦ восточной Беларуси и снижение темпов ежегодного прироста количества религиозных организаций, причем эта тенденция снижения положительной динамики роста усилилась во втором десятилетии 2000-х гг., что выступает одним из свидетельств стабилизации конфессиональной ситуации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1. Православная церковь в белорусском обществе в конце XX начале XXI в.: монография / О. В. Дьяченко [и др.]; под ред. О. В. Дьяченко. Могилев: МГУ имени А. А. Кулешова, 2012. 224 с.: ил.
- 2. *Старостенко*, *В. В.* Православие и римо-католицизм: структурирование

- в современной Беларуси / В. В. Старостенко // Итоги научных исследований ученых МГУ имени А. А. Кулешова 2017 г.: материалы научно-методической конференции, 25 января 8 февраля 2018 г. / под ред. Е. К. Сычовой. Могилев: МГУ имени А. А. Кулешова, 2018. С. 45—46.
- 3. Старостенко, В. В. К вопросу о специфике конфессиональной структуры Могилевской области в контексте религиозной жизни Беларуси (2000-е гг.) / В. В. Старостенко // Религия и общество 11: сборник научных статей / под общ. ред. В. В. Старостенко, О. В. Дьяченко. Могилев: МГУ имени А. А. Кулешова, 2017. С. 172–174.
- Старостенко, В. В. Специфика конфессионального пространства восточного региона Республики Беларусь / В. В. Старостенко // Романовские чтения 13: сборник статей Международной научной конференции, посвященной 105-летию МГУ имени А. А. Кулешова, Могилев, 25–26 октября 2018 г. / под общ. ред. А. С. Мельниковой. Могилев: МГУ имени А. А. Кулешова, 2019. С. 90–91.
- 5. Старостенко, В. В. Специфика конфессиональной структуры Гомельской области в контексте религиозной жизни Республики Беларусь / В. В. Старостенко // Итоги научных исследований ученых МГУ имени А. А. Кулешова 2016 г.: материалы научно-методической конференции, 25 января 1 февраля 2017 г. / под ред. Е. К. Сычовой. Могилев: МГУ имени А. А. Кулешова, 2017. С. 65—67.
- 6. Старостенко, В. В. Специфика конфессиональной структуры Витебской области в контексте религиозной жизни Республики Беларусь / В. В. Старостенко // Романовские чтения 12: сборник статей Международной научной конференции / под общ. ред. А. С. Мельниковой. Могилев: МГУ имени А. А. Кулешова, 2017. С. 175—176.
- 7. *Старостенко, В. В.* О тенденциях конфессиональных процессов 2000-х гг. в восточном регионе Ре-

- спублики Беларусь / В. В. Старостенко // Раманаўскія чытанні XI : сборнік артыкулаў Міжнароднай навуковай канферэнцыі; Магілёў, 26—27 лістапада 2015 г. Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2016. С. 176—177.
- Духовно-нравственные ценности в формировании современного человека / О. А. Павловская [и др.]; под ред. О. А. Павловской; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т философии. – Минск: Беларус. навука, 2011. – 451 с.
- 9. Белорусский Экзархат // Официальный портал Белорусской православной Церкви [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.church.by/belorusskiy-ekzarhat/. Дата доступа: 29.01.2019.
- 10. Государство выделит Вг905 тыс. учебным заведениям БПЦ на выплату зарплат и стипендий // Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/rasporjazhenie-opredostavlenii-gospodderzhki-duxovnymuchebnym-zavedenijam-belorusskoj-pravoslavnoj-tserkvi-20383/. Дата доступа: 29.01.2019.

Поступила в редакцию 22.05.2019 г. Контакты: vstarostenko@mail.ru (Старостенко Виктор Владимирович)

Starostenko V. REGIONAL STRUCTURE AND DYNAMICS OF THE BELARUSIAN ORTHODOX CHURCH DEVELOPMENT IN EASTERN BELARUS IN THE 2000s.

The article reveals the properties of structuring the Belarusian Orthodox Church in modern eastern Belarus in 2000 – 2017 in the context of regional and republican confessional space. On the basis of the statistical material the dynamics of regional development of the denomination is shown.

Keywords: religion, confession, Orthodoxy, Belarusian Orthodox Church, eastern Belarus, diocese, community, bishop.

УДК 81'42

АДНАФРАЗАВАСЦЬ ЯК ЛІНГВІСТЫЧНАЯ ПРЫМЕТА АФАРЫСТЫЧНЫХ АДЗІНАК

Я. Я. Іваноў

кандыдат філалагічных навук, дацэнт Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. А. Куляшова

артыкуле даследавана якасць аднафразавасці як адной *уласна* лінгвістычных прымет афарызма на матэрыяле беларускай, рускай, польскай і англійскай моў. Устаноўлена, што аднафразавасць абмяжоўвае максімальны лінейны аб'ём афарызма і проціпастаўлена звышслоўнасці, якая рэпрэзентуе яго мінімальныя структурныя параметры. Аднафразавасць вызначана як аблігаторная прымета афарызма, якая не з 'яўляецца для яго субстанцыянальна значнай (спецыфічнай), аднак набывае ў ім адметнае праяўленне. Афарыстычныя адзінкі, што складаюцца з двух ці больш асобных сказаў, але ўтвараюць зместава непарыўнае паведамленне, кваліфікаваны як аднафразавыя, паколькі ў нейтральных умовах (па-за аўтарскім кантэкстам) здольны ўзнаўляцца ў форме адной фразы са складанай сінтаксічнай структурай. Спалучэнні афарызмаў, якія аб'яднаны адной тэмай, але застаюцца сэнсава цалкам самастойнымі, кваліфікаваны як нізкі афарызмаў (афарыстычныя тэксты).

Ключавыя словы: афарыстычная адзінка, лінгвістычная катэгорыя, аблігаторная прымета, аднафразавасць, нізка афарызмаў, афарыстычны тэкст.

Уводзіны

Афарызмы шырока вывучаюцца як аб'ект лінгвістыкі тэксту, стылістыкі, фразеалогіі, парэміялогіі, лінгвакраіназнаўства [1], ствараюцца комплексныя лінгвістычныя апісанні афарызма як фразавага тэксту (у рускай [2] і ўкраінскай мове [3]), а таксама як маўленчай і моўнай адзінкі (на матэрыяле беларускай мовы [4], рускай, польскай,

англійскай, нямецкай моў [5; 6; 7]). Разам з тым агульнапрынятага лінгвістычнага разумення афарызма не сфарміравалася. Найбольш спрэчнымі з'яўляюцца спробы акрэсліць яго прыметы. Так, у вызначэнні афарызма выкарыстоўваюцца паняцці "лаканічны", "арыгінальны", "глыбокі", "дасканалы", "яскравы", "трапны" і да т. п., якія не з'яўляюцца ўласна мовазнаўчымі [4, с. 28]. У апошні час акрэслілася тэндэнцыя да пошуку адной вызначальнай уласцівасці (прыметы) афарызма, на падставе якой можна было б аб'яднаць усе тыя разнастайныя паводле зместу і формы выразы, якія звычайна называюцца "афарызмы", у адну катэгорыю адзінак. У якасці такой прыметы прапануецца ідыяматычнасць [8], "выслоўнасць" (прыналежнасць да маўленчага жанру выслоўяў) [9], "канцэптуальнасць" (адлюстраванне больш актуальных для носьбітаў мовы паняццяў-"канцэптаў") [2, с. 27], пашпартызаванасць (вядомасць носьбітам мовы яго аўтара) [2, с. 29-30], узнаўляльнасць [10] ці інш. Аднак усе названыя прыметы ўласцівы не толькі афарызмам, але і многім іншым відам выказванняў, што не звужае паняцце афарызма да асобнай лінгвістычнай катэгорыі, а, наадварот, пашырае яго да любога выказвання, якое з'яўляецца ідыяматычным, пашпартызаваным, узнаўляльным і г. д.

Канцэптуальная неакрэсленасць лінгвістычнага паняцця афарызма абумоўлівае яго вызначэнне ad hoc, калі даследчык разумее афарызм так, як гэта больш адпавядае індывідуальнай парадыгме лінгвістычных і філалагічных ведаў, а таксама таму моўнаму матэрыялу, які ў дадзеным выпадку аналізуецца. Зразумела, што гэта прама ўплывае не толькі на рэпрэзентацыйнасць, але і на ступень верыфікаванасці вынікаў мовазнаўчага вывучэння афарызма. Таму найбольш актуальнай праблемай лінгвістыкі афарызма з'яўляецца вызначэнне і апісанне яго катэгарыяльных прымет як аб'екта мовазнаўства.

У папярэднім даследаванні [11] быў прапанаваны і ў агульных рысах абгрунтаваны шэраг уласна лінгвістычных прымет афарызма як спецыфічнай катэгорыі звышслоўных адзінак. Адной з такіх прымет мэтазгодна лічыць аднафразавасць, якая ў дачыненні да афарызма патрабуе асобнага вывучэння свайго праяўлення.

Мэта даследавання — вызначьщь і апісаць спецыфічныя характарыстыкі аднафразавасці як уласна лінгвістычнай прыметы афарызма ў аспекце яго разумення як асобнай катэгорыі звышслоўных адзінак.

Метадалагічнай асновай вызначэння і апісання лінгвістычных прымет афарызма з'яўляецца яго разуменне, па-першае, асобнай катэгорыі звышслоўных адзінак, па другое, як складанага аб'екта, што на падставе ўласцівых яму розных прымет можа ўтвараць больш аднаго мноства з іншымі блізкімі яму па сваіх структурных і функцыянальных **у**ласцівасцях аб'ектамі (прыказкамі, літаратурнымі крылатымі выразамі, выслоўямі, спантаннымі выказваннямі ў гутарковай мове, тэкстамі масавай камунікацыі і інш.). Пры вызначэнні і апісанні прымет афарызма як асобнай катэгорыі лінгвістычных адзінак мэтазгодна выкарыстоўваць камбінаваныя дэдуктыўны і індуктыўны метады, сінтэз і аналіз лінгвістычных фактаў (на матэрыяле розных моў і разнастайных форм іх існавання) [4, с. 7]. Пры апісанні аднафразавасці як уласцівасці афарызма выкарыстаны прыёмы граматычнага аналізу.

Фактычны матэрыял даследавання складаюць афарыстычныя адзінкі беларускай, рускай, польскай і англійскай моў, атрыманыя паводле выбаркі з літаратурных тэкстаў, жывой гутарковай мовы, лексікаграфічных крыніц (усяго больш за 12000 адзінак, амаль прапарцыянальна прадстаўленыя ў чатырох мовах), адлюстраваныя ў падрыхтаваных аўтарам слоўніках [12; 13; 14; 15; 16] і слоўнікавых матэрыялах [17; 18], а таксама ў шэрагу іншых афараграфічных крыніц [19; 20; 21].

Асноўная частка

Да лінгвістычна рэлевантных прымет афарызма (г. зн. такіх, што характарызуюць яго як прадукт маўленча-мысленчай дзейнасці), мэтазгодна адносіць звышслоўнасць, аднафразавасць, абагульненасць, намінацыйнасць, дыскурсіўную самастойнасць, тэкставасць (ужыванне як асобнага тэксту), узнаўляльнасць, устойлівасць, ідыяматычнасць [11]. Названыя прыметы можна размежаваць на аблігаторныя (што ўласцівы ўсім афарызмам) і факультатыўныя (што ўласцівы афарызмам толькі пэўных разнавіднасцей [4, с. 82]), катэгарыяльна вызначальныя (што ўласцівы толькі афарызмам) і катэгарыяльна агульныя (што ўласцівы як афарызмам, так і іншым катэгорыям звышслоўных адзінак). На падставе акрэсленых прымет афарызма можна вызначыць паняцце афарыстычных адзінак як лінгвістычнай катэгорыі. Афарыстычныя (афарызмы) адзінкі ва ўласна лінгвістычным разуменні аднафразавыя, намінацыйныя, дыскурсіўна самастойныя, пераважна звышслоўныя, узнаўляльныя, устойлівыя адзінкі, якім могуць быць уласцівы ідыяматычнасць і ўжыванне як асобнага тэксту і якія адрозніваюцца ад усіх іншых звышслоўных адзінак катэгарыяльна вызначальнай прыметай – адметнай (універсальнай) абагульненасцю зместу [11, c. 84].

Даследаванне паказала, што аднафразавасць афарыстычных адзінак абмяжоўвае іх максімальны лінейны аб'ём і ў гэтым сэнсе проціпастаўлена звышслоўнасці афарызма, якая рэпрэзентуе яго мінімальныя структурныя параметры. Аднафразавы характар плана выяўлення афарыстычных адзінак абумоўлены іх сэнсавай закончанасцю і ўласцівай ім сінтаксічнай структурай сказа. Абмежаванне граматычнага афармлення афарызма адным сказам грунтуецца на тым, што ўсе ўстойлівыя ў маўленні афарыстычныя адзінкі (прыказкавыя, крылатыя і інш.), а таксама пераважная

колькасць свабодных афарыстычных выказванняў маюць сінтаксічную форму аднаго простага або складанага сказа.

Свабодныя афарыстычныя выказванні (пераважна літаратурна-мастацкія і публіцыстычныя) нярэдка наўмысна ствараюцца ў мастацкіх, рытарычных ці стылістычных мэтах у сегментаванай форме – у выглядзе двух ці больш сказаў, што складаюць зместава непарыўнае паведамленне, сэнсавая еднасць якога (узаемазалежнасць сэнсаў сегментаваных частак) маркіравана фармальнымі сродкамі (парнымі злучнікамі злучальнымі словамі, прыслоўнымі сувязямі, лексічнымі паўторамі, эліпсісам і інш.), напр.: Першыя дзеці ёсць адзнака маладосці жанчыны. Апошняе дзіця ёсць адзнака сталасці перад старасцю. (К. Чорны); Чалавек павінен умець не толькі стрымліваць свае пачуцці. Ен павінен умець і абурацца, пратэставаць, калі гэта трэба. (І. Шамякін); польск. Otyli żyją krócej. Ale jedzą dłużej. (S.J. Lec); Wszelkie słowo w istocie swej jest czcse i próżne. Nawet słowo najgenialniejszych poetów. Nawet spisane natchnienie proroka. (S. Żeromski); Zło jak ciemność. Trwa wiecznie. A dobro to rozbłysk, to nietrwałe zwycięstwo nad ciemnością. (T. Konwicki); англ. Education makes a people easy to lead, but difficult to drive. Eeasy to govern, but impossible to enslave. (H. Peter, Lord Brougham); Railway termini. They are our gates to the glorious and the unknown. Through them we pass out into adventure and sunshine, to them, alas! we return. (E.M. Forster) і да т. п. Кожны наступны сегмент можа выконваць функцыю тлумачэння ці сэнсавага пашырэння папярэдняга (базавага) сегмента, які звычайна з'яўляецца зместава закончаным і цалкам самастойным, але, будучы адарваным ад кантэксту, як правіла, страчвае першапачатковы (аўтарскі) сэнс, напр.: Чалавеку цяжка перарабіцца адразу. Можна думаць і гаварыць іначай, а сам чалавек доўга будзе ранейшым. (К. Чорны); Лепей недаацаніць сябе, чым пераацаніць.

Калі недаацэніш – цябе паправяць людзі. Пераацэніш – таксама паправяць пасля... (Я. Сіпакоў); польск. Gdzie nie ma winnych, muszą być przynajmniej ukarani. Nie wina, ale kara następująca po zbrodni uczy innych, że tego spełniać nie wolno. (B. Prus); Heroizm nie jest w samych bitwach, ale na wszystkich polach życia i nieustannie. Owszem, bitwy dlatego tylko bywają, iż heroizm nie bywa pierwej na polach życia praktykowany. (C.K. Norwid); англ. Just as every conviction begins as a whim so does every emancipator serve his apprenticeship as a crank. A fanatic is a great leader who is just entering the room. (H. Broun); Man is a tool-using animal... Without tools he is nothing, with tools he is all. (Th. Carlyle) і да т. п. Аднафразавы характар сегментаваных афарызмаў пацвярджаецца магчымасцю іх узнаўлення ў нейтральных умовах (па-за аўтарскім кантэкстам) у форме аднаго сказа без страты першапачатковага сэнсу як паведамлення цалкам, так і яго асобных (адпаведных сегментаваным) частак.

Вельмі часта афарызмы ўжываюцца ў маўленні ў зместава непарыўным спалучэнні з іншымі афарыстычнымі фразамі і ўтвараюць разам з імі або нізкі афарызмаў (у выпадку ўжывання ў кантэксце літаратурнага твора або вуснага маўлення), або афарыстычныя тэксты (у выпадку адасобленага ад кантэксту ўжывання як самастойных маўленчых твораў – літаратурных ці фальклорных).

Нізкі афарызмаў і афарыстычныя тэксты — гэта паслядоўныя паводле зместавай сувязі паміж сабой спалучэнні двух ці больш (звычайна да дзесяці) афарыстычных адзінак, якія сэнсава аб'яднаны агульнай тэмай ці праблемай, адным прадметам паведамлення ці канцэптам, могуць утвараць паводле лагічнай структуры т. зв. "складаныя выказванні" (прэдыкатыўныя часткі якіх суадносяцца паводле пэўных лагічных аперацый) і, як правіла, злучаны адна з адной з дапамогай разнастайных лексічных, сінтаксічных, прасадычных і іншых сродкаў, дзякуючы

чаму ўспрымаюцца як зместава і фармальна цэласныя звышфразавыя ўтварэнні. Напр.: (кожная афарыстычная адзінка ў складзе нізкі афарызмаў адзначана парадкавым нумарам у квадратных дужках) То [Зямля] – наймацнейшая аснова І жыцця першая ўмова [1]. Зямля не зменіць і не здрадзіць [2], Зямля паможа і дарадзіць [3], Зямля дасць волі, дасць і сілы [4], Зямля паслужыць да магілы [5], Зямля дзяцей тваіх не кіне [6], Зямля – аснова ўсёй Айчыне [7]. (Я. Колас); руск. Не рассуждай, не хлопочи!... [1] Безумство ищет, глупость судит [2]; Дневные раны сном лечи [3], А завтра быть чему, то будет [4]. Живя, умей всё пережить: Печаль, и радость, и тревогу [5]. Чего желать? О чем тужить? День пережит – и слава богу! [6] (Ф.И. Тютчев); Язык – незаменимое орудие классовой борьбы. [1] Нет языка, который не был бы классовым, и, следовательно, нет мышления, которое не было бы классовым. [2] (Н.Я. Марр); польск. A nade wszystko szanuj mowę twą ojczystą. [1] Nie znać języka swego hańbą oczywistą. [2] (F.K. Dmochowski); Złe niewatpliwie jest tylko jedno: krzywda bliźniego. [1] Człowiek – jest to rzecz święta, której krzywdzić nikomu nie wolno. [2] (S. Żeromski); англ. The web of our life is of a mingled yarn, good and ill together: [1] our virtues would be proud, if our faults whipped them not; [2] and our crimes would despair, if they were not cherished by our virtues. [3] (W. Shakespeare); Under all speech that is good for anything there lies a silence that is better. [1] Silence is deep as Eternity; [2] speech is shallow as Time. [3] (Th. Carlyle); The world can only be grasped by action. not by contemplation... [1] The hand is the cutting edge of the mind. [2] (J. Bronowski) і да т. п.

Нізкі афарызмаў і афарыстычныя тэксты трэба адрозніваць ад такіх сегментаваных афарыстычных выказванняў, у якіх кожная іх частка (і базавая, і парцэлят) мае змест і форму абстрактнага сказа (кожная ўспрымаецца як самастойны афарызм). Аднак у сегментаваных афарыстычных

выказваннях іх часткі (найперш, парцэляты) не могуць ужывацца адасоблена адна ад адной (як іншыя афарызмы) без страты свайго першапачатковага сэнсу або сэнсу ўвогуле (што датычыцца звычайна апошняй парцэляванай часткі афарыстычнага выказвання, якая адасоблена ад пачатковай можа ўспрымацца як парадаксальная або ўвогуле бессэнсоўная), напр.: Бедны запомніць багатыя дні. Бедныя дні не забудзе багаты. (Р. Барадулін); руск. Делить веселье – все готовы: Никто не хочет грусть делить. (М.Ю. Лермонтов); польск. Teatr dla publiczności jest – publika ceni. Gadaj sercem, a będą głową potakiwać, jak gdybyś sercem grał. (S. Wyspiański); Bądź altruistą. Szanuj egoizm drugich. (S.J. Lec); Bądź realistą: nie mów prawdy. (S.J. Lec); англ. For righteous monarchs, Justly to judge, with their own eyes should see; To rule o'er freemen, should themselves be free. (H. Brooke); If two lives join, there is oft a scar, They are one and one, with a shadowy third. One near one is too far. (R. Browning) і да т. п.

Устаноўлена, што якасць аднафразавасці ўласціва ўсім без выключэння афарызмам (і свабодным, і ўстойлівым), таму можа быць кваліфікавана як іх аблігаторная ўласна лінгвістычная прымета. Разам з тым аднафразавасць не з'яўляецца спецыфічнай уласцівасцю афарызма, паколькі характарызуе таксама і іншыя віды свабодных ці ўстойлівых выказванняў, таму не можа разглядацца як яго катэгарыяльна вызначальная прымета.

Трэба адзначыць, што даволі часта афарызмы ўжываюцца ў маўленні ў зместава непарыўным спалучэнні з неафарыстычнымі фразамі і ўтвараюць разам з імі або адметныя жанравыя разнавіднасці малых тэкставых форм (апафегмы, хрыі, велярызмы, фрашкі і г. д.), або стандартна структураваныя ў межах розных стыляў і жанраў тэксты, дзе афарызм займае пазіцыю загалоўка ці асноўнага кампанента іх унутранай структуры (байкі, прытчы, анекдоты,

эпіграмы і г. д.). У гэтым выпадку паўстае праблема размежавання афарызма і шэрагу блізкіх яму паводле лінейных памераў малых тэкставых форм (малых маўленчых жанраў), што з'яўляецца прадметам далейшых даследаванняў.

Заключэнне

Аднафразавасць афарызма тазгодна разглядаць як яго ўласна лінгвістычную ўласцівасць. Аднафразавасць абмяжоўвае максімальны лінейны аб'ём афарыстычных адзінак і ў гэтым сэнсе проціпастаўлена звышслоўнасці, якая рэпрэзентуе мінімальныя структурныя параметры афарызма. Усе ўстойлівыя ў маўленні афарыстычныя адзінкі (прыказкавыя, крылатыя і інш.), а таксама пераважная колькасць свабодных афарыстычных выказванняў маюць форму фразы. Аднафразавасць - гэта аблігаторная прымета афарызма, якая не з'яўляецца для яго субстанцыянальна значнай (спецыфічнай), аднак набывае адметнае праяўленне ў афарыстычных адзінках.

Шэраг афарызмаў (пераважна літаратурных) ствараецца ў сегментаванай форме - у выглядзе двух ці больш сказаў, што складаюць зместава непарыўнае паведамленне, сэнсавая еднасць якога (узаемазалежнасць сэнсаў сегментаваных частак) маркіравана лексічнымі і граматычнымі сродкамі. Сегментаваныя афарызмы мэтазгодкваліфікаваць як аднафразавыя, што пацвярджаецца магчымасцю іх узнаўлення ў нейтральных умовах (паза аўтарскім кантэкстам) у форме адной фразы са складанай сінтаксічнай структурай без страты іх першапачатковага сэнсу як цалкам, такі і асобных (адпаведных сегментаваных) частак. Ад сегментаваных афарызмаў адрозніваюцца спалучэнні двух ці больш афарызмаў, сэнсава аб'яднаныя агульнай тэмай ці праблемай і злучаныя з дапамогай разнастайных лексічных, сінтаксічных, прасадычных і інш. сродкаў. Такія спалучэнні ўспрымаюцца як зместава і фармальна цэласныя ўтварэнні, аднак маюць звышфразавую прыроду, паколькі кожны афарызм у іх складзе ў адрозненне ад сегментаваных адзінак захоўвае сваю самастойнасць (можа ўжывацца адасоблена ад іншага). Таму такія спалучэнні афарыстычных адзінак можна кваліфікаваць як нізкі афарызмаў (афрыстычныя тэксты).

Афарызмы часта ўжываюцца ў непарыўнай сувязі з неафарыстычнымі фразамі ў творах малых літаратурных ці фальклорных жанраў (напрыклад, такіх, як апафегма, хрыя, велярызм, фрашка, байка, прытча, анекдот, эпіграма і г. д.), што спараджае праблему размежавання афарызма з блізкімі яму паводле лінейных памераў малымі тэкставымі формамі (малымі маўленчымі жанрамі).

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

- 1. *Иванов, Е. Е.* Лингвистика афоризма: хрестоматия / Е. Е. Иванов. Минск: Вышэйшая школа, 2018. 304 с.
- 2. *Королькова, А. В.* Русская афористика / А. В. Королькова. – М. : Флинта : Наука, 2005. – 344 с.
- 3. *Шарманова*, *Н. М.* Українська афористика: структурно-семантичний та функціональний аспекти: дис ... канд. філол. наук: 10.02.01 / Н. М. Шарманова. Кривий Ріг, 2005. 217 с.
- Іваноў, Я. Я. Афарыстычныя адзінкі ў беларускай мове / Я. Я. Іваноў. – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2017. – 208 с.
- Иванов, Е. Е. Лингвистика афоризма / Е. Е. Иванов. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2016. – 156 с.
- Іваноў, Я. Я. Дыферэнцыяльныя прыметы афарызма / Я. Я. Іваноў. Магілёў: Брама, 2004. 160 с.
- Іваноў, Я. Я. Праблемы лінгвістычнага вывучэння афарызма / Я. Я. Іваноў. – Магілёў: Брама, 2003. – 194 с.
- 8. *Леванюк, А. Я.* Лексіка-граматычныя і семантыка-стылістычныя асаблівасці беларускага паэтычнага афарызма : аўтарэф. дыс. ... канд. філал. навук : 10.02.01 / А. Я. Леванюк ; Беларускі дзярж. ун-т. Мінск, 2002. 19 с.
- 9. *Назаранка*, *Ю. В.* Выслоўе ў мове твораў Якуба Коласа: камунікацыйна-

- маўленчы статус, класіфікацыя, моўнастылістычныя асаблівасці : аўтарэф. дыс. ... канд. філал. навук : 10.02.01 / Ю. В. Назаранка ; Беларускі дзярж. ун-т. Мінск, 2003. 21 с.
- Мечковская, Н. Б. Жанры афористики и градация высказываний по степени идиоматичности / Н. Б. Мечковская // Жанры речи. – 2009. – Вып. 6. – С. 79– 111.
- 11. *Іваноў, Я. Я.* Лінгвістычныя прыметы афарыстычных адзінак / Я. Я. Іваноў // Ученые записки ВГУ им. П. М. Машерова. 2018. Т. 27. С. 78—84.
- 12. **Іваноў, Я. Я.** Крылатыя афарызмы ў беларускай мове: з іншамоўных літаратурных і фальклорных крыніц VIII ст. да н. э. XX ст.: тлумачальны слоўнік / Я. Я. Іваноў. Магілёў: МДУ імя А. А. Куляшова, 2011. 164 с.
- 13. Словарь афоризмов и цитат из польской литературы XVI–XX веков = Słownik aforyzmów a cytatów z literatury polskiej od XVI do XX wieku / под ред. Е. Е. Иванова. Могилев: МГУ им. А. А. Кулешова, 2005. 104 с.
- 14. Иванов, Е. Е. Русско-белорусский паремиологический словарь / Е. Е. Иванов, В. М. Мокиенко. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2007. – 242 с.
- 15. Іваноў, Я.Я. Польска-беларускі парэміялагічны слоўнік = Polsko-białoruski słownik paremiologiczny / Я. Я. Іваноў, С. Ф. Іванова; прад. і ўступ. арт. Я. Я. Іванова. Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2007. 192 с.
- 16. Англа-беларускі парэміялагічны слоўнік = English-Belarusian Paremiological Dictionary / пад рэд. Я. Я. Іванова. Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2009. 240 с.
- 17. Іваноў, Я. Я. Афарыстыка мовы мастацкага твора. Паэма Якуба Коласа "Новая зямля": лексікаграфічны аспект / Я. Я. Іваноў. Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2004. 84 с.
- 18. Иванов, Е. Е. Английские пословицы: из литературы и в литературе: этимология, функционирование, варианты = English Proverbs: from Literary Texts, in Literary Texts: Etymology, Usage, Variability / Е. Е. Иванов, Ю. А. Петрушевская. – Могилев: МГУ им. А. А. Кулешова, 2016. – 76 с.

- Гаўрош, Н. В. Афарыстычныя выслоўі беларускіх пісьменнікаў / Н. В. Гаўрош, Н. М. Нямковіч. – Мінск: Вышэйшая школа, 2012. – 638 с.
- 20. Леванюк, А. Я. Майстры кажуць...: беларускія літаратурныя афарыстычныя выслоўі : слоўнік афарызмаў / А. Я. Леванюк. — Брэст : БрДУ імя А. С. Пушкіна, 2010. — 161 с.
- The Oxford Dictionary of Quotations. Oxford: Oxford University Press, 2011. – 1767 p.

Паступіў у рэдакцыю 10.05.2019 г. Кантакты: ivanov-msu@mail.ru (Іваноў Яўген Яўгенавіч)

Ivanov E. ONE-PHRASE FORM AS A LINGUISTIC SIGN OF APHORISTIC UNITS.

The article deals the quality of one-phrase form as one of the proper linguistic signs of aphorism based on the material of Belarusian, Russian, Polish and English. It was established that one-phrase form limits the maximum linear content of aphorism and it is opposed to more-words form, which manifest its minimum structural criteria. One-phrase form is defined as an obligatory criterion of an aphorism, which is not significant (unique), but it acquires a specific manifestation in it.

Aphoristic units, consisting of two or more separate sentences, but forming a meaningfully inseparable message, are qualified as one-phrase ones, because under neutral conditions (outside the author's context) they can be reproduced in one-phrase form with a complex syntactic structure. The combination of aphoristic units, which are united by one topic, but remain completely independent within the meaning, is qualified as a cycle of aphorisms (aphoristic text).

Keywords: aphoristic unit, linguistic category, obligatory criterion, one-phrase form, aphorism cycle, aphoristic text.

УДК 821.09:821.161.3.09

МАЛЫЯ І МІНІМАЛЬНЫЯ ФОРМЫ Ў СУЧАСНАЙ БЕЛАРУСКАЙ І ЗАМЕЖНАЙ ПАЭЗІІ

Л. М. Садко

кандыдат філалагічных навук, дактарант Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, дацэнт кафедры рускай літаратуры і журналістыкі, Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна.

Артыкул прысвечаны вывучэнню асаблівасцей жанравай дыферэнцыяцыі і функцыянавання малых і мінімальных формаў у творчасці сучасных беларускіх аўтараў С. Мінскевіча, Г. Ціханавай, А. Бязлепкінай, у тэкстах рускіх паэтаў Ры Ніканавай, В. Арэф'евай, у творах нямецкамоўных паэтаў О. Гомрынгера, Э. Яндля. Прааналізаваны такія формы, як вакуум-паэзія; тэксты з рэдукцыяй фармальна значных кампанентаў; творы з выкарыстаннем аднаго слова/знака, магчыма, паўторанага як аднаразова, так і некалькі разоў; удэтэрона, ці аднастрока, монаверша.

Ключавыя словы: малыя і мінімальныя формы, мінімалізацыя, вакуум-паэзія, рэдукцыя фармальна значных кампанентаў, паўтор, удэтэрон, аднастрок.

Уводзіны

Адной з найменш распрацаваных праблем у сучасным беларускім і сусветным літаратуразнаўстве з'яўляецца праблема спецыфікі вершаскладання. За перыяд мяжы XX—XXI стст. у практыцы паэтычнага мастацтва назапашаны значны корпус тэкстаў, якія імкнуцца да вершавай навацыі, у прыватнасці, да эстэтычнай і паэтычнай мінімалізацыі, разнастайнасці паэтычных тэхнік. Асаблівага вывучэння патрабуюць эксперыментальныя творы, якія парываюць з традыцыяй рыфмаванай сілабатанічнай

паэзіі, паколькі менавіта яны вызначаюць шляхі развіцця, асаблівых трансфармацый паэзіі будучыні. Мэта даследавання - выявіць асаблівасці жанравай дыферэнцыяцыі і функцыянавання малых і мінімальных формаў у творчасці сучасных беларускіх і замежных паэтаў. Аб'ектам вывучэння выступаюць малыя і мінімальныя творы сучасных беларускіх аўтараў С. Мінскевіча, Г. Ціханавай, А. Бязлепкінай, тэксты рускіх паэтаў Ры Ніканавай, В. Арэф'евай, нямецкамоўных паэтаў О. Гомрынгера, Э. Яндля. Метадалагічная аснова даследавання – працы навукоўцаў-гуманітарыстаў Дж. Дж. Янечэка, М. Гаспарава, Ю. Тынянава, Ул. Бурыча. Даследаванне грунтуецца на культурна-гістарычных прынцыпах, метадах кампаратывістыкі, фармальнай школы, а таксама методыцы структурнага аналізу.

Асноўная частка

Мінімалізацыя, або мінімізацыя, як тэрмін і з'ява знайшла распаўсюджанне ў жывапісе, скульптуры, трохмерных візуальных мастацтвах, а таксама ў музыцы. У дачыненні да паэзі за рабочую дэфініцыю прымаецца тэзіс аднаго з самых аўтарытэтных сучасных навукоўцаўвершазнаўцаў Джэральда Дж. Янечэка, які заяўляе, што "мінімалізм выкарыстоўвае вельмі сціплы лінгвістычны матэрыял, вербальны эквівалент гатовых аб'ектаў, ствараючы з дапамогай яго яркія, часам правакуючыя нечаканыя высновы творы" [1, с. 257]. Акрамя таго, М.Л. Гаспараў, аўтар манаграфіі "Очерк истории европейского стиха", аналізуючы шляхі развіцця сучаснай паэзіі, адзначае наяўнасць "двух нетрадиционных стихотворных форм: стихов для слуха и стихов для глаза" [2, с. 262]. Далей аўтар падкрэслівае: "... поэзия из искусства слышимого слова стала искусством читаемого слова и что как при своём начале поэзия смыкалась с пением и музыкой, так и теперь смыкается с графическим искусством" [2, с. 265].

Калі пад тэндэнцыяй мінімізацыі разумець жаданне аўтара ў мінімальнай колькасці знакаў-інфарматараў данесці найбольшую колькасць сэнсу, то варта выдзяляць тэксты, створаныя сучаснымі аўтарамі па мадэлях традыцыйных, часта іншамоўных культур, як заходніх, так і ўсходніх. Напрыклад, яшчэ ў эпоху антычнасці фарміруецца культура эпіграфікі, кароткага надпісу на прадмеце. Антычная эпіграма створана да самай рознай нагоды і звернута да самых розных адрасатаў. У позняй рымскай літаратуры фарміруецца цэлая плеяда аўтараў, якія звяртаюцца да фармальных эксперыментаў, рапалічнай паэзіі, мінімалістычнай эпітафіі, прыказак і монаверша (у прыватнасці, "Тэхнапегніі" Дэцымса Магна Аўсонія, вядомасць атрымаў монаверш гэтага рымскага паэта ў перакладзе В. Брусава "Рим золотой, обитель богов, меж градами первый"). У культуры Усходу распаўсюджанне атрымалі кароткія жанры хайку і танка, што прыйшлі ў еўрапейскую паэзію яшчэ ў канцы XIX ст.

Традыцыі эксперыментальных тэкстаў, аперыруюць мінімальнай якія колькасцю лінгвістычных адзінак, працягваліся ў паэзіі сярэдніх вякоў ("Трактат аб усхваленні крыжа" абата Фульда), Адраджэння (малітва да чароўнай бутэлькі і шклянкі ў канцы рамана Ф. Рабле "Гарганцюа і Пантагруэль") і барока ("Папараць" Й. Карста). Сімяон Полацкі стварыў вершы "От избытка сердца уста глаголят" у форме сэрца, "Благоприветствие царю Алексею Михайловичу по случаю рождения царевича Симеона" ў форме зоркі і некаторыя іншыя. Рускія паэты XVIII ст. таксама выкарыстоўвалі ў сваіх творах аптычныя эксперыменты: А. Сумарокаву належыць верш у выглядзе крыжа, Г. Дзяржавіну – у форме піраміды.

Адзначым, што распаўсюджаным матэрыялам для стварэння мінімалістычных вершаў з'яўляецца гук, фанацыйныя досведы. Гукавая абалонка слова таксама

прыцягвала ўвагу яшчэ на ранніх стадыях існавання чалавецтва. У паганскіх культах, шаманскіх абрадах велізарную ролю адыгрывае пэўным чынам прамоўленае слова і тэкст. У старажытных артэфактах утрымліваюцца неаднаразовыя ўказанні на магічную прыроду слова, літары, гука.

Крайняя крытычнасць да моўнага матэрыялу можа праяўляць сябе і ў выкарыстанні ў мінімалістычных тэкстах параграфемных знакаў (знакі прыпынку, розныя шрыфты, надрадковыя і малыя графічныя знакі і г. д.), якія атрымліваюць асаблівы статус у тэксце. Паказальнымі ў сувязі з гэтым могуць служыць кельцкія арнаменты, рунічнае пісьмо, арабскі алфавіт, Кабала, некаторыя раннехрысціянскія вучэнні.

Тэндэнцыі мінімалізму выразна праяўляюць сябе і ў сучаснай вакуумнай паэзіі, якая рознымі спосабамі дэманструе фармант пустэчы ў тэксце. Маўчанне, эліпсіс як эквівалент маўлення - адзін з самых распаўсюджаных прыёмаў стварэння выказвання ў сучаснай паэзіі. У сувязі з гэтым неабходна адзначыць, што ў свой час Ю. Тынянаў прапанаваў тэорыю "эквівалентаў тэксту": "Эквивалентом поэтического текста я называю все так или иначе заменяющие его внесловесные элементы, прежде всего частичные пропуски его, затем частичную замену элементами графическими и т. д. ... Момент такой частичной неизвестности заполняется как бы максимальным напряжением недостающих элементов, данных в потенции, и сильнее всего динамизирует развивающуюся форму... При этом ясно отличие эквивалента текста от паузы - гомогенного элемента речи, ничьего места, кроме своего, не заступающего, между тем как в эквиваленте мы имеем дело с эквивалентом гетерогенным, отличающимся по своим функциям от элементов, в которые он внедрен. Эквивалент акустически непередаваем; передаваема только пауза" [3, с. 298].

Адзначым, што вербальная кампрэсія праявіла сябе і ў паэзіі найноўшага

перыяду — у творчасці французскіх кубістаў, італьянскіх футурыстаў, рускіх кубафутурыстаў, артыстаў руху "дада" (гэта "каліграмы" Г. Апалінера, "цёмныя вершы" С. Малармэ). Цікавымі ўяўляюцца і саўнд-паэтычныя пошукі К. Маргенштэрна, Х. Баля, Г. Арпа, Р. Хаўсмана, Т. Марынэці, а таксама "сінтэтычныя" эксперыменты, якія спалучаюць у сабе практыкаванні як з візуальным складнікам, так і з гукавой абалонкай слова ў творчасці А. Белага, В. Гнядова, В. Кручоных, В. Маякоўскага, В. Каменскага, Г. Стайн, Э. Паўнда і інш.

Пэўную мадэль жанравай дыферэнцыяцыі лірычнага роду сучаснай славеснасці можна намеціць зыходзячы з лагічнага колькаснага прынцыпу. За пункт адліку можна прыняць тэкст, які складаецца з нуля знакаў, тэкст-эліпс, тэкст-вакуум. Прычым па колькасці інфармацыі падобны тэкст можа быць інтэнцыяльна шматслоўным, аб'ёмным. Адзначым, што такое несупадзенне адрознівае "цвёрдыя" традыцыйныя формы (той жа арыентальнай паэзіі), якія валодаюць характарыстыкай фразавай і канцэптуальнай завершанасці, ад навацыйных тэхнік сучаснасці.

У сучаснай беларускай літаратуры тэкстаадсутнасць як жанр і прыём характэрны для перформансаў аб'яднання "Бум-бам-літ" (аўтары – 3. Вішнёў, А. Туровіч, А. Бахарэвіч, Ю. Барысевіч, Жыбуль. I. Сін, У. Гарачка, C. Мінскевіч, В. Морт, М. Башура, Ж. Васанская, Г. Ціханава, І. Туровіч, Дз. Хвастоўскі). Назва "Бум-бам-літ", як указвае Ю. Барысевіч, "нарадзілася з гукаў алюміневага тазіка – рэінкарнацыі шаманскіх тамтамаў і вядзьмарскіх бубнаў" [4]. Замест тэарэтычных маніфестаў, грунтоўных артыкулаў удзельнікі аб'яднання звярнуліся да эксперыментальнага пошуку "новай" мовы, дзе адсутнасць звыклага, відавочнага крок да адкрыцця новых шляхоў развіцця мастацтва. Такім чынам тэкстаадсутнасць стала назвай аднаго з самых характэрных неаавангардных рухаў у сучаснай беларускай літаратуры.

У сучаснай рускай літаратуры майстрамі вакуум-паэзіі, нулявога пісьма з'яўляецца Ры Ніканава, В. Казакоў, М. Сапега. Адзін з самых вядомых тэкстаў Ры Ніканавай "Свободный алфавит" складаецца ўсяго з дзвюх літар, між якімі— загадкавая бездань, адзначаная адсутнасць:

А______Я

У тэкстах сусветнай неаавангарднай канкрэтнай паэзіі Э. Яндля, О. Гомрынгера, Ф. Мона, М. Бензэ таксама адзначаюцца тэксты з рэдукцыяй фармальна значных кампанентаў. У вершы неаавангарднага паэта-канкрэтыста О. Гомрынгера "чорная таямніца" ("dasschwarzegeheimnis") на старонцы літаральна намаляваны абрысы нейкага куфэрка, які, паводле тэксту, утрымлівае ў сабе "чорную таямніцу". Пустэчы, вакуумныя лакуны, аформленыя ў вершы, не з'яўляюцца паказчыкам адсутнасці знака або прыкметы, але семантычна і наўмысна структурна пазначаны:

dasschwarzegeheimnis ist hier hier ist das schwarze geheimnis

Па ступені колькаснага рашчэння аб'ёму вылучаюцца выкарыстаннем аднаго сло-3 ва/знака, магчыма, паўторанага як аднаразова, так і некалькі разоў. Гэта творы Л. Сільнавай, Г. Ціханавай, С. Мінскевіча, А. Кавалеўскага ў беларускай літаратуры, У. Някрасава ў рускай і Э. Яндля ў нямецкамоўнай. У гэтай групе вершаў могуць знайсці рэалізацыю жанравыя прыкметы амбіграмы, паліндрома, лагагрыфа.

Так, асемантычныя эксперыменты з гукавой канстытуцыяй мінімалізаванага тэксту сустракаюцца ў творчасці Сержа Мінскевіча ў выглядзе вершаў-

¹ Захавана традыцыя пісьма канкрэтызму.

цыклафонаў, у якіх пры шматразовым паўтарэнні словаформы пераходзяць адна ў адну, як у вершы "Ваколіцы Браслава". Тэкст разлічаны менавіта на вакаральнае выкананне, пры якім і выяўляюць сябе кампаненты твора, адбываецца трансляцыя яго семантыкі:

БАРЫбарыбарыбарыБЯРЫбарыба-РЫБАрыбары-

барыБЯРЫбарыбарыБАРЫ

Замалёўку аб Браслаўскім краі, што вядомы багаццем азёр і лясных угоддзяў, паэт засноўвае на вядомым лінгвістычным прыёме падваення для абазначэння множнасці, вялікай колькасці чаго-небудзь. За фармальным эксперыментам мінімалізаванага тэксту лёгка адгадваецца аповед пра багацце роднага краю – вялікай колькасці "бароў", "рыбы", "рыбароў" і шчодрасці прыроды, перададзенай дзеясловам "бяры".

У творчасці У. Някрасава, аднаго з прадстаўнікоў "ліанозаўскай школы", неафіцыйнай рускай літаратуры другой паловы XX ст., прыём паўтору, эканоміі лексічных сродкаў, выкарыстання паўзы як эквіваленту тэксту даволі распаўсюджаны. Патрэбна адзначыць, што сціплая колькасць знакаў у тэкстах гэтага паэта дазваляе выйсці на першы план інтанацыйнаму афармленню, гучанню слова. Так, наступны мінімалістычны тэкст, складзены з паўтору некалькіх лексем, прымушае чытача прыслухацца, углядзецца ў тэкст, а апошні радок, змешчаны на некаторай адлегласці, гучыць асабліва выразна:

> Весна веснавеснавесна Весна веснавеснавесна Весна веснавесна

И правда весна

Лексічна многія творы тэарэтыка і практыка канкрэтнай паэзіі Э. Яндля зведзены да аднаго-двух параграфічных знакаў, што дэманструе крайнюю крытычнасць прадстаўнікоў канкрэтызму ў адносінах да моўнага матэрыялу. Напрыклад, тэкст "продак і нашчадак"

("vorfahreundnachkomme") заснаваны на двайным паўторы аднаго знака (літары), адрозніваюцца знакі толькі наяўнасцю кропкі пасля аднаго з іх:

л. п

З улікам адсутнасці ў іншых творах паэта традыцыйнай пунктуацыі кропка ў гэтым вершы набывае дадатковую семантычную нагрузку, выказвае ідэю канечнасці, здзейсненасці, ідэю "продка", а адсутнасць знака прыпынку ў другім радку пазначае наяўнасць будучыні, перспектыў, адсутнасць абмежаванняў у "нашчадка".

Эфект абсурдысцкай нечаканасці і паўтору ляжыць у аснове так званых "Schüttelreime" – кароткага жанру нямецкага фальклору і літаратуры, таксама распрацаванага ў творчасці Э. Яндля. У вершы "о/і" Э. Яндля абыгрываецца сітуацыя "сустрэчы" двух падобных слоў, момант якой дорыць чытачу магчымасць для асацыятыўнай працы:

o fr sch

Асобнай гутаркі патрабуе жанр, вызначэнне якога прапануе сучасны літаратуразнаўца У. Бурыч. Гаворка ідзе пра ўдэтэрон — верш, які "ні тое ні гэта" [5, с. 143], г. зн. не з'яўляецца, на думку даследчыка, ні паэзіяй, ні прозай. С. Бірукоў прапануе ўдакладненне, звязанае з разуменнем аднастрока і як паэзіі, і як прозы, інакш кажучы, як гібрыднага жанру, які спалучае ў сабе прыкметы гэтых сістэм [6].

Цікавую рэалізацыю ўдэтэрон знаходзіць у творчасці сучаснага беларускага аўтара Г. Ціханавай, якая эксперыментуе з прыёмамі перараскладання вербальнага матэрыялу з эфектам нечаканага прырашчэння сэнсу, часцяком у іранічным ключы. Гульнявая паэтыка твораў гэтага аўтара ў большасці выпадкаў набліжаецца да з'явы параніміі, грунтуецца на збліжэнні паронімаў у маўленчым ланцужку, дзякуючы чаму ўзнікаюць

розныя эфекты семантычнай блізкасці. У зборніку Г. Ціханавай "Марскія шпількі" гранічна далёкія, пазбаўленыя семантычнай і словаўтваральнай супольнасці словы літаральна "зрастаюцца" ў цесным кантэксце, які імкнецца да монаверша, перасякаюцца ў нечаканым асацыятыўным полі, нараджаючы ў дастатковай ступені яркія і свежыя вобразы:

Бессэнсоўныя перажыванні — Бессэнсоўнае пяра жаванне.

Экспрэсемы, якія з'яўляюцца ў тэкстах Г. Ціханавай, нараджаюцца на скрыжаванні сэнсу слова і мастацкага кантэксту, пераводзячы лексічную адзінку з узроўня мовы на ўзровень маўлення, гучання, ужывання, ажыўляючы слова. Адзін з такіх звышкароткіх тэкстаў можа служыць своеасаблівай ілюстрацыяй аўтарскага крэда паэткі, чыя эксперыментальная камбінаторыка — гэта шлях да мэты, а не гульня дзеля гульні:

Парушэнні дзеясловаў,

Парушэнні – дзея словаў.

А. Бязлепкіна аднастрокам дае назвы, якія ўступаюць з тэкстам у адносіны эпіграматычнага досціпу, начаканага працягу. Так, тэкст з загалоўкам "Страснае" настройвае чытача на рамантычную хвалю, а аднарадкоўе кпліва расчароўвае: "Аплявуха да самага вуха". "Спатканне ў кавярні" абарочваецца зусім не прыемным рандэву, а драматычным прызнаннем лірычнай гераіні, што стамілася ад адзіноты: "Я заплачу сама. Ты толькі запрасі!".

У сучаснай рускай літаратуры жанр аднастрока развіваецца, у прыватнасці, у творчасці У. Вішнеўскага і В. Арэф'евай. Гэтыя аўтары традыцыйна разглядаюцца ў каардынатах катэгорыі камічнага. Іх аднастрокі ў мінімальнай колькасці знакаў дэманструюць асаблівасці сучаснай смехавой культуры, дзе выразна праяўляе сябе тэндэнцыя да амбівалентнага смеху, што спалучае гумарыстычнае і філасафічнае, лёгкае і сур'ёзнае. Напрыклад, некалькі тэкстаў

В. Арэф'евай: "Непобедим, поскольку не играет"; "Как трудно делать вид, что мы знакомы..."; "Уйди, я одинока не настолько!", "Я всё могу – тогда, когда не надо".

Заключэнне

Адзначым, што вершы, якія грунтуюцца на мінімалістычных стратэгіях, служаць сродкам імгненнага данясення інфармацыі і пачуцця на розных узроўнях чалавечага ўспрымання, гарманізацыі ўзаемадачыненняў асобы і тэхнічнага асяроддзя ва ўмовах перавытворчасці фарміравання грамадства спажывання. Малыя і мінімальныя формы могуць рэалізоўваць як вертыкальную форму рыфмізацыі і рытмізацыі, і гарызантальную, суадносячыся то з сілабатонікай, то з верлібрам, выкарыстоўваючы багатую палітру сучасных сродкаў эстэтыкі і паэтыкі (сродкі візуалізацыі, лінгвакрэацыі, вакаральныя эксперыменты, рысы перформансу і г. д.). Дух нонканфармізму, пераўтварэння традыцыйных нормаў эстэтыкі і паэтыкі, лінгвістычны крытыцызм, у цэлым уласцівы літаратуры авангарду і неаавангарду, вызначыў асноўныя прыёмы і сродкі фарміравання мастацкай прасторы ў сучаснай мінімалістычнай паэзіі.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

- 1. *Янечек, Дж. Д.* Минимализм в современной русской поэзии: Всеволод Некрасов и другие / Дж. Д. Янечек // Новое литературное обозрение. 1997. № 23. С. 246—257.
- 2. *Гаспаров, М. Л.* Очерк истории европейского стиха / М. Л. Гаспаров. М. : Наука, 1989. 271 с.
- 3. *Тынянов, Ю. Н.* Поэтика. История литературы. Кино / Ю. Н. Тынянов; отв. ред.: В. А. Каверин, А. С. Мясников. М.: Наука, 1993. 574 с.
- 4. *Барысевіч, Ю.* Бум-бам-літ: не пытайся, па кім бомкае тазік / Ю. Барысевіч // Альманах сучаснае беларускае культуры р ART isan [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://partisanmag.by/?p=12624. Дата доступа: 03.04.2019.

- 5. *Бурич*, *В. П.* Тексты: Стихи. Удетероны. Проза / В. П. Бурич. М.: Советский писатель, 1989. 176 с.
- Блиц-интервью // Дети Ра [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.detira.ru/arhiv/nomer.php?id_pub=1130. Дата доступа: 03.04.2019.

Паступіў у рэдакцыю 13.04.2019 г. Кантакты: konovod1@yandex.ru (Садко Людміла Міхайлаўна)

Sadko L. SMALL AND MINIMAL FORMS IN CONTEMPORARY BELARUSIAN AND FOREIGN POETRY.

The article examines the characteristics of genre differentiation and functioning of small and minimal forms in the works of contemporary Belarusian authors Serge Minskevich, G. Tikhonova, A. Bezlepkina, in the texts of Russian poets Ri Nikonova, O. Arefieva, in the works of German poets Eu. Gomringer, E. Jandl. The author analyzes such forms as vacuum poetry; texts with the reduction of formally significant components; texts with one word / symbol, possibly repeated singly or several times; udeterone, or single-liner, monopoem.

Keywords: small and minimal forms, minimalization, vacuum poetry, reduction of formally significant components, repetition, udeterone, single-liner.

УДК 821.161.3.09-31"19..."

ЭМПАТЫЧНЫ ВЕКТАР У БЕЛАРУСКІМ РАМАНЕ КАНЦА XX ст.

Г. В. Навасельцава

кандыдат філалагічных навук, дацэнт Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П. М. Машэрава

Дынаміка змястоўнай формы рамана канца XX ст. выяўляецца ў наватарскіх праблемна-тэматычных характарыстыках, адметнай філасофскай канцэпцыі, імкненні уключыць чытача ў працэс мастацкай рэфлексіі. Увага найперш скіравана на галоўнага героя, якому перададзена шмат з аўтарскага светабачання і які выступае тыповым прадстаўніком свайго часу і свайго пакалення. Псіхалагічны партрэт паказваецца праз зварот да падсвядомасці героя, у прыватнасці, Алесь Асіпенка і Аркадзь Марціновіч па-мастацку даследуюць феномен страху. У псіхалагічным рэчышчы пісьменнікі вытлумачваюць як маральнаэтычнае развіццё асобы, так і вызначальныя грамадскія працэсы.

Ключавыя словы: раман, галоўны герой, мастацкі псіхалагізм, эмпатычны вектар, Алесь Асіпенка, Аркадзь Марціновіч.

Уводзіны

У беларускай літаратуры апошняга дзесяцігоддзя XX ст. актывізуецца праблемны пошук, які абумоўлівае ў тым ліку жанравую эвалюцыю рамана. Розныя аўтары аддаюць перавагу аднагеройнай змястоўнай форме, што вызначаецца ўстаноўкай на мастацкі суб'ектывізм. Разам з тым выступае значнай эстэтычная спроба адлюстраваць рэчаіснасць у "падкрэслена чалавечых" каардынатах, прадставіць аўтарскую версію, якая не прэтэндуе на вычарпальнае асэнсаванне эпохі. Індывідуальная доказнасць, псіхалагічна-філасофская рэцэпцыя героя, пераацэнка аксіялагічных маральнаэтычных паняццяў у кантэксце часу, што падаецца як выклік чытачу, рэпрэзентуе прозу гэтага перыяду.

Паказальна, што Н.С. Лейцес вылучае ў рамане аб'ектыўны і суб'ектыўны змест, сцвярджаючы, што раман развіваецца як суб'ектыўнае быццё аўтарскай думкі, так і аб'ектыўнае быццё характараў, падзей. Калі браць раман у цэлым, то яго можна разумець як разгорнутае выказванне аўтара ў дыялогу з чытачом [1]. Як вядома, мастацкі пошук новай формы рамана нязменна спрыяе выяўленню новай тэмы, праблемы, адкрывае новыя мажлівасці эстэтычнага пазнання рэчаіснасці. У сваю чаргу, адкрыццё і засваенне новага зместу прадвызначае пошук новай мастацкай формы. У прыватнасці, аўтар пазбягае цэласнага адлюстравання рэчаіснасці рамане, постмадэрнісцкім якому характэрна змена класічнай формы, інтэрпрэтацыя хаатычнай плыні жыцця. У некласічным рамане асоба застаецца галоўным прадметам мастацкага даследавання, аднак асэнсоўваецца пісьменнікам не столькі ва ўзаемастасунках з грамадствам, колькі адасоблена ад акаляючага свету, у выніку чаго ўзнікае новы тып адносін паміж аўтарам і персанажам. суб'ектыўнага Узмацненне пачатку дэтэрмінуе змены жанравай формы.

Некласічны раман як мастацкую з'яву неадназначна ацэньваюць даследчыкі розных нацыянальных літаратур. Напрыклад, венгерскі літаратуразнаўца Міклаш Беладзі вылучае іншасказальны раман, дзе карэнным чынам змяняецца функцыя апавядальніка, эпічны элемент прадстаўлены мінімальна, героі могуць станавіцца сімваламі, а кампазіцыю твора можна назваць абстрактнай. Разам з тым, тое, "што гэты тып рамана губляе, ігнаруючы эпічную асязальнасць, ён можа вярнуць удумлівай маральна-этычнай сур'ёзнасцю пастаноўкі актуальных пытанняў. І такім чынам ён выконвае самае сучаснае прызначэнне рамана" [2, с. 105]. У цэлым мастацкая форма рамана выяўляе эстэтычную тэндэнцыю да заглыблення філасофскай праблематыкі, да інтэлектуальнай размовы, дыскусіі з чытачом. Думаецца, існуе пэўнае тыпалагічнае падабенства паміж інтэлектуальным і іншасказальным раманам.

Асноўная частка

Аднагеройны раман Алеся Асіпенкі "Лабірынты страху" (1991) вызначаецца глыбокім псіхалагізмам як на ўзроўні партрэта галоўнага персанажа, так і аўтарскага асэнсавання калектыўных паводзін. грамадскіх узаемаадносін. Твор адрозніваецца складанай структурнай арганізацыяй, пры гэтым сюжэтная лінія пра мінулае больш значная ў ідэйна-мастацкіх адносінах, чым аповед пра сучаснасць героя. Як зазначае В. Локун, "наколькі першы пласт, у якім апавядаецца пра дзень сённяшні, напісаны публіцыстычна, месцамі плакатна-інфармацыйна, настолькі рэтраспектыўны пласт вылучаецца вобразнай пластыкай і тонкім лірызмам" [3, с. 288]. Думаецца, стылёвая спецыфіка не столькі выяўляе мастацкія недахопы, колькі ілюструе прынцып адзінства формы і зместу, адметны ў рамане гэтай жанравай разнавіднасці. Ацэньваючы творчы вопыт Алеся Асіпенкі як працяг традыцыі філасофскай прозы, даследчыца слушна звяртае ўвагу на тое, што пісьменнік паспрабаваў разгледзець "гістарычную з'яву сталінізму як пэўную філасофію - філасофію, якая спарадзіла яшчэ і чарнобыльскі генацыд" [3, с. 288]. Мастак слова канцэптуальна скіраваны на духоўнае даследаванне мінулага, пошук і вызначэнне тых чалавечых фактараў, якія і сфарміравалі нормы грамадскіх паводзін у пісьменніцкай сучаснасці. Аўтар асэнсоўвае складанае і актуальнае пытанне: чаму небяспека чарнобыльскай трагедыі хаваецца ад грамадства, калі аварыя ўжо адбылася. Вытлумачэнне злачынных адносін кіруючых колаў знаходзіцца ў мінулым, якое ў значнай меры абумовіла маральна-этычнае аблічча сённяшняга. Такім чынам, сучаснасць сама па сабе мала цікавая чытачу, яна выступае прычынай і кропкай адліку мастацкага звароту ў мінулае, што паслядоўна заяўляецца і на ўзроўні стылёвых сродкаў. На прыкладзе выбранага героя Алесь Асіпенка раскрывае ўласную версію грамадскага працэсу ў псіхалагічных, маральна-этычных, гістарычных каардынатах, што дазваляе вызначыць "Лабірынты страху" як інтэлектуальны раман.

У цэнтры мастацкага дзеяння нетыповыя асоба з гаворачым прозвішчам, што выяўляе нейкую ступень аўтарскай іроніі. Біблейскае імя Серафім акцэнтуе ўвагу на таленавітасці героя, яго абранасці або патэнцыйнай гатоўнасці стаць носьбітам духоўнай ідэі, павесці за сабой іншых. Паказальна, што менавіта на прыкладзе такога персанажа, які вызначаецца чуллівасцю, спагадлівасцю, шчырасцю, чым прыкметна адрозніваецца яшчэ ў маленстве, па-мастацку даследуецца феномен страху. Як прызнаецца Алесь Асіпенка ў адным з інтэрв'ю, яго цікавіць не столькі фізічны страх, а страх як псіхалагічны стан, вытокі якога - у падсвядомасці: "Я імкнуўся прааналізаваць страх як вынік разгубленасці і згубы нармальнага чалавечага супраціўлення, часам згубы свядомай, якая суправаджалася стратай маральных каштоўнасцей. Лабірынты такога страху неабсяжныя" [4, с. 8]. Пісьменнікам прасочваецца светапоглядная дынаміка Серафіма Недасейкі, яго развішцё і выхаванне ў розныя перыяды жыцця, за чым угадваецца не толькі аўтарскае "я", але і зборны вобраз пакалення, якое, калі на метафарычным узроўні разглядаць матывацыю прозвішча, штосьці не дасеяла, не дазрабіла і г. д. Псіхалагічны феномен духоўна абяздоленага пакалення мае сур'ёзныя сацыяльныя прычыны, якія разглядаюцца пісьменнікам пачынаючы з сямейнага выхавання.

Як вядома, страх пачынаецца тады, калі з'яўляецца спрыяльная глеба. У рамане паслядоўна прасочваецца, што змяняецца роля сям'і, якой спрадвеку на-

канавана быць духоўным апірышчам у станаўленні асобы. Так, калі Серафіму спаўняецца чатыры гады, маці выходзіць другі раз замуж. Айчымам становіцца Марк Удоеў, першае ўспрыманне якога эмацыйна дакладнае, паколькі хлопчык па знешнасці прадчувае яго характар: "Чалавек быў нечым страшны: даўгатвары, круталобы, з чорнымі вусамі, гарбатым носам, вельмі жорсткімі вачамі [курсіў наш. $-\Gamma$. H.] і вялізным гарляком на худой шыі" [5, с. 57]. Напачатку маленькі герой крыўдуе, што айчым адбірае ў яго маці, яе ўвагу, і ў гэтай дзіцячай наіўнасці схаваны глыбокі сэнс. Сапраўды, Удоеў паступова адбірае ў Серафіма здольнасць давяраць, выяўляць спагаду, імкнецца зрабіць з пасынка сваё падабенства. Маленькі хлопчык яшчэ не ўмее адрозніваць дабро і зло, і ўся складанасць заключаецца ў тым, што Удоеў здольны ўвайсці ў давер, падабацца, напрыклад, за тое, што змагаецца з бандытамі. Пісьменнік раскрывае антаганістычную супрацьпастаўленасць асацыятыўна, напрыклад, праз эпізадычныя згадкі пра роднага бацьку Серафіма. З асобных дыялогаў чытач даведваецца, што ён расстраляны і што да гэтай справы мае непасрэднае дачыненне Удоеў. Трагічнасць сямейнага становішча пісьменнік давярае асэнсоўваць чытачу, які задаецца філасофскім пытаннем: ці мае забойца маральнае права выхоўваць сына сваёй ахвяры? Успаміны галоўнага героя выразна адлюстроўваюць, што айчым не шкадуе хлопчыка: выкарыстоўвае яго для высочвання сховішча чыкуноўскай банды, не звяртаючы ўвагу на небяспеку.

У літаратурнай крытыцы паслядоўна зазначаецца, што Удоеў мэтаскіравана, хоць і малазаўважна, уплывае на хлопчыка, чым нявечыць яго духоўны свет. Думаецца, гэта ўздзеянне варта разглядаць на сэнсаўтваральным узроўні, ацэньваць ідэйнае наватарства пісьменніка. Марк Удоеў у рамане сімвалічна ўвасабляе бязлітаснасць, жорсткасць у імя ідэі, непрымірыма супрацьстаіць гуманістычнай канцэпцыі свету. Як вядома, галоўны жыццёвы прынцып гэтага персанажа — вялікая мэта апраўдвае любыя сродкі ён гатовы ўжываць хутка і безаглядна. Не будзе перабольшваннем сказаць, што Удоеў выступае маральным антыподам маленькага Серафіма. Аўтар ненавязліва ілюструе няроўнасць герояў-антаганістаў, у выніку чаго раскрывае вытокі страху, яго псіхалагічныя прадумовы.

У Серафіма надзвычай трывалая повязь са спагадай, дабрынёй і чалавечнасцю. Гэта повязь атрымлівае духоўнае падмацаванне, калі хлопчыка забірае на выхаванне родны дзед. Малы трапляе ў заможную для тых часоў сялянскую сям'ю, якая прытрымліваецца спрадвечных нормаў паводзін. Духоўную надламанасць героя выразна раскрывае выпадак са смалянымі карчамі, якія падманам падгаварыў падпаліць дваюрадны брат Сцёпка. Серафім церпіць яго здзекі, але баіцца прызнацца дарослым. Калі ўрэшце адкрываецца праўда і дзед з лёгкасцю прабачае гэты ўчынак, тады для героя пачынаецца новае жыццё, актыўнае пазнанне свету, творчасць, вучоба. Аднак сацыяльныя рэаліі не дазваляюць асобе сфарміравацца ў спрыяльных абставінах. Раскулачана дзедава сям'я, і герой робіцца беспрытульнікам, вымушаны красці, хавацца. Як прызнаецца самому сабе, усё больш люцее, адчувае гэту змену да горшага, але не можа нічога зрабіць. Трапляе ў рукі праваахоўных органаў, дзе выпадкова сустракае Удоева, які вызваляе пасынка.

Здавалася б, праяўлены клопат павінен пайсці на карысць, абудзіць лепшыя памкненні ў спакутаванай душы. На самай справе хлопец апынуўся ў яшчэ горшым становішчы: зноў патрапіў пад негатыўны уплыў, у выніку чаго канчаткова акажацца, так бы мовіць, па той бок барыкады ад спагады і чалавечнасці. Серафім уступае ў камсамол, актыўна выконвае грамадскія даручэнні, але выяўляе сваю маральную аморфнасць. Напрыклад, хоць і з унутранай нязгодай,

але ўдзельнічае ў пераадоленні так званага кулацкага сабатажу. Так, калгаснікі ў Бялынавіцкім сельсавеце позняй халоднай вясной не пачалі сяўбу ў запланаваны час, у выніку некалькіх чалавек арыштоўваюць. Паказальны момант, калі Серафім з Удоевым едуць у вёску Бабінічы: "Серафім усё гадаў: сказаць Марку ці змоўчаць, што ў гэтай вёсцы жыў ягоны дзед, што тут яго, мабыць, ведае кожны сабака - не забыўся за тры гады. Рашыў - памаўчу. Авось на яго забыліся" [5, с. 299]. Аднак вяскоўцы маюць трывалую памяць: адзін з іх гаворыць Серафіму, што ніколі б не падумаў, што той павязе яго ў турму. Маральная трагедыя - у невінаватасці арыштаваных людзей, у тым, што сярод іх таксама дваюрадны брат Серафімавага дзеда, а вынесены канваірам прысуд гучыць як праклён: "Яны не людзі, калі і роднага бацьку могуць за панюх табакі прадаць" [5, с. 301-302]. Гэтыя ўспаміны выразна праектуюцца на сучаснасць, прадвызначаюць паводзіны ўжо сталага героя, між іншым, уганараванага званнямі і пашанай пісьменніка.

Такім чынам, Алесь Асіпенка раскрывае праблему ў аксіялагічным кантэксце. Асоба, якая маўкліва прымала ўдзел у такой ганебнай справе, пазней становіцца творцам, а значыць, трэтэндуе на тое, каб сцвярджаць маральны прыклад, выхоўваць іншых. Ужо сталы Серафім Іванавіч перакананы, што маўчанне золата, усведамляе сябе прадстаўніком "дужа напужанага" пакалення, пры гэтым бачыць сваю працу ў тым, каб павышаць аўтарытэт улады. Галоўны герой дбае пра пасаду, ужо маючы вядомасць, а значыць, нейкую незалежнасць. Важна, што матывацыя хаваецца не ў кар'ерысцкіх памкненнях: герой успрымае пасаду як гарант сваёй бяспекі, у выніку відавочна, што ім па-ранейшаму кіруе страх. Пісьменнік перадае пачуццё падсвядомай бояззі, якая скіроўвае ўчынкі героя, праз супастаўленне Серафіма Іванавіча з яго дваюрадным братам Алегам Максімавым.

Высланы ў маленстве разам з сям'ёю, Алег страціў родных, памяць пра малую радзіму і адчуванне сваяцкіх сувязей, у чым выяўляецца тыповая сацыяльная з'ява таго часу. Нягледзячы на "кулацкае" паходжанне, здолеў стаць аўтарытэтным вучоным, ён бачыць сваю мэту ў тым, каб займацца навукай, а не служыць уладзе. Гэты вобраз успрымаецца чытачом як лепшы, больш смелы варыянт Серафіма: нездарма апошні, чытаючы братавы нікому не вядомыя мастацкія творы, вымушаны прызнацца, што гэта напісана нібы ім самім, толькі лепш. Грамадскія ўмовы не дазвалялі надрукаваць напісанае, аднак Алег працягваў тварыць, не афішуючы свой аматарскі занятак, а значыць, не страціў здольнасці да маральнага супраціўлення.

Браты аказваюцца зусім побач з месцам чарнобыльскай трагедыі, становяцца яе непасрэднымі сузіральнікамі, яшчэ не ўсведамляючы ўсёй сур'ёзнасці сітуацыі. Алег праяўляе ініцыятыву да дзеяння, пад яго ўплывам імкнецца нешта зрабіць і Серафім, які, карыстаючыся сваім пісьменніцкім аўтарытэтам, спрабуе пагаварыць з вядомым Мікітам Леанідавічам. Гэта гістарычная асоба ў чалавечых адносінах вызначаецца "бессаромнай нахрапістасцю", не церпіць крытыкі, а таму зварот каштуе Серафіму пасады. Разгубленасць, няведанне, што рабіць, затоены страх нажыць непрыемнасці выяўляюць стан галоўнага героя і рэпрэзентуюць грамадскую сітуацыю ў цэлым, што і абумовіла найгоршыя наступствы трагедыі.

Калі Алесь Асіпенка выяўляе спалучанасць розных перыядаў, то Аркадзь Марціновіч рэпрэзентуе мінулае, памастацку даследуе грамадскую атмасферу падазронасці даваеннага і пасляваеннага часу ў маральна-этычных каардынатах. У аднагеройным рамане "Цень крумкачовага крыла" (1991) паказаны тыповы прадстаўнік свайго пакалення, якое мае сялянскія карані, у трыццатыя гады набывала адукацыю, напоўніцу зведала ва-

еннае ліхалецце. Іван Яворскі добрасумленны, адданы савецкай уладзе чалавек, у пасляваенны час працуе журналістам. Пісьменнік адлюстроўвае першыя гады мірнага жыцця, калі ў свядомасці асобы яшчэ жыве свежае ўсведамленне доўгачаканай, здабытай вялікай крывёй перамогі, а таксама цвёрдае спадзяванне, што новае жыццё будзе лёгкім і бесклапотным. Яворскі, які зведаў фінскую, Вялікую Айчынную войны, быў неаднойчы паранены, страціў усю сваю сям'ю, перакананы, што самы вялікі жах - гэта жах смерці. Здаецца, што ў мірны час, калі не будзе неабходнасці рызыкаваць жыццём, каб выканаць свой абавязак, нішто не перашкодзіць яму самому, як і многім іншым, стаць шчаслівым. Гэтым простым чалавечым чаканням, аплочаным вялікімі пакутамі, не суджана збыцца (як па асабістых прычынах, так і незалежных ад героя, абумоўленых грамадскімі фактарамі).

Шчыры чуйны i па характары, таленавіты, ЧЫМ падобны асіпенкаўскага Серафіма, Яворскі шчымліва перажывае з-за таго, што вымушаны хаваць таямніцу. Ён не ўказвае ў анкетах, а таксама нікому не гаворыць, нават блізкім сябрам, што з'яўляецца сынам "ворага народа". Гэта, як вядома, было сур'ёзнай плямай у біяграфіі. Галоўны герой, як і чытач, не сумняваецца ў невінаватасці бацькі, які сумленна выконваў даручэнні савецкай улады, хутчэй за ўсё быў арыштаваны з-за даносу нядобразычліўца. Яворскі падсвядома імкнецца ўцячы ад сваёй бяды, не жадае перажываць несправядлівага ганьбавання - выключэння з камсамолу, у выніку вырашае маўчаць: "Чалавек з цягам часу звыкаецца з усім - з хваробай, з бядой, з нягодамі; звыкся і Яворскі са сваім страхам, толькі страх гэты залез глыбей у нутро яму, нібы схаваўся там ад усіх і ад усяго" [6, с. 78-79]. Яворскі паступова аддаляецца ад свайго сябра – Віктара Раманіцкага, у якога асуджаны брат, пра што ўсім вядома. Галоўная

прычына — боязь, што такое сяброўства можа кінуць цень на яго самога, прынесці непрыемнасці. Іван і Віктар сустракаюцца пасля вайны, яны ўдвух ацалелі тады, калі многія іх таварышы загінулі. Яворскі ў хвіліну шчырасці адкрывае праўду — і траціць сябра, які палічыў такія паводзіны здрадлівымі.

Аркадзь Марціновіч імкнецца ўключыць чытача ў працэс самарэфлексіі галоўнага героя, прадмет якой даволі складаны, паколькі сам Яворскі адчувае сябе часткай існуючай сістэмы. Ужо маральна пасталеўшы, галоўны герой успамінае, што ў маленстве яму вялікую радасць даравалі кнігі, якія бацька прыносіў пасля раскулачвання заможных гаспадароў. Зведаўшы цану крыві і пакутам, Яворскі задаецца пытаннем: ці меў ён права карыстацца тымі кнігамі. Пытанне тым больш справядлівае, паколькі сам герой у выніку адчувае сябе мала карысным грамадству. Хоць ён і працуе з захапленнем, аднак паказвае рэчаіснасць прыхарошанай, замоўчвае праблемы, гучна рэкламуе нязначныя поспехі, як таго і патрабуюць няпісаныя правілы. Газетная праца вымушае шмат падарожнічаць, што дазваляе раскрыць розныя лакальныя сітуацыі, пра якія нельга было расказаць чытачам, але яны ўспрымаюцца як тыповыя для свайго часу.

Напрыклад, узмоцненымі тэмпамі праводзіцца калектывізацыя ў заходніх раёнах Беларусі, што асвятляе ў тым ліку газета "Голас селяніна", дзе працуе Яворскі. На адзін са сходаў, дзе будуць запісваць у калгас, вяскоўцы не збіраюцца, а, дакладней, хаваюцца ў лесе, што яскрава выяўляе як адносіны людзей да гэтай справы, так і ўсведамленне імі сваёй пасіўнай ролі. Яшчэ адзін рэспандэнт, франтавік, узнагароджаны ордэнам Славы, гаворыць журналісту Яворскаму не тое, што той хоча пачуць, а "нязручную" праўду: чаму ў немцаў не было так у сорак пятым, як у нас у сорак першым. Так, немцы ў сорак першым наступалі, іграючы на губных гармоніках, а нашы ў сорак пятым шмат крыві пралілі, нягледзячы на тое, што ўжо было больш і танкаў, і самалётаў. Паказальным эпізодам, які выўляе грамадскія настроі, выступае здарэнне ў газеце, што прыносіць шмат душэўных пакут галоўнаму герою: у прозвішчы Сталіна на першай старонцы выпадкова зроблена памылка. Яворскі маральна рыхтуецца да горшага: "Даводзілася чуць яму ад старых газетчыкаў, што ў трыццаць сёмым за падобную памылку давалі пяць ці дзесяць гадоў. Ды і цяпер не гладзяць па галоўцы за памылкі" [6, с. 437]. Цяпер жа, тлумачыць галоўны рэдактар, які сам вельмі баіцца, кожнаму забяспечана суровая вымова, калі толькі не дойдзе да Джанджгавы, бо тады кара можа быць якой заўгодна. Пад такім прозвішчам пададзены сумна вядомы Цанава, які на той час узначальваў дзяржбяспеку ў рэспубліцы.

Яворскі асабіста не кантактуе з Джанджгавам, яго злавесны вобраз складаецца ва ўяўленні галоўнага героя з аповедаў іншых людзей. Так, калі яго чорная машына імчыць па галоўным мінскім праспекце, ад яе збочваюць іншыя машыны. Пісьменнікам праводзіцца асацыятыўная паралель з крумкачом, які шукае сабе ахвяры. У цяні крумкачовага крыла, інакш кажучы, у вечным страху, прыходзіцца жыць усяму грамадству, у тым ліку Яворскаму, які навучыўся хаваць сваё пачуццё. Фінал рамана сімвалічна шматзначны: Яворскага збівае тая самая чорная машына, за чым угадваецца не столькі няшчасны выпадак, колькі сэнсавая заканамернасць. Затоены страх урэшце знішчае духоўны свет асобы, як сцвярджае аўтар сваёй філасофскай канцэпцыяй – забівае яе саму. Іншасказальны змест у рамане "Цень крумкачовага крыла" акцэнтуецца на ідэйна-мастацкім узроўні.

Заключэнне

Такім чынам, Алесь Асіпенка і Акрадзь Марціновіч па-мастацку ўвасабляюць індывідуальнае бачанне грамадскага ладу, выбіраюць прадметам асэн-

савання рэаліі, якія на час напісання твораў патрабавалі чытацкай ацэнкі. Пісьменнікі звязваюць агульнавядомыя маральнаэтычныя імператывы з псіхалагічнымі катэгорыямі, ствараюць партрэт асобы, паслядоўна рэканструюючы яе падсвядомасць, у псіхалагічным рэчышчы вытлумачваюць не толькі матывацыю ўчынкаў, але і вызначальныя грамадскія працэсы. Такі канцэптуальны падыход раскрывае новую ступень узаемаадносін "чалавек і свет": ва ўсёй складанасці ўзаемаўплываў, дзе кожны аспект мае сваё значэнне. Змястоўная форма беларускага рамана канца XX ст. паказальна ілюструе эмпатычны вектар: мастацкая ўвага акцэнтуецца на галоўным героі, за якім угадваецца асоба аўтара і які пры гэтым не суадносіцца з пераважна станоўчымі якасцямі, а надзелены і паказальнымі заганамі. У выніку мастакі слова адлюстроўваюць праблему "знутры", далучаюць чытача да яе актыўнага палемічнага ўспрымання.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

- 1. *Лейтес, Н. С.* Роман как художественная система / Н. С. Лейтес. Пермь : Перм. гос. ун-т, 1985. 80 с.
- 2. *Белади, М.* Возможности и перспективы романа. Есть ли у романа будущее... / М. Белади // Судьбы романа : сб. ст. ; пер. с англ., фр., итал., исп., нем., болг., рум. и словац. яз. М. : 1975. С. 99–105.
- 3. *Локун*, **В.** Творчы вопыт Алеся Асіпенкі / В. Локун // Полымя. 1996. № 7. С. 270—293.
- Марціновіч, А. Праз лабірынты страху і хлусні. Раман "Лабірынты страху" чытаюць аўтар Алесь Асіпенка і крытык Алесь Марціновіч // А. Марціновіч // ЛіМ. 1992. 15 мая. С. 8–9.
- Асіпенка, А. Лабірынты страху: раман / А. Асіпенка. Мінск: Маст. літ., 1992. – 447 с.
- Марціновіч, А. Цень крумкачовага крыла: раман / А. Марціновіч. – Мінск: Маст. літ., 1991. – 493 с.

Паступіў у рэдакцыю 28.03.2019 г. Кантакты: Novoseltseva.anna@mail.ru (Навасельцава Ганна Віктараўна)

Navaseltsava G. EMPATHY IN THE BELARUSIAN NOVEL OF THE LATE XX CENTURY.

The dynamics of the content of the novel in the late twentieth century is manifested through its innovative problem-thematic characteristics, distinctive philosophical conception, desire to involve the reader in the process of artistic reflection. Primary attention is paid to the main character who renders much of the author's worldview and acts as a typical representative of his time and of his generation. Psychological portrait is depicted through the subconscious mind of the hero. For example, Ales Asipenka and Arkady Martinovic explore the phenomenon of fear. Psychologically the writers explain moral and ethical development of the individual and determine social processes.

Keywords: novel, main character, artistic psychology, empathy vector, Ales Asipenka, Arkady Martinovic.

УДК 821.111(73)

СПЕЦЫФІКА ЎВАСАБЛЕННЯ МАТЫВУ ІНІЦЫЯЦЫІ Ў ЛІТАРАТУРНАЙ ВАЕННАЙ СПАДЧЫНЕ Дж. Дос ПАСАСА

3. І. Траццяк

кандыдат філалагічных навук, дацэнт Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт

Артыкул працягвае шэраг публікацый аўтара, прысвечаных вывучэнню амерыканскай прозы пра падзеі Першай сусветнай вайны. Разглядаецца матыў пасвячэння як адзін з канцэптуальных чыннікаў, што знітаваў багатую празаічную спадчыну Дж. Дос Пасаса, у чыёй творчасці паслядоўна разгледжаны падзеі 1914-1918 гг. (у аповесці "Пасвячэнне аднаго маладога чалавека – 1917", рамане "Тры салдаты" і трылогіі "ЗША"). Абапіраючыся на ўласны вопыт, набыты ў Старым Свеце, перыёдыку і дакументальныя матэрыялы першай трэці XX ст., мастак слова прасачыў працэс ініцыяцыі на ўзроўні прыватнай асобы, трох тыповых грамадзян ЗША і цэлага народа.

Ключавыя словы: Першая сусветная вайна, амерыканская літаратура, Дж. Дос Пасас, матыў пасвячэння, "амерыканская мара", "страчанае пакаленне".

Уводзіны

Зварот да падзей Першай сусветнай вайны ўгрунтаваны ў біяграфію Дж. Дос Пасаса. Будучы мастак слова ("ганаровы лейтэнант", "джэнтэльмен-кіроўца" ў медыцынскіх войсках) на свае вочы пабачыў вынікі выкарыстання сродкаў масавага вынішчэння, пазнаёміўся з прынцыпамі існавання ваеннай цэнзасвоіў новыя аксіялагічныя арыенціры. Дж. Дос Пасас - прадстаўнік той нацыі, якая на словах культывавала паслядоўную абарону правоў чалавека, прыйшоў да сумнай высновы: сусветнае ўзброенае супрацьстаянне не мела нічога агульнага з дэмакратычнымі законамі і агульнапрынятымі нормамі маралі.

© Траццяк 3. I., 2019

Атрыманы вопыт дазволіў пісьменніку разгледзець Першую сусветную з розных ракурсаў, стварыць яе "формулу":

"Свет – больш не забаўка толькі кулямётны агонь і пажары голад вошы блышыцы халера тыф ... няма хлараформу і эфіру тысячы памерлых ад гангрэнозных ран

санітарныя кардоны і шпіёны паўсюль" [1, р. 374].

Асноўная частка

Еўрапейскі тэатр баявых дзеянняў увасоблены ўжо ў дэбютнай аповесці "Пасвячэнне аднаго маладога чалавека — 1917" Дж. Дос Пасаса. Празаікпачатковец імкнуўся выканаць дадзенае самому сабе ў жніўні 1917 г. абяцанне: "Я так хачу здолець і пазней адлюстраваць усю трагедыю і агіднае хваляванне часоў вайны" (I want to be able to express, later — all of this — all the tragedy and hideous excitement of it) [2, p. 675].

Малады мастак слова сутыкнуўся з цяжкасцямі: зняў са свайго тэксту шэраг пасажаў, што маглі шакіраваць чытачоў. Ён фінансаваў выданне, якое не стала бестселерам: за першыя шэсць месяцаў продажу было рэалізавана толькі шэсцьдзясят тры копіі [3, р. 192–193]. Літаратурная крытыка не адразу звярнула ўвагу на твор, першыя рэцэнзіі з'явіліся пасля публікацыі рамана "Тры салдаты". У 1945 г. аповесць была перавыдадзена пад назвай "Першая сустрэча" ("First Encounter"). У савецкім літаратуразнаўстве кніга ўспрымалася выключна як "першы значны амерыканскі твор пра Першую сусветную вайну" [4, c. 284].

Дж. Дос Пасас, разважаючы пра свае творы, заўважыў, што яго літаратурны дэбют увасобіў псіхалогію прадстаўніка пакалення, якое "гадавала-

¹ The world's no fun anymore, only machinegunfire and arson starvation lice bedbugs cholera typhus

 $[\]dots$ no chloroform or ether thousands dead of gangrened wounds

cordon sanitaire and everywhere spies

ся падчас ціхамірнага скону дзевятнаццатага стагоддзя" (the Americans of my generation, raised as we were during the quiet after glow of the nineteenth century) [5, р. 862] і не магло падрыхтавацца да татальнага ўзброенага канфлікту, што распачаўся ў жніўні 1914 г. Таму аднагодкі ды і сам аўтар перажылі нешта надзвычайнае, тое, што празаік назваў "пасвячэннем / ініцыяцыяй". Пазней Р.Г. Дэйвіс падкрэсліў, што гэты працэс калейдаскапічны, бо персанаж сутыкаўся з рознымі праявамі эпохі: смерцю, жахам, парыжскімі норавамі, жанчынамі, крадзяжамі, разбэшчанасцю, анархізмам і каталіцтвам (There is not just one initiation but a whole series of them – encounters with death, fear, Paris, women, theft, corruption, anarchism, Catholicism) [6, р. 10]. На наш погляд, у аповесці занатавана духоўная трансфармацыя асобы, якая не магла дасягнуць пачуцця гармоніі з сабой і светам. Такім чынам, празаік перагледзеў асноўныя набыткі "рамана выхавання", дапасаваўшы іх да часоў сусветнага ўзброенага канфлікту.

Ужо ў першым рамане Дж. Дос Пасас заўважыў, што падарожжа ў Стары Свет — пачатковая прыступка на шляху персанажа да новай самаідэнтыфікацыі. Карабель паўстаў як каўчэг, што на кароткі час адмежаваў дзейных асоб і ад "амерыканскай мары", і ад "вайны, што скончыць усе войны". Сярод пасажыраў вылучалася экзальтаваная дзяўчына, што верыла прапагандысцкім лозунгам, маладыя авантурысты, якія марылі пра фронт — месца, дзе мажліва пазбавіцца ад нуды, інтэлігенты-летуценнікі, якія вырашылі ахвяраваць жыццём дзеля чалавецтва.

Ізаляваныя ад заходняй цывілізацыі, што захварэла на Першую сусветную, яны, як некалі героі "Дэкамерона" Дж. Бакача, бавілі час, пераказваючы нарысы з перыёдыкі, чуткі і аповеды сведкаў вайны ды разважаючы пра яе страшэнныя рэаліі. Не зусім дакладныя звесткі тым не менш закрэслівалі зразумелае і звыклае. У персанажаў узнікла пытанне, як

адносіцца да сыходу ў нябыт пад уздзеяннем сродкаў масавага вынішчэння. Нават неафіты ў пытаннях татальнай вайны здагадваліся, што смерць, напрыклад, ад удушша зневажае асобу: "З гэтым новым газам нічога немагчыма зрабіць... Лёгкія парахнеюць, як быццам бы яны гніюць разам з рэштай трупа. У шпіталях гаротнікаў прыхіляюць да мура і пакідаюць паміраць. Кажуць, што скура зелянее" (There's nothing they can do against this new gas ... It just corrodes the lungs as if they were rotten in a dead body. In the hospitals they just stand the poor devils up against a wall and let them die. They say their skin turns green) [7, p. 12].

Новы еўрапейскі асяродак уразіў шараговага амерыканца, бо нагадваў пра мінулае, недасяжнае ў Новым Свеце. Даўнія ўзброеныя канфлікты літаральна ажывалі перад вачыма тых, хто не так даўно хаваўся ад амерыканскай рэчаіснасці ў разважаннях пра еўрапейскае Сярэднявечча і думках пра спадчыну Блэйка і Шэлі. Рамантычнанастальгічны настрой меў выразныя наступствы: "У назвах станцый паўстала старая вайна, аж да таго, што паводка з пунсовых макаў здавалася крывёй змагароў, забітых ва ўсе часы" (in the names of the stations rose old war, until the floods of scarlet poppies seemed the blood of fighting men slaughtered through hall time) [7, p. 18].

Пазней ваенная рэчаіснасць засведчыла сваё сапраўднае аблічча: "Шэразялёны парваны камуфляж дрыжэў на фоне жоўтага зіхоткага неба ці абвіваўся вакол чорных вычварных дрэў без лісця... Уздоўж дарогі перавернуты артылерыйскі транспарт, забітыя мулы, што заблыталіся ў пастронках і ляжалі каля разварочаных скрыняў з боепрыпасамі, нагрувашчаныя ў кучу трупы... напаўпахаваныя ў брудзе з равоў" (Torn camouflage fluttering greenish-gray against the ardent yellow sky, and twining among the fantastic black leafless trees, the greenish wraiths of gas. Along the road scam ions over turned,

dead mules tangled in their traces besides hattered caissons, huddled bodies ... half buried in the mud of the ditches) [7, р. 82]. Апакаліптычны малюнак з цяжкасцю аналізаваўся персанажам, які не так даўно жыў ва ўпарадкаваным свеце. Стваралася ўражанне, што дзейная асоба знарок супраціўлялася спробе перабудаваць свядомасць, і таму сапраўдныя інтэлектуальныя здольнасці падаўляліся інстынктам самазахавання.

Дж. Дос Пасас, як асоба, заглыбленая ў кніжную культуру, спрабаваў разгледзець онидиніні на вайне праз павелічальнае папярэд-ШКЛО няй літаратурнай традыцыі. Франтавая рэчаіснасць параўнана з падзеямі ў кнізе Л. Кэрала "Аліса ў Залюстроўі". Назіранні за бойняй на Марне ўзмацняліся асацыяцыямі, якія прыпадабнялі вайну да пантамімы і выступу цыркачоў (ап ill-intentioned Drury Lane pantomime, like all the dusty futility of Barnum and Bailey's Circus) [7, р. 25]. Паводле пісьменніка, баявыя дзеянні-пантаміма павінны скончыцца выбухам рогату, накіраванага супраць абсурду. Апанаваўшы і радавых, і камандаванне, смех мог адолець татальную вайну (someday ... people everywhere, in all uniforms ... would jump to their feet and burst out at the solemn inanity, at the stupid, vicious pomposity of what they were doing) [7, p. 52]).

Амерыканскі празаік імкнуўся разбурыць стэрэатыпныя ўяўленні пра ворага. Свае першыя назіранні Дж. Дос Пасас занатаваў у лістах з Еўропы, датаваных 1917 г.: На фронце "няма каго ненавідзець, акрамя гаротнікаў па другі бок нейтральнай прасторы, пра якіх мы ведаем, што яны такія ж няшчасныя, як i мы" (people don't hate much at the front; there's no one to hate, except the poor devils across the way, whom they know to be as miserable as themselves) [2, p. 679]. У аповесці "Пасвячэнне аднаго маладога чалавека - 1917" галоўны персанаж не адчуваў антаганізму да ворага: "Дзіўна нават падумаць, наколькі мы бліжэйшыя

да немцаў, чым да каго-небудзь іншага" (it is funny to think how much nearer we are ... to the Germans than to anyone else) [7, р. 34]. Спрабуючы выратаваць параненага палоннага, Марцін засвоіў, што вораг — не пачвара, а перш за ўсё — чалавек. Аўтар падкрэсліў: "Кроў і пот змылі ўсю нянавісць і хлусню" (they were washed out, all the hatreds, all the lies, in blood and sweat) [7, р. 104].

У надзвычайных абставінах персанаж адчуў патрэбу паяднаць актуальныя працэсы з нечым архетыповым. У дадзеным выпадку паралелі нарадзіліся, калі Марцін натрапіў на драўляную скульптуру Збавіцеля пад дажджом. Персанаж, які востра адчуваў адзіноту, заўважыў, што нехта спавіў галаву Ісуса калючым дротам (where the crown of thorns had been about the forehead of the Christ someone had wound barbed wire) [7, р. 71]). Герой паяднаў выяву бога-чалавека з радавымі, якія ахвяравалі жыццём. Адзінае адрозненне ад біблейскага сюжэту - дэвальвацыя ідэі выратавання. Замест маральнага ўзыходжання, гартавання лепшых якасцей збавіцеля ў вайсковай форме чакала падарожжа ў замкнёную прастору сховішча, куды ён трапляў у час артабстрэлу ці газавай атакі і дзе ён літаральна губляў годнасць і чалавечае аблічча.

Дж. Дос Пасас пакінуў фінал аповесці адкрытым, прадчуваючы, што ён звернецца да Першай сусветнай вайны як крыніцы звышактуальных тэм, якія патрабавалі грамадскага абмеркавання. Асобныя вынікі "пасвячэння" відавочныя: вайна — новы тып духоўнага зняволення, забойства часам можа ператварыцца ў прафесію і штодзённую патрэбу.

Дж. Дос Пасас працягнуў разважанні пра пасвячэнне на вайне ў рамане "Тры салдаты". Аўтар абраў тры мадэлі ініцыяцыі: перажытае музыкам Эндрузам, фермерам Крысфілдам і гандляром Ф'юзэлі. Паводле Я. Засурскага, пісьменнік "адмовіўся ад апісальнасці і адышоў ад аўтарскай мовы, імкнучыся характарызаваць сваіх герояў праз іх мову, стыль мыслення і паводзіны"

[8, с. 8]. Першы крок на шляху да нязведанага – служба ў войску ЗША. Паводле Дж. П. Бішапа, у рамане "армія ператварылася ў сімвал усіх сістэм, якімі людзі спрабуюць раздушыць сабе падобных" (the army becomes a symbol of all the systems by which men attempt to crush their fellows and add to the already unbearable agony of life) [9, p. 26]. Крытык літаральна перафразаваў Дж. Дос Пасаса, які ўклаў у вусны Эндруза наступнае: "Што з таго, што баі скончыліся? Арміі працягнуць перамолваць жыцці жыццямі" (What did it matter if the fighting had stopped? The armies would go on grinding out lives with lives) [10, p. 245].

Такая канцэпцыя вайсковай службы выклікала дыскусію ў шэрагах чытачоў і крытыкаў, якія паспелі зведаць армейскую дысцыпліну часоў Першай сусветнай. К. Даўсан адзначаў: "Гэта – ці то ганебны паклёп, ці то агідная праўда" (It is either a base libel or a hideous truth) [11, р. 27]. У абодвух выпадках ніхто не мог застацца ў баку ад такой надзвычайнай сітуацыі. Так сталася з Н.Ш. Холам, які ўспрымаў раман як зняважлівую хлусню, што ганьбіла амерыканскую літаратуру [12]. Паводле асобных тыпалагічных рыс (антываенная скіраванасць, непрыхарошанае адлюстраванне франтавой рэчаіснасці, радавы салдат у якасці дзейнай асобы) кніга неаднаразова была параўнана з раманам "Агонь" А. Барбюса [13; 14].

Ініцыяцыя праходзіла паводле пэўнага сцэнарыя: ваенная ці армейская штодзённасць рабілі асобу "чужой" у дачыненні да сябе. Ф'юзэлі заўважыў адчужанасць, калі яго надзеі на вайсковую кар'еру загінулі; Крысфілд – калі ўсвядоміў пачуццё дыскамфорту ад выбухаў некантралюемай агрэсіі. Больш за ўсё нязвыклае становішча хвалявала Эндруза, які заўважыў захады знішчыць яго індывідуальнасць яшчэ ў падрыхтоўчым лагеры.

Паводле Дж. Дос Пасаса, адным з сімвалаў адчужэння стала салдацкая

форма. Пасля абмывання ў рацэ Эндруз адзначыў: "Я ніяк не магу зноў надумацца апрануць гэтыя рэчы, ліха на іх... Я адчуваю сябе настолькі чыстым і вольным. Гэта як добраахвотна ўлезці ў бруд ці зноў пайсці ў рабства" (I can't make up my mind to put the damn thing on again ... I feel so clean and free. It's like voluntarily taking up filth and slavery again) [10, p. 165].

Наступнай прыступкай на шляху да пасвячэння было ўсведамленне таго, што "шырокамаштабная мілітарызацыя амерыканскага грамадства - і цывільных, ваенных стварыла надзвычай дысцыплінаванае, канфармісцкае і няграмадства" (the broad-based чулае militarization of the American public, both as civilians and soldiers, has created an overly disciplined, conformist, and desensitized populance) [15, pp. 230-231]. Глыбей за ўсё дадзеная выснова закранула музыку-інтэлектуала, які не паразумеўся з "чужымі" яму амерыканцамі, што вымагалі ад творчай асобы нявартай ахвяры: застацца ў войску пасля заканчэння Першай сусветнай.

Пасвячэнне мела на ўвазе знаёмства са спецыфікай узаемаадносін у амерыканскім войску. Дж. Дос Пасас не збіраўся ствараць ідылію, таму некаторыя з яго персанажаў-афіцэраў успрымалі падначаленых як "нехлямяжы механізм, нешта сярэдняе паміж чалавекам і сабакам" (a coarse automaton, something between a man and a dog) [10, p. 239]. Такія назіранні паралельна распаўсюджваліся і на ворага.

Пісьменнік, які захапляўся кінамастацтвам - "галоўным паплечнікам ў вызваленні ад жаху гісторыі і блукання па яе міфалагічных і лінгвістычных лабірынтах" [16, с. 385], заўважыў, што прапаганда ператварала кінастужкі ў ідэалагічную зброю, якая гадавала нянавісць да "чужога". Успрыманне прапанаваных візуальных вобразаў вар'іравалася ў залежнасці ад розных Крытычнае стаўленне да фактараў. інфармацыі характарызавала Эндруза, які з недаверам глядзеў ці чытаў пра варвараўгунаў і герояў-амерыканцаў. Ён адчуваў, як у думках яго таварышаў "нянавісць варушылася як нешта, што жыло ўласным жыццём" (hatred stirred like something that had a life of its own) [10, р. 23]. Па-іншаму тыя ж кінастужкі ўспрымалі Ф'юзэлі і Крысфілд. Канфармісцкі лад мыслення не дазваляў ім шырэй зірнуць на падрыхтаванае ідэолагамі.

Аповесць "Пасвячэнне аднаго маладога чалавека – 1917" і раман "Тры салдаты", на наш погляд, засведчылі, што праблема ініцыяцыі падчас вайны не можа быць вычарпанай толькі на прыкладзе некалькіх дзейных асоб. Дж. Дос Пасас распачаў новы эксперымент у трылогіі "ЗША" ("42-я паралель", "1919", "Вялікія грошы"). Мастак слова працягнуў свае росшукі, увасобіўшы ініцыяцыю краіны, адчуваючы, што "дваццатае стагоддзе будзе амерыканскім. Амерыканскі лад мыслення будзе дамінаваць. Прагрэс у ЗША дадасць свету колераў і кірункаў развіцця" (The twentieth century will be American. American thought will dominate it. American progress will give it color and direction) [17, p. 12]. Маштабны праект дазволіў прасачыць светапоглядныя змены розных сацыяльных груп: ад радавых салдат да вайсковай эліты, ад прадстаўнікоў бізнесу да звычайных працоўных, ад майстроў прапаганды да спажыўцоў іх прадукту, ад вытанчаных інтэлектуалаў-экспатрыянтаў да носьбітаў стэрэатыпнага мыслення і інш.

Пісьменнік, на той момант захоплены ідэямі сацыялістычнага будаўніцтва, фрагментарна ўвасобіў перараджэнне Расійскай імперыі (згадваюцца падзеі 1905 і 1917 гг., падаецца інфармацыя пра забойства царскай сям'і, расказваецца пра ўсталяванне новага дзяржаўнага ладу) у новае грамадска-палітычнае ўтварэнне і "ініцыяцыю" яе былых насельнікаў (у тым ліку і беларусаў — прадстаўнікоў "малога народа", які па выніках сусветнай вайны намінальна атрымаў права на нацыянальнае і дзяржаўнае самавызначэнне). Яго накіды стварылі альтэрнатыўную гісторыю, якая ўваходзіла ў складаныя ўзаемаадносіны з перажытым грамадзянамі ЗША, што сачылі за нязнаным у свеце савецкім эксперыментам.

Трылогія ўспрымаецца як каштоўная напаўдакументальная крыніца па гісторыі ЗША, у тым ліку часоў Першай сусветнай вайны. Увасабленне ўзброенага супрацьстаяння займае адно з цэнтральных месцаў, у асноўным у рамане "1919", названым М. Рос "слоўнай сімфоніяй ваенных гадоў" (a word- symphony of the war years) [18, р. 102]. Аднак поўнамаштабны малюнак узнікае пасля знаёмства з трыма творамі, дзе занатавана здзіўленне, што апанавала жыхароў Новага Свету на самым пачатку вайны; пазней яно саступіла месца абурэнню з нагоды ўчынкаў варвараў-гунаў (яго апафеоз супаў з падарожжам "Лузітаніі"). Далей увасоблена эйфарыя, якая апанавала большасць амерыканцаў пасля абвяшчэння таго, што ЗША направяць свой экспедыцыйны корпус у Еўропу. Некалькі эпізодаў прысвечаны вопыту, набытаму амерыканскімі салдатамі і добраахвотнікамі ў шэрагах Чырвонага Крыжа. Высновы "джэнтэльменаў-кіроўцаў", зробленыя пад уплывам ваенных падзей, супалі з думкамі самога аўтара, які сфармуляваў іх так: "Гэта пекла, калі табе прыходзіцца саромецца, што належыш да сваёй нацыі ... Клянуся, я саромлюся, што я – чалавек ... Спатрэбіцца, каб мяне захлынула нейкая выбітная хваля надзеі, падобная да рэвалюцыі, толькі тады я зноў пачну паважаць сябе" (It's a hell of a note when you have to be a shamed of belonging to your own race. ... I swear I'm a shamed of being a man ... it will take some huge wave of hope like a revolution to make me feel anyself respect ever again) [1, p. 520].

Паказальна, што Дж. Дос Пасас звярнуўся да вопыту цывільных (у асноўным жанчын), якія зведалі асобныя праявы катаклізму: ад паветраных абстрэлаў парыжскіх вуліц да побыту ў франтавых шпіталях. У кнігах знайшлося месца аповедам пра шпіёнаманію,

уплыў цэнзуры на шараговага амерыканца. Асобна занатавана супярэчлівая рэакцыя і амерыканцаў, і еўрапейцаў на "14 пунктаў" В. Вільсана, іншыя ідэі, звязаныя з упарадкаваннем свету пасля вайны. Празаік не абышоў увагай і працэс вяртання да мірнага існавання, якое ў ЗША звязана з развіццём прыватнага бізнесу, прамысловасці. Краіна кіравалася ў свет "вялікіх грошай", якія, паводле Дж. Дос Пасаса, ператварыліся ў новы тып каштоўнасцей і ў масавай свядомасці канчаткова занялі месца, некалі аддадзенае дэмакратычным ці хрысціянскім ідэалам.

На пачатку 1920-х гг. мастак слова пачаў выпрацоўваць арыгінальную манеру выкладу матэрыялу, заснаваную на прыёме мантажу. Паводле А. Зверава, "сам тып мантажу, што вабіў Дос Пасаса <...>, стаўся плённым толькі ў літаратуры, якая малявала рэчаіснасць у перыяды высокага гістарычнага напружання" [19, с. 514]. Пісьменнік адмовіўся ад паслядоўнага выкладу матэрыялу і аддаў перавагу аповеду, які кіраваўся ўнутранай логікай развіцця. М. Джавахідзэ, разважаючы пра творы празаіка, падкрэсліла, што прафесійныя веды паўплывалі на іх будову: "законы архітэктуры і жывапісу арганічна зліліся з законамі апавядальнай тэхнікі" [20, с. 21]. Зазначым, што аповедавая стратэгія Дж. Дос Пасаса не адзіная спроба ўвасобіць зменлівую атмасферу першай трэці ХХ ст. Так, Э. Хемінгуэй эксперыментаваў з прыёмам мантажу ў зборніку апавяданняў "У наш час", паяднаўшы пад адной вокладкай асобныя журналісцкія замалёўкі і непасрэдна мастацкія творы.

Заключэнне

Празаічная спадчына Дж. Дос Пасаса, прысвечаная падзеям Першай сусветнай вайны, што паўсталі ў больш шырокім гістарычным кантэксце, знітаваная ў адзіны ідэйны комплекс дзякуючы матыву ініцыяцыі: вопыт пэўнай асобы ("Пасвячэнне аднаго маладога чалавека—1917") саступіў месца перажытаму трыма

больш-менш тыповымі грамадзянамі ЗША ("Тры салдаты"), каб пазней узбуйніцца да малюнкаў нацыянальнага маштабу (трылогія "ЗША"). У выпадку з пакаленнем Дж. Дос Пасаса, вопыт якога так ці інакш занатаваны ў дадзеных кнігах, ініцыяцыя мела шэраг вынікаў. Нехта не вытрымліваў выпрабавання і канчаў жыццё самагубствам, іншыя зняверыліся ў гуманістычных каштоўнасцях і пагадзіліся на функцыю шрубкі ў механізме вайны. Існавалі выпадкі, калі асоба, адчуваючы аксіялагічны крызіс, часова апранала маску цыніка, каб схаваць уласную разгубленасць. Паводле мар самога мастака слова, ідэальным вынікам ініцыяцыі павінна было стаць нараджэнне чалавека, што прыняў ідэі сацыялізму, вырашыў прысвяціць сябе іх распаўсюджванню.

Поруч з грамадска-палітычнымі працэсамі на радзіме (невырашальныя расавыя і рэлігійныя праблемы, крызіс комплексу ідэй пад назвай "амерыканская мара", пошукі альтэрнатыўных, часцей за ўсё сацыялістычна афарбаваных шляхоў упарадкавання амерыканскага жыцця) персанажы асацыявалі сваё пасвячэнне са знаёмствам з еўрапейскім быццём і радыкальна новымі правіламі існавання на абсягах былой Расійскай імперыі. Вопыт Дж. Дос Пасаса адбіўся на яго канцэпцыі Першай сусветнай вайны, што паўстала як адмысловая, татальная, невылечная хвароба, якая апанавала і асобнага індывіда, і самыя розныя нацыі па абодва бакі акіяна. Праявамі такога паталагічнага стану пісьменнік лічыў цэнзуру, дасягненні прапагандысцкай машыны, адчужанасці, што нараджалася ў чалавека, які знаёміўся з сутнаснымі праявамі ўзброенага канфлікту.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

- 1. *DosPassos, Jh.* 1919 / Jh. DosPassos // USA. The Library of America, 1996. Pp. 357–761.
- Dos Passos, Jh. Letters and diaries 1916–1920 / Jh. Dos Passos // Travel Books and Other Writings 1916 1941. The Library of America, 2003. Pp. 635–800.

- Ludington, T. John Dos Passos: A Twentieth Century Odyssey / T. Ludington. New York: Dutton, 1980. – 608 p.
- Засурский, Я. Джон Дос Пассос / Я. Засурский // История литературы США. Литература между двумя мировыми войнами. Том VI, книга 1 / редкол.: Я. Засурский (гл. ред.) [и др.]. – М.: ИМЛИ РАН, 2013. – С. 283–308.
- Dos Passos, Jh. One Man's Initiation:
   1917. A Preface Twenty-Five Years Later / Jh. Dos Passos // Novels 1920– 1925. – New York, Literary Classics of the United States, Inc., 2003. – Pp. 862–864.
- Davis, R.G. John Dos Passos / R.G. Davis. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1962. 47 p.
- Dos Passos, Jh. One Man's Initiation / Jh. Dos Passos. – New York, George H. Doran Company, 1922. – 128 p.
- 8. Засурский, Я. Введение / Я. Засурский // История литературы США. Литература между двумя мировыми войнами. Том VI, книга 1 / редкол.: Я. Засурский (гл. ред.) [и др.]. М.: ИМЛИ РАН, 2013. С. 5–11.
- Bishop, Jh. P. Review / Jh. P. Bishop // John Dos Passos: The Critical Heritage / ed. by B. Maine. – London, New York, Routledge, 2005. – Pp. 25–26.
- Dos Passos, Jh. Three Soldiers / Jh. Dos Passos. – New York: The Modern Library, 1932. – 471 p.
- Dawson, C. Insulting the Army / C. Dawson // John Dos Passos: The Critical Heritage / ed. by B. Maine. – London, New York, Routledge, 2005. – Pp. 27–29.
- 12. *Hall, N. Sh.* 'John Dos Passos Lies!' / N. Sh. Hall // John Dos Passos: The Critical Heritage / ed. by B. Maine. London, New York, Routledge, 2005. Pp. 39–41.
- Canby, H. S. Human Nature under Fire / H.S. Canby // John Dos Passos: The Critical Heritage / ed. by B. Maine. – London, New York, Routledge, 2005. – Pp. 31–34.
- 14. Men at War: The Best War Stories of All Time / Edited with an introduction by E. Hemingway, based on a plan by W. Kozlenko. – New York: Bramhall House, 1955. – 1072 p.
- 15. Matthews, Jh. T. American Writing of the Great War / Jh.T. Matthews // The Cambridge Companion to the Literature of the First World War / ed. by V. Sherry. –

- Cambridge : Cambridge University Press, 2005. Pp. 217–242.
- 16. Толмачёв, В. Поиск новой романной формы в творчестве Дж. Дос Пассоса, Дж. Стейнбека, Т. Вулфа / В. Толмачёв // Зарубежная литература XX века: в 2 т.: учебник для академического бакалавриата / под ред. В. Толмачёва. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во Юрайт, 2014. Т. 1: Первая половина XX века. С. 382—395.
- Dos Passos, Jh. The 42nd Parallel / Jh. Dos Passos // USA. – The Library of America, 1996. – Pp. 5–356.
- Ross, M. Review / M. Ross // John Dos Passos: The Critical Heritage / ed. by B. Maine. – London, New York, Routledge, 2005. – Pp. 77–79.
- Зверев, А. Монтаж / А. Зверев // Художественные ориентиры зарубежной литературы XX века. – М.: ИМЛИ РАН, 2002. – С. 507–522.
- Джавахидзе, М. Эволюция Джона Дос Пассоса-романиста (20–40-е гг.): дис. ... канд. филол. наук: 10.01.05 / М. Джавахидзе. – М.: МГУ им. Ломоносова, 1992. – 146 л.

Паступіў у рэдакцыю 05.01.2019 г. Кантакты: zoya.tretyak@rambler.ru (Траццяк Зоя Іванаўна)

Tratsiak Z. SPECIFIC FEATURES OF INITIATION MOTIF IN JH. DOS PASSOS WAR LITERARY LEGACY.

The article continues a series of the author's publications on the study of American literature about the First World War events. The initiation motif is considered as one of the conceptual phenomena that joined Jh. Dos Passos's rich prosaic legacy, where the writer consistently addressed the events of 1914–1918 ('One Man's Initiation – 1917', 'Three Soldiers' and the trilogy "U.S.A''). Considering his own experience gained in the Old World, periodicals and documentary materials of the first third of the twentieth century the writer traced the process of initiation with the regard to one person, three typical US citizens, and the whole nation.

Keywords: the First World War, American literature, Jh. Dos Passos, initiation motif, 'American dream', 'lost generation'.

УДК 81'373.611

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПАРА КАК КОМПОНЕНТ МОДЕЛИРОВАНИЯ ФРАГМЕНТОВ СИНТЕЗИРОВАННЫХ ЛЕКСИКО-СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ГНЕЗД (литературный язык / говоры)

А. Э. Мамедова

аспирант Гродненский государственный университет имени Я. Купалы

Данная статья посвящена описанию словообразовательных пар, выступающих как неотъемлемые компоненты при моделировании различных фрагментов синтезированных лексико-словообразовательных гнезд. Сопоставительный анализ словообразовательных подсистем русского литературного языка и говоров позволяет выявить и описать различные типы словообразовательных пар с учетом формально-смысловых особенностей, связывающих производящее и производное, а также их положением в соответствующей подсистеме: словообразовательные пары, члены которых относятся к разным подсистемам языка; лексико-словообразовательные пары как объединения однокоренных слов с наличием единицы, выражающей когнитивно значимую семантику: собственно диалектные словообразовательные пары. При сопоставлении системы литературного языка и говоров особое значение имеет выявление единиц с когнитивно значимой семантикой, не имеющих в системе литературного языка однословного выражения.

Ключевые слова: словообразовательная пара, фрагменты словообразовательных гнезд, говоры, когнитивно значимая семантика, лексико-семантический вариант.

Введение

В данной статье особое внимание уделяется рассмотрению словообразовательной пары как минимальной комплексной единицы системы словообразования в рамках сопоставления деривационных потенциалов русского литературного языка и языка русских народных говоров.

Целью данной статьи является рассмотрение словообразовательных пар в качестве компонентов моделирования фрагментов синтезированных лексико-словообразовательных гнезд (русский литературный язык/говоры).

По мнению В.Г. Фатхутдиновой, вопрос об основной единице синхронного словообразования, неразрывно связан с его центральным понятием — понятием словообразовательной мотивации, а также с возможностью идентифицировать эту единицу в других деривационных структурах. Поэтому в качестве основной единицы словообразовательного уровня языка и в качестве оперативной единицы сопоставительного словообразования исследователь предлагает использовать словообразовательную пару [1, с. 94].

Таким образом, словообразовательная пара - это реальная, онтологическая языковая единица, уникальность которой определяется лексическим значением слов, ее составляющих. В то же время словообразовательная пара - единица метаязыковая, поскольку ее члены вступают между собой в определенные отношения: "они включают в себя общий идентифицирующий компонент - мотивирующую базу, по которому идет сопоставление, и дифференцирующий компонент – аффиксы-форманты, по которому идет противопоставление. Это дает основание квалифицировать отношения в словообразовательной паре как парадигматические" [2, с. 306] и, следовательно, позволяет ее считать минимальной классификационной единицей. Такой синкретизм делает словообразовательную пару универсальной элементарной единицей при описании различных деривационных структур. В составе более крупных словообразовательных единиц - словообразовательной цепочки, парадигмы и гнезда - она оказывается вовлеченной в синтагматические, парадигматические и иерархические отношения, что также подтверждает ее статус элементарной классификационной единицы [1, с. 94].

Основная часть

Как известно, члены словообразовательной пары связаны между собой и формально, и семантически. В формальном отношении производное представляет собой сочетание производящего и форманта. Значение производного слова формируется на базе семантики производящего. Каждое производное слово возникает на базе строго определенного значения производящего [3, с. 612]. По мнению А.В. Никитевича, "с позиций ономасиологии, когнитивной лингвистики любое производное слово заслуживает внимания как результат своеобразной конденсации материальных и семантических потенций языка. Значение производного слова как определенная конфигурация когнитивно значимых компонентов может оказаться реализованным в любой из его подсистем, будь это литературный язык или диалектная речь" [4, с. 153]. Поэтому вполне возможно рассмотрение не только словообразовательных пар, представляющих одну из подсистем (литературный язык или говоры), но таких, которые являются своеобразным межподсистемным объединением [5, с. 162].

Примером словообразовательных пар подобного типа могут послужить следующие объединения родственных слов: с известным в литературном языке глаголом веселить словообразовательную пару составляет диалектное наименование лица веселитель 'тот, кто веселит кого-либо; увеселитель'. Смол., 1914 [6, вып. 4, с. 179–180]. В "Словообразовательном словаре" обнаружена лексема увеселитель [7, с. 157], однако слово веселитель отсутствует. Деликатный деликатик, а, м. 'деликатный, человек' Калуж., 1905-1921 [6, вып. 7, с. 342]. В словаре А.Н. Тихонова в словообразовательном гнезде слова деликатный отсутствует наименование лица [7, Т. 1, с. 284]. Горло – горловить 'кричать; добиваться чего-либо криком' [6, вып. 7, с. 41]. В "Словообразовательном словаре" А.Н. Тихонова в составе словообразовательного гнезда с основой горло указан только глагол горланить и его производные, образующие своеобразную префиксальную парадигму (за-, по-, про-). В данном случае интерес представляет не только наличие глагола с подобной морфемной структурой, но и значение ('добиваться чего-либо криком'), которое в системе литературного языка невозможно выразить одним словом.

Возможно рассмотрение собственно диалектной словообразовательной пары, причем в тех случаях, когда семантика производного слова очевидным образом базируется на значении производящего, например, дёма 'тот, кто обманывает, плутует' — дёмить 'лукавить, обманывать'. Твер., 1855 [6, вып. 7, с. 349].

При моделировании словообразовательных пар необходимо учитывать различные значения производящих. Например, еще одну словообразовательную пару с указанной выше производящей основой горло может составить диалектный глагол горлушить 'лить или пить из сосуда с узким горлом, когда жидкость булькает'. Даль [без указ, места] [6, вып.7, с. 43]. В самом большом толковом словаре русского языка представлены следующие значения слова горло: 1. 'Хрящевой канал, являющийся начальной частью пищевода и дыхательных путей, находящийся в передней части шеи'; 2. 'Пролив, соединяющий залив или внутреннее море с внешним морем; рукав в устье реки' [8, Т. 3, с. 294–296]. Однако там же мы обнаруживаем слово горлан, которое в своем первом значении образует словообразовательную пару с глаголом горланить: горлан 1. 'Крикун' – горланить 'говорить, кричать или петь слишком громко, во все горло'. Второе же значение приводит нас именно к глаголу горлушить: 2. Обл. 'Кувшин для молока, с узким горлом, без ручки и носика' [8, Т. 3, с. 298]. Очевидно, что единицы горлан 'крикун' и горлушить 'лить или пить из сосуда с узким горлом, когда жидкость булькает' представляют собой компоненты лексико-словообразовательной парадигмы, так как появились на основе различных значений производящей единицы горло.

При сопоставлении системы литературного языка и говоров особое значение имеет выявление единиц с когнитивно значимой семантикой. В псковских говорах обнаруживается лексема небывалица 'женщина, никогда не уезжавшая из родных мест' [9, с. 25]. Данная единица не обнаружена в словообразовательных лексикографических источниках русского литературного языка [7, с. 133], однако может составить словообразовательную пару с единицей небывалый в составе словообразовательного гнезда с основой быть. В словаре А.Н. Тихонова отражена единица небывальщина [7, с. 133], однако диалектное слово небывалица - наименование лица, в то время как небывальщина 'то же, что небылица' (в 1-м знач., небылица 1. 'То, чего не бывает в действительности; вымысел') [8, Т. 7, с. 720] по своей семантике соответствует опредмеченному действию. Заслуживает внимания, что единица бывальщина приобретает значение 'то же, что быль, рассказ' [8, Т. 1, c. 717].

Диалектный глагол гораздить (1. 'Строить, стряпать, делать, ладить, придумывать, умудряться'; 2. 'Делать, совершать что-либо плохое или такое, чего не ждали, что явилось неожиданностью для окружающих'. Нижегор.; 3. 'Ударять, бить'. Свердл. (с пометой "экспрессивно") [6, вып. 7, с. 16-19]) интересен своим 2-м значением, так как в этом случае выражает не только действие, но и его дополнительный признак. В "Словообразовательном словаре" глагол гораздить не представлен [7, Т. 1, с. 241]. Однако носителю языка известен глагол угораздить: "Угораздило же меня родиться в этой таёжной глуши..." (С. Довлатов "Заповедник", 1983). Заслуживает внимания тот факт, что если в литературном языке данный глагол известен как безличный, то в говорах его беспрефиксный "оппонент" представляет семантику действия,

как активное проявление воли субъекта. Диалектный глагол в данном конкретном случае своеобразно заполняет хорошо известную и нередко встречающуюся лакунарность грамматического плана в системе литературного языка.

В говорах обнаружена единица со значением наименований лица по значению глагола голодать: голодун 'голодающий человек'. Все ходит, голодует все, голодун. Арх. [6, вып. 6, с. 316]. В "Словообразовательном словаре" представлена единица голодуха [7, Т. 1, с. 237], однако выражает данная единица действие. Наименование лица в рамках лексико-словообразовательного гнезда голод не представлено.

По мнению А.В. Никитевича, "значительная часть диалектной производной лексики должна рассматриваться в рамках не словообразовательного гнезда, но гнезда лексического, включающего в свой состав ряд словообразовательных гнезд, а также одиночные словообразовательные пары" [10]. С учетом наличия в говорах немалого количества слов, образованных лексико-семантическим способом, целесообразно говорить о наличии лексико-словообразовательной пары, члены которой связаны многообразными отношениями лексической мотивации. Примером лексико-словообразовательных пар могут служить корреляты, производящие основы которых обладают семантическим синкретизмом. Например, значение диалектного глагола выщеколдывать 'говорить скороговоркой'. Вят., 1882 [6, вып. 6, с. 63], не выраженное одним словом в литературном языке, предположительно соотносится с единицами щекол*да, щеколдочка* [7, T. 2, c. 411]. Носителю современного русского языка очевидно, что отношений прямой семантической связи между данными единицами нет, но, учитывая значение слова щеколда 'запор для входных дверей, калиток и т. п. в виде пластинки с рычажком' [8, Т. 17, с. 1655], можно предположить возможную ассоциативную связь указанных слов (звук при движении щеколды и четкое, точное произношение).

Производное слово не всегда обнаруживает непосредственную связь производящим. Значение производящего слова, используемое как базовое при создании производного, может подвергаться переосмыслению, метафоризации. Из-за отсутствия прямых лексических соответствий слова, входящие в такие словообразовательные пары, часто лишены отчетливых и ясных мотивационных отношений [3, с. 613–614].

Глаголы деньжать 'быть при деньгах'; деньжаться 1. 'То же, что деньжать'; 2. 'Нуждаться в деньгах, не иметь денег'. Твер., Пск. [6, вып. 7, с. 354], обнаруженные в говорах, также выражают когнитивно значимую семантику, так как в "Словообразовательном словаре" обнаружены только глаголы обезденежить и обезденежеть [7, Т. 1, с. 287]. Значение 'быть при деньгах' в литературном языке одним словом не выражено.

В "Псковском словаре" обнаруживается слово *недовед* 'недостаточность сведений, знаний' [9, с. 86]. В "Словообразовательном словаре" А.Н. Тихонова находим глагол *доведать* [7, Т. 1, с. 143]. Данные единицы могут составить словообразовательную пару.

В говорах встречается глагол дворить, безл. 'Быть, приходиться к месту, оказываться подходящим к каким-либо условиям, требованиям и т. п.' Дворит ему - значит счастливит ему, ему житье хорошее - дворовый любит. Верховаж. Волог. Не дворит – не счастливит, не везет. Сев.-Двин. [6, вып. 7, с. 298]. В "Словообразовательном словаре" данный глагол не обнаружен [7, Т. 1, с. 278]. Носителю современного русского языка не совсем понятна связь глагола дворить с корнем двор. Однако, обращаясь к метатексту данной единицы, можно соотнести глагол не с собственно производящей основой двор, а с лексемой дворовой, которая, кроме значения 'относящийся ко двору' [8, Т. 3, с. 595], имеет следующее значение:

'в древнерусской мифологии недобрый дух, живущий во дворе и по характеру близкий домовому'. С учетом указанного значения слова дворовой семантика глагола дворить становится ясна [11]. Не стоит забывать и о значении фразеологизма приходиться ко двору. Ведь для понимания многих слов необходимо учитывать и культурно-исторический контекст. В словаре псковских говоров зафиксирован глагол неподвориться 'прийтись не ко двору, не с руки' [9, с. 190].

Не всегда легко бывает определить, на базе каких именно значений производящего слова возникло то или иное производное слово. Как известно, объясняется это тем, что в процессе развития языка под влиянием различных (лингвистических и экстралингвистических) факторов лексико-семантические связи между производящими и производными словами могут сильно затемняться или вообще утрачиваться [3, с. 613]. Например, непросто установить производящую основу для диалектного глагола наяснивать 'громко, с увлечением играть на музыкальном инструменте' [9, с. 6]. Можно лишь предположить, основываясь на общности корня, что данный глагол произошел от основы ясный, однако семантическая связь между указанными единицами отсутствует.

Анализ словообразовательных пар как микромоделей в составе фрагментов синтезированных лексико-словообразовательных гнезд позволяет выделить некоторые их типы:

1. По отнесенности производящей и производной единиц к той или иной части речи: а) глагол — существительное (веселить—веселитель, гоствать—гоствание и др.); б) прилагательное — существительное (деликатный — деликатик, вкусный — невкусица, невежий — невежность и др.); в) существительное — глагол (горло — горловить, щеколда — выщеколдывать, деньги — деньжать и др.). Данное основание классификации позволяет увидеть наличие между членами словообразовательных пар отношений как внутричастеречных (не-

вкусный — невкуснящий, деньжать — деньжаться и др.), так и межчастеречных (горло — горлушить и др.).

2. С точки зрения отнесенности к подсистемам русского языка: а) словообразовательные пары, члены которых относятся к разным подсистемам языка (литературный язык – говоры) (голодать – голодун и др.); б) собственно диалектные словообразовательные пары (дёма – дёмиться, деньжать – деньжаться и др.).

Следует отметить, что в ряду данных подгрупп особо значимыми являются лексико-словообразовательные пары, моделируемые на основе общности корневой морфемы и содержащие в составе слова, выражающие когнитивно значимую семантику (небывалый — небывалица и др.). Диалектный глагол в составе подобной словообразовательной пары зачастую заполняет лакунарность словообразовательного, семантического плана в системе литературного языка.

Заключение

Таким образом, анализ взаимодействия таких подсистем русского языка, как литературный язык и говоры, позволяет увидеть, что диалектные единицы обладают большим деривационным и семантическим потенциалом, что дает возможность моделировать собственно диалектные словообразовательные пары, словообразовательные пары синтезированного типа (литературный язык / говоры), а также лексико-словообразовательные пары, связанные отношениями не словообразовательной мотивации, но лексической и представляющие интерес для исследователя как по комбинаторике морфем, так и по специфике выражаемых когнитивно значимых значений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Фатхумоинова**, **В. Г.** Словообразовательная пара в сопоставительном аспекте / В.Г. Фатхутдинова // Вопросы филологии / Известия вузов. — Се-

- веро-кавказский регион, 2006. № 4. С. 93–99.
- 2. *Гейгер, Р. М.* Единицы словообразовательной системы и типы языковых отношений в словообразовательном гнезде / Р. М. Гейгер // Актуальные проблемы русского словообразования: материалы V респ. науч. конф., Самарканд, 12–15 сент. 1972 г. / Самарканд. гос. пед. ин-т; отв. ред. А. Н. Тихонов. Самарканд, 1987. С. 305–306.
- Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Русский язык : в 2 т. / А. Н. Тихонов, Р.И. Хашимов, Г.С. Журавлева и др. ; под общ. ред. А. Н. Тихонова, Р. И. Хашимова. М. : Флинта : Наука, 2008.
- 4. *Никитевич А. В.* Наименования лица по внутренним и внешним характеристикам в составе фрагментов лексико-словообразовательных гнезд / А. В. Никитевич / Языковая личность и эффективная коммуникация в современном поликультурном мире: сб. ст. по итогам ІІІ Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 26–27 окт. 2017 г.: в 2 ч / редкол.: О. И. Уланович (отв. ред.) [и др.]. Минск: Изд. центр БГУ, 2018. Ч. 2. С. 153–160.
- Никитевич, А. В. Деривация и смысл / А. В. Никитевич. – Гродно: Гроднен. гос. ун-т, 2014. – 233 с.
- Словарь русских народных говоров: 1965–2007. – М.; СПб.: Изд-во Академии наук СССР; Институт лингв. исследований РАН. – Вып. 1–42.
- 7. *Тихонов, А. Н.* Словообразовательный словарь русского языка: в 2 т. / А. Н. Тихонов. М.: Рус. яз., 1985. Т. 1–2.
- Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. ; редкол.:
   В. И. Чернышев (гл. ред.) [и др.]. М. ; Л. : АН СССР, 1948–1965.
- 9. Псковсковский областной словарь с историческими данными / под ред. Л. А. Ивашко, И. С. Лутовиновой, М. А. Тарасовой. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2009. Вып. 21. 448 с.
- Никитевич, А. В. Опыт описания фрагмента лексико-словообразовательного гнезда (от литературного

гнезда к диалектам) / А. В. Никитевич // Ф. М. Достоевский в современном поликультурном пространстве : сборник материалов международной научной конференции, Брест — Иваново, 6–7 октября 2011 г. / Учреждение образования "Брестский гос. унтим. А. С. Пушкина"; под общ. ред. Т. В. Сенькевич. — Брест : БрГУ им. А. С. Пушкина, 2012. — С. 141–147.

11. Энциклопедия "Русская цивилизация" [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/russian_history/9932/%D0%94%D0%92%D0%9E%D0%A0%D0%9E%D0%92%D0%9E%D0%99. – Дата доступа: 23.12.2018.

Поступила в редакцию 28.01.2019 г. Контакты: yakell1989@mail.ru (Мамедова Анжела Эдуардовна)

Mamedova A. WORD-FORMATION PAIR AS A COMPONENT OF MODELLING FRAGMENTS OF SYNTHESIZED FAMILY OF WORDS (literary language / dialects).

The article is devoted to the description of word-formation pairs acting as integral components in the simulation of various fragments of synthesized word-formation nests. The comparative analysis of derivational subsystems of the Russian literary language and dialects allows to identify and describe various types of derivational pairs taking into account their formal and semantic features that link the derivational stem and the derivative as well as their position in the corresponding subsystem: derivational pairs belonging to different subsystems of the language; word-formation pairs as a combination of singleroot words with a unit expressing cognitively significant semantics; proper dialect word-building pairs. Comparing the system of literary language and dialects, the identification of units with cognitively significant semantics that do not have a single-word expression in the system of the literary language is of particular importance.

Keywords: word-formation pair, fragments of word-formation nests, dialects, cognitively significant semantics, lexico-semantic variant.

ЮБІЛЕЙНЫЯ ДАТЫ

КАДРОВЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ В НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX – НАЧАЛЕ XXI в.

(к 85-летию образования)

Исторический факультет (ныне историко-филологический) является одним из старейших структурных подразделений вуза. В этом году он отмечает 85-летие со времени образования.

Кадровый состав факультета стал формироваться уже с момента создания и определялся не только требованиями учебного процесса, но и возможностями, которыми обладала наша республика на разных этапах развития. Наибольшие трудности в комплектовании кадров факультет, как и вуз в целом, испытывал в предвоенные годы. Например, перед началом 1937/1938 учебного года на факультете не хватало 4 преподавателей исторических дисциплин, не было даже декана [1, с. 73]. И тем не менее в то сложное время в деятельности преподавателей важное место занимали научные исследования, которые тесно связывались с краеведением (тогда в БССР ему придавалось большое значение). Так, в августе 1936 г. по поручению АН БССР и под руководством доцента В. Тарасенко (он являлся сотрудником Могилевского исторического музея и одновременно преподавал на кафедре пединститута) была организована экспедиция с участием студентов по изучению археологических памятников на территории Могилевского и Шкловского районов (она обследовала 7 городищ и 2 поселения) [1, с. 79].

Более благоприятные возможности для развития факультета, организации научно-исследовательской деятельности преподавателей сложились в послевоенные годы. В это время возросло общее количество преподавателей, стала складываться структура кафедр. На факультете были созданы и почти до середины 60-х гг. действовали две кафедры – истории СССР (зав. кафедрой А.Ф. Мартынов) и всеобщей истории (зав. кафедрой А.И. Козлов). На кафедрах работало 8-12 человек, в числе которых были и кандидаты наук. Правда, структура и состав специальных исторических кафедр неоднократно менялись, они даже объединялись в одну - кафедру истории. Но в конце 50-х гг. она была разделена на две кафедры, при этом на кафедре истории СССР было усилено внимание к проблемам отечественной истории, и она стала называться кафедрой истории СССР и БССР (зав. кафедрой Г.И. Гужвенко, К.П. Петров). Надо заметить, что в послевоенный период, да и в последующие годы, кафедры Могилевского пединститута в значительной мере комплектовались за счет его выпускников. Так, в течение 1945–1955 гг. были оставлены на работе в институте 49 выпускников, в их числе были и выпускники истфака (А.К. Козлов, К.П. Петров, М.Н. Дервоедов и др.). Вместе с тем кафедры факультета пополнялись выпускниками аспирантур, избирались по конкурсу, среди них имелись и высококвалифицированные специалисты. Например, с 1950 по 1954 г. на факультете работал известный ученый, доктор исторических наук, профессор А.П. Пьянков.

Основные направления научных исследований кафедр и в 50-е, и в 60-е гг. были связаны прежде всего с разработкой проблем истории Беларуси, партийной тематикой, а результаты находили отражение в статьях, публикуемых в научных журналах. Преподаватели факультета принимали активное участие и в издании "Ученых записок" Могилевского пединститута, которые начали выходить с 1955 г. В редакционную коллегию этого издания входили профессор А.П. Пьянков, доценты Д.Н. Хонькин и К.П. Петров. В "Ученых записках" (всего вышло 6 выпусков) было опубликовано

8 статей преподавателей истфака. Важным успехом в сфере научной деятельности факультета стало издание книги "Могилев. Исторический очерк". Авторами этого коллективного труда были 6 преподавателей истфака, а Д.Н. Хонькин, К.П. Петров, Г.И. Гужвенко входили в редакционную коллегию. С участием преподавателей факультета также были подготовлены книги "Могилев. Историко-экономический очерк", "Могилевская область", которые были изданы в начале 70-х гг. [2].

В этот же период кафедры факультета стали активно вовлекать в научно-исследовательскую работу и студентов факультета. Этому способствовало создание в середине 50-х гг. в пединституте Студенческого научного общества (СНО). Начиная с 1956 г., в институте, в том числе и на истфаке, стали регулярно проводиться итоговые научные студенческие конференции, конкурсы студенческих работ. Особенно большой интерес студентов факультета вызывали археологические исследования. Большую роль в этом сыграл кандидат исторических наук, доцент Г.И. Ионе, избранный по конкурсу на кафедру истории в 1964 г. (в дальнейшем он стал деканом факультета и возглавлял его до 1975 г.). Именно под его руководством был создан археологический кружок, члены которого участвовали в археологических раскопках и не только на территории Беларуси, но и в ряде регионов Светского Союза. В 1967 г. члены археологического кружка В.Ф. Копытин, Я.Г. Риер и В.П. Осмоловский были приглашены на XIII Всесоюзную студенческую археологическую конференцию в Москву. Члены этого кружка и в дальнейшем принимали участие во Всесоюзных и региональных археологических студенческих конференциях. В 1973 г. на базе исторического факультета Могилевского пединститута состоялась пятая региональная археологическая конференция вузов Северо-Запада и Центральных областей СССР с активным участием преподавателей и студентов истфака (на конференции были представлены студенты 13 вузов) [3]. В научных кружках, организованных при кафедрах, исследовались и другие как общеисторические, так и этнографические и краеведческие проблемы. Результаты этих исследований получали высокую оценку. Например, доклад студента III курса истфака И. Белоусова, с которым он выступил в 1976 г. на Всесоюзной студенческой научной конференции по этнографии, был отмечен дипломом (этот студент был единственным представителем на данной конференции от Беларуси) [4]. Высокую оценку получали студенческие научные работы на республиканских конкурсах. Так, по итогам конкурса 1979/1980 учебного года (на него было направлено 24 работы студентов факультета) 9 работ были отнесены к 1-й категории, 11 – ко 2-й и 4 – к 3-й [5].

Важные изменения произошли в деятельности кафедр в 80-е гг. Развитие факультета, как и института в целом, определялось тогда задачами, вставшими в сфере образования, в том числе и теми, что были вызваны начавшейся в СССР во второй половине 80-х гг. перестройкой всех сфер государственной и общественной жизни. Факультет в это время уже перешел на 5-летний срок обучения и стал готовить не только учителей истории, но и преподавателей правоведческих дисциплин. На факультете тогда продолжали действовать две специальные кафедры – истории СССР и всеобщей истории. При этом кафедра истории СССР (заведующие – Г.И. Волчок (1969–1975), А.Б. Кузнецов (1976–1986), Г.Ф. Лещенко (1986–1987), В.Л. Морозевич (1987–1991)) обеспечивала тогда преподавание истории Беларуси, а также юридических дисциплин. Этим занимался известный тогда правовед, кандидат юридических наук, доцент А.Г. Волченков. В те годы факультет возглавляли Е.П. Кудряшов (1970–1972), ставший затем ректором института, Е.И. Ионе (1972–1974) и П.Ф. Дмитрачков (с 1975 г.). Главное внимание деканата и кафедр факультета в 80-е гг. было сосредоточено на реализации новых учебных планов и программ, повышении профессиональной подготовки студентов. Активно взаимодействовали тогда исторические кафедры с кафедрами

общественных наук, а преподаватели кафедры истории КПСС во второй половине 80-х гг. (в связи с ее упразднением) были вообще переведены на факультет. Среди преподавателей кафедр общественных наук, работавших на истфаке, следует выделить доктора философских наук, профессора И.И. Серову, доцентов М.И. Вишневского, В.С. Лукошко, К.П. Шилко, М.Г. Лысенко, Н.Г. Чеснокова, И.А. Прошлякову, М.А. Маленка, А.И. Канашевича, старших преподавателей Н.И. Годуна, Т.Ф. Балашову.

Новые возможности перед факультетом открылись в 90-е гг., когда шло становление суверенного, независимого государства — Республики Беларусь. Факультет тогда работал по новым учебным планам и готовил педагогические кадры по специальностям "История и социально-политические дисциплины" и "История и иностранный язык". При этом внедрялась многоуровневая система обучения, предусматривавшая возможность получения степени бакалавра. Обучение по этой системе начиналось с ІІІ курса по особому учебному плану, но не получило развития.

Тогда же была осуществлена и определенная структурная перестройка подразделений факультета, появились новые кафедры. Так, в 1991 г. была создана кафедра истории и культуры Беларуси. Она обеспечивала преподавание отечественной истории, историографии истории Беларуси, истории культуры Беларуси, белорусоведения, соответствующих спецкурсов и спецсеминаров, причем не только на истфаке, но и на других факультетах (возглавил кафедру кандидат исторических наук, доцент В.Л. Морозевич). В качестве самостоятельной структурной единицы с начала 1990-х гг. стала функционировать кафедра восточнославянской и российской истории (заведующим кафедрой был утвержден кандидат исторических наук, доцент К.М. Бондаренко). Продолжала действовать кафедра всеобщей истории, которую в 1978 г. возглавил кандидат исторических наук, доцент В.Ф. Копытин. Существенно важным был тот факт, что кафедры факультета были укомплектованы специалистами фактически по всем учебным дисциплинам и большинство из них имели научные степени и звания, их удельный вес в середине 90-х гг. составлял более 70%.

В условиях, когда Беларусь развивалась как независимое, самостоятельное государство, подготовка кадров профессиональных историков стала важнейшей задачей, и она успешно решалась. Как и в советский период, основным источником формирования национальных кадров историков была защита диссертаций. Так, в течение 1991–2005 гг. в нашей стране было защищено более 430 докторских и кандидатских диссертаций по историческим наукам. Основной формой подготовки профессиональных историков оставались аспирантура и докторантура, сохранялось и соискательство. При этом в Беларуси в 1992 г. была создана своя национальная система государственной аттестации научных и научно-педагогических кадров, ее осуществляла Высшая аттестационная комиссия (ВАК) Республики Беларусь. Укреплению и развитию кадрового потенциала белорусской исторической науки способствовали два важных государственных документа: "Концепция государственной кадровой политики Республики Беларусь", утвержденная Указом Президента Республики Беларусь в 2001 г., и программа "Научные кадры", которая была принята Советом Министров Республики Беларусь в 2002 г. [6, с. 9–10].

Новые задачи были поставлены и перед самой наукой, в т. ч. и исторической. Они конкретизировались в Государственных комплексных программах фундаментальных научных исследований в области гуманитарных наук, в рамках которых выделялась историческая проблематика. Эти программы стимулировали научно-исследовательскую деятельность, они финансировались, выделялись специальные гранты.

С учетом происходивших тогда изменений строилась и работа Могилевского пединститута, в т. ч. и исторического факультета. Опыт организации учебно-воспитательной

и научно-методической работы, накопленный институтом, позволил его администрации поставить вопрос о преобразовании вуза в университет, и это предложение получило поддержку Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко – выпускника исторического факультета 1975 г., избранного в 1994 г. главой суверенного белорусского государства. 15 ноября 1996 г. А.Г. Лукашенко посетил институт и встретился с преподавателями и студентами истфака, он не только согласился с предложением создать на базе Могилевского пединститута университет классического типа (а именно эта идея была обоснована), но и поручил Совету Министров Республики Беларусь разработать соответствующую программу преобразований. После чего была осуществлена государственная аккредитация, которую проводила специальная государственная комиссия. По ее результатам 30 июня 1997 г. Постановлением Совета Министров Республики Беларусь Могилевский пединститут был преобразован в университет, ему было присвоено имя А.А. Кулешова.

Получение статуса университета поставило перед коллективом факультета, его кафедрами новые ответственные задачи, и они касались не только совершенствования организации учебного процесса, но и активизации научно-исследовательской и научно-методической работы. Это было важно и потому, что факультет стал готовить кадры по специальности научно-гуманитарного профиля - "История (отечественная и всеобщая)", предусматривавшей специализации. Для решения этих задач открылись новые возможности: расширился доступ к историческим источникам, обновлялись методы исследований, историки стали более свободны в своих методологических подходах в осмыслении прошлого, расширялись научные связи и контакты с учеными других вузов и научно-исследовательских учреждений республики. Они приглашались для чтения лекций перед студентами факультета. С такими лекциями выступали академик Е.М. Бабосов – научный сотрудник Института философии НАН Беларуси, доктор исторических наук Е.Г. Колечиц (ИИ НАН Беларуси), доктор исторических наук, профессор Н.С. Сташкевич (РИВШ БГУ), доктора исторических наук Э.М. Загорульский, И.В. Аржеховский, В.С. Кошелев (БГУ) и др. В конце 90-х гг. на факультете совместно с кафедрой истории и белорусоведения РИВШ БГУ был организован научный семинар "Актуальные проблемы истории".

К началу 2000-х гг. заметно укрепился кадровый потенциал и самого факультета, появилась новая кафедра – археологии и специальных исторических дисциплин, она начала свою деятельность с 1 сентября 1999 г. (возглавил доцент В.Ф. Копытин). В структуру факультета была включена кафедра философии (заведующий – доцент В.В. Старостенко), которая вместе с кафедрами политологии и социологии, экономической теории обеспечивала реализацию государственного образовательного стандарта по циклу социально-гуманитарных дисциплин как на истфаке, так и на других факультетах. В начале 2000-х на факультете имелось 5 кафедр, археологическая лаборатория, 5 учебных кабинетов. В составе кафедр факультета преобладали специалисты, имевшие научные степени и звания. При этом появились и свои доктора наук и профессора. В 1993 г. докторскую диссертацию защитил Я.Г. Риер, в 1995 г. ему было присвоено звание профессора. В начале 2000-х гг. стали докторами наук М.И. Вишневский и И.А. Марзалюк, они же получили и звания профессоров. В 1992 г. в звании профессора был утвержден кандидат исторических наук Г.И. Волчок, а в начале 2000-х гг. – П.Ф. Дмитрачков и П.Г. Лукьянов. Всего на кафедрах факультета тогда работали 2 члена-корреспондента Белорусской академии образования (данное научное учреждение было создано в 90-е гг., но вскоре перестало функционировать), 3 доктора наук, 4 профессора, 24 доцента и кандидата наук, имелись и аспиранты [7, с. 42].

Таким образом, кадровый потенциал факультета качественно усилился, что положительно сказалось на организации научных исследований, а их результаты использовались в учебном процессе. Анализ проблематики научных исследований показывает, что она отличалась актуальностью и связана была как с отечественной, так и всемирной историей, а также с философскими, религиоведческими и культурологическими темами, вопросами методологии и методики преподавания истории и обществоведения. Уже тогда на факультете определились направления исследовательской деятельности, в рамках которых складывались научные школы, получившие развитие в последующие годы и ставшие известными не только в нашей республике, но и за ее пределами. Первая из этих школ стала формироваться в 70-80-е гг. на основе исследований разных аспектов древней и средневековой истории Беларуси с использованием археологических источников. У истоков этой научной школы стояли Г. Ионе, В. Копытин, Я. Риер. Особенно много для ее развития сделал выпускник факультета В.Ф. Копытин, ставший кандидатом наук, доцентом, профессиональным археологом. В результате многолетних полевых исследований им было выявлено и описано огромное количество памятников каменного века Верхнего Поднепровья и собраны материалы для создания археологической карты Могилевской области. Ему удалось обследовать (с участием и студентов) 16 районов области, издать ряд книг и брошюр с описанием более 1850 памятников археологии Могилевщины, открыть свыше 100 новых памятников финального палеолита, мезолита и неолита. Благодаря научным исследованиям В.Ф. Копытина "археологическая наука получила ключевые материалы для понимания культурно-исторических процессов в Восточной Европе в эпоху финального палеолита и мезолита" [8, с. 3]. По личной инициативе В.Ф. Копытина в 1983 г. на факультете была создана и работает проблемная научно-исследовательская лаборатория, на базе которой функционировал центр археологических исследований при Управлении культуры Могилевского облисполкома. Большой вклад в развитие данной научной школы внесли и другие выпускники факультета, ставшие известными учеными, в частности, И.А. Марзалюк и А.В. Колосов. При этом выделен был и еще один важный аспект отечественной истории – этнокультурный, непосредственно связанный с этногенезом белорусов. Его активно разрабатывал И.А. Марзалюк, ставший в дальнейшем доктором исторических наук, профессором, членом-корреспондентом НАН Беларуси. Он автор многих научных работ, обогативших белорусскую историческую науку. В их числе следует выделить монографии: "Людзі даўняй Беларусі: этнаканфесійныя і сацыякультурныя стэрэатыпы (Х-XVII стст.)", "Этнічны і канфесійны свет беларускага горада XVI–XVIII стст. (этнаканфесійны склад насельніцтва, этнічныя і канфесійныя стэрэатыпы беларускіх гараджан)", «Міфы "адраджэнскай" гістарыяграфіі Беларусі». И.А. Марзалюк внес большой вклад в расширение научных знаний и по истории Могилева, его кандидатская диссертация "Mariлёў у XII–XVIII стст. (па матэрыялах археалагічных і пісьмовых крыніц)" была опубликована в 1998 г. в виде монографии. Широко известны и другие его публикации по самым разным аспектам отечественной истории и, в частности, по тем проблемам, которые носят дискуссионный характер. Под руководством ученого было подготовлено и успешно защищено 7 кандидатских диссертаций. И.А. Марзалюк отличается также активным участием в государственной и общественной жизни нашей страны, он был представлен в верхней палате белорусского парламента, являлся сенатором, в настоящее время – депутат нижней палаты – Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь, председатель Постоянной комиссии по образованию, культуре и науке.

Активной научной деятельностью занимался и член кафедры археологии и специальных исторических дисциплин, выпускник исторического факультета А.В. Колосов.

В 2007 г. он защитил кандидатскую диссертацию "Мезолит белорусского Посожья (культурно-хронологическая интерпретация материалов)", стал доцентом. Но не ограничился только преподавательской деятельностью, являлся руководителем экспедиций по изучению памятников археологии на территории ряда районов Могилевской области. В результате было выявлено 530 разновременных памятников, из которых 170 были ранее неизвестны науке. Итоги его научной работы отражены в трех монографиях: "Археологические древности Могилевского Посожья (по материалам экспедиций 2002–2008 гг."), "Палеалітычныя помнікі Беларусі" (в соавторстве), "Финальный палеолит и мезолит Посожья", библиографическом справочнике "Археология каменного века", учебном пособии "Каменный век Беларуси".

При археологической лаборатории создано студенческое научное общество "Археология", организованы проблемные группы по изучению материальной и духовной культуры каменного, бронзового и железного века Беларуси и белорусского Средневековья. Результаты исследований студентов нашли отражение не только в сборниках научных трудов и материалах региональных и международных научных конференций, но и в защищенных диссертациях. Члены студенческого научного общества "Археология" Н.П. Шуткова, Е.П. Королева и А.М. Авласович, успешно окончившие аспиратуру и защитившие кандидатские диссертации, стали преподавателями факультета.

Научные исследования, проводимые преподавателями кафедры археологии и специальных исторических дисциплин, имели важное значение и для развития краеведения, этнографии, экскурсионного дела, которому в нашей республике также стали уделять внимание. Этими вопросами активно занимался кандидат исторических наук, доцент А.Г. Агеев. В 1993–2001 гг. на общественных началах он являлся редактором научно-популярного историко-краеведческого альманаха "Магілёўская даўніна", членом топонимической комиссии при Могилевском горисполкоме, в 2003 и 2007 г. избирался депутатом Могилевского городского Совета. Сфера научных интересов А.Г. Агеева касалась политической истории Беларуси XX в., региональной истории Могилевщины, а также истории Могилевского государственного университета. Всего им опубликовано более 200 научных и научно-методических работ, в том числе 12 монографий и брошюр.

С 2017 г. кафедру археологии и специальных исторических дисциплин возглавляет кандидат исторических наук, доцент М.И. Матюшевская, научные интересы которой связаны с методологией, историографией, источниковедением, историей государства и права. Проблемами религиозно-конфессиональной истории Беларуси занимается член этой кафедры кандидат исторических наук, доцент В.В. Табунов, с 2008 г. возглавляет отдел аспирантуры университета.

Успешно реализовывался кадровый потенциал кафедры всеобщей истории, преподаватели которой обеспечивали чтение лекций и проведение практических занятий по многим важным и сложным дисциплинам древней, средневековой, новой и новейшей истории стран Европы и Америки, стран Востока. Эта кафедра прошла большой и сложный путь становления, но в 60–90-е гг. являлась уже самостоятельной структурной единицей факультета и пополнялась профессионально подготовленными специалистами, среди которых имелось немало выпускников истфака. В конце 60-х гг. кафедру всеобщей истории возглавил кандидат исторических наук, доцент Г.Я. Риер, читавший курс новой и новейшей истории стран Востока, в ее составе были и многие другие кандидаты наук, доценты, а в 1976 г. защитил докторскую диссертацию и заведующий кафедрой В.М. Мельник, возглавивший ее в мае 1973 г. В дальнейшем кафедра пополнилась молодыми преподавателями, выпускниками факультета

П.Г. Лукьяновым, Г.Г. Копытиной, В.И. Поповым, А.В. Атрашкевич, В.В. Борисенко. Преподаватели кафедры были авторами многих научных и научно-методических публикаций, а в конце 90-х гг., когда заведующим кафедрой стал доктор исторических наук, профессор Я.Г. Риер, объектом научных исследований преподавателей кафедры стала фундаментальная тема "История цивилизаций", с которой связаны многие аспекты и проблемы всеобщей истории. Я.Г. Риер – выпускник исторического факультета. Интерес к научным исследованиям в области археологии проявил еще будучи студентом, активно занимался ими как сотрудник Могилевского областного краеведческого музея, а затем и как преподаватель кафедры всеобщей истории Могилевского пединститута, в штат которой был зачислен в 1975 г. В это время сфера его научных интересов расширилась, что нашло отражение в проблематике кандидатской и докторской диссертаций. Кандидатскую диссертацию Я.Г. Риер на тему "Феодальная деревня Могилевского Поднепровья в X-XIV вв. по археологическим данным" защитил в 1980 г. в Институте истории АН Литовской ССР, а докторскую "Средневековая деревня Восточной и Центральной Европы по археологическим данным" в 1993 г. в Институте археологии АН СССР. Результаты научных исследований Я.Г. Риера нашли отражение во многих книгах и статьях (всего опубликовано около 250 работ), в числе которых имеется ряд крупных монографий, учебных пособий по проблематике средневековых цивилизаций, вышедших в конце 1990-х - начале 2000-х гг.: "Очерки истории средневековых цивилизаций" (Могилев, 1997); "Аграрный мир Восточной и Центральной Европы в средние века по археологическим данным" (Могилев, 2000); "Цивилизации средневековья и начала нового времени: опыт структурного анализа" (Могилев, 2003); "История средневековых цивилизаций" в 5 частях (Могилев, 2001, 2002, 2003); "Народы Центральной и Юго-Восточной Европы". Часть 1. "Славяне и их соседи в средние века" (Могилев, 2005); "Локальные цивилизации средневековья и начала нового времени: генезис и особенности" (Могилев, 2016); "Очерки становления средневековых европейских государств в контексте общеисторических процессов: природная среда и социальное развитие" (Могилев, 2016) и др. Научная проблематика, разрабатываемая профессором Я.Г. Риером, во многом определила общекафедральные исследования по истории цивилизаций, которые приобрели актуальность в 1990-2000-е гг. Так, предметом научных интересов профессора П.Г. Лукьянова является новейшая история стран западной цивилизации. Результаты его изысканий были опубликованы в монографиях: "История Совета Экономической Взаимопомощи"; "История Организации Варшавского Договора"; "История Европы. Из опыта интеграционных процессов" (в соавторстве) и в ряде учебных пособий для высшей школы. В рамках общей темы профессорами Я.Г. Риером, П.Г. Лукьяновым и доцентом В.В. Борисенко подготовлены учебные пособия по истории народов Центральной и Юго-Восточной Европы с древности до конца XVIII в. и после Второй мировой войны.

Активной научной деятельностью отличалась и кафедра восточнославянской и российской истории (с 2015 г. – кафедра истории Беларуси и восточных славян). Причем здесь как особое направление исследовательской работы выделилось изучение истории партий и общественных движений в России и Беларуси. Ранее данная проблематика разрабатывалась лишь в контексте зарождения и развития революционной борьбы и той роли, которую в ней играла российская социал-демократия, в особенности партия большевиков и ее преемница – Коммунистическая партия. История КПСС, как известно, изучалась тогда во всех вузах. В 90-е же гг. стала разрабатываться история всех партий и общественных объединений и ряд преподавателей факультета по данной проблематике успешно защитили кандидатские диссертации,

а в дальнейшем и докторские. По сути, складывалась особая научная школа, основы которой были заложены исследованиями доцентов К.М Бондаренко, Д.С. Лавриновича, И.В. Шардыко, А.А. Воробьева. И, надо подчеркнуть, результаты этих исследований внедрялись в учебный процесс. Так, К.М. Бондаренко в начале 2000-х гг. подготовил и издал учебное пособие, в котором отражались материалы разработанного им спецкурса [9]. Константин Михайлович стал автором и многих других научных публикаций, в том числе и "Хрестоматии", содержащей письменные документы и материалы по монархическому движению в России и Беларуси в 1905—1917 гг. В 2010 г. была издана его крупная монография "Правые партии и их организации в Беларуси (1905—1917 гг.)". В ней впервые была предпринята попытка объективной оценки форм, методов и результатов практической деятельности белорусских монархистов, направленной на сохранение традиционных жизненных установок и основ существующего в России строя. В 2016 г. К.М. Бондаренко защитил докторскую диссертацию по изучаемой проблематике, а в 2015 г. ему было присвоено ученое звание профессора.

Большой вклад в научную разработку истории партий и общественных движений в России и Беларуси внес и профессор кафедры истории Беларуси и восточных славян, первый проректор университета Д.С. Лавринович. В 2002 г. он защитил кандидатскую диссертацию на тему "Либерально-консервативная оппозиция в России на пути к власти (июль 1914 — март 1917 гг.)", а в 2013 г. — докторскую "Общероссийские либеральные партии и организации в общественно-политической жизни Беларуси (1905—1918 гг.)", в 2016 г. был утвержден в ученом звании профессора. Автор более чем 180 публикаций (статей, монографий, учебных пособий по разным аспектам истории либерального движения в России и Беларуси). Под руководством Д.С. Лавриновича подготовлены и защищены 4 кандидатские диссертации.

Проблематика истории политических партий и общественных движений стала предметом научных исследований доцентов И.В. Шардыко, А.А. Воробьева, А.С. Мельниковой, возглавившей кафедру истории Беларуси и восточных славян в 2015 г.

В 90-е гг. происходило научное переосмысление и многих проблем советского периода нашей истории. Преподаватели факультета, не отрицая достижений того времени и опираясь на более широкий круг источников, стремились дать объективную, научно-выдержанную оценку советской истории, всех ее периодов, в т. ч. и того сложного времени, которое было связано с Гражданской и Великой Отечественной войнами. По советскому периоду была связана тематика исследований Г.И. Волчка, Н.М. Пурышевой, Т.В. Опиок, С.М. Бычка, Л.А. Ковалевой, Л.А. Сугако и др.

Не будет преувеличением сказать, что исследовательская деятельность кафедр факультета в 2000-е гг. приобрела не только более широкий размах, но была сосредоточена на актуальных и важных по значению научных направлениях, ставших основой трех научных школ: археологическое изучение Могилевского Поднепровья (руководитель И.А. Марзалюк); история возникновения и деятельности политических партий и общественных движений в России и Беларуси (руководители К.М. Бондаренко и Д.С. Лавринович); история цивилизаций (руководитель Я.Г. Риер). Наличие и развитие этих научных школ позволило открыть в университете в октябре 2017 г. докторантуру и Совет по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук по специальности "Отечественная история".

В тематике исследований и научных разработок кафедр факультетов нашли отражение и проблемы методологии, философии, в том числе философии образования. Это направление возглавил доктор философских наук, профессор М.И. Вишневский.

В числе подготовленных им работ необходимо выделить монографию "Философский синтез как мировоззренческая основа образования", изданную 1991 г. Она явилась первым в нашей стране изданием подобного рода. На кафедре философии был издан и целый ряд учебных пособий и другой научно-методической литературы для аспирантов, студентов и учителей. Многие из них были подготовлены совместно с преподавателями исторических кафедр. Преподаватели кафедры обеспечивали чтение многих учебных дисциплин социально-гуманитарных цикла на всех факультетах института, среди которых имелись и выпускники истфака – В.В. Старостенко, О.В. Дьяченко, С.А. Данилевич, ставшие кандидатами наук. Их научные интересы были связаны с историей философской мысли в Беларуси, историей религии и общего религиоведения, конфессиональными проблемами, а результаты исследований находили отражение не только в научных статьях, но и в учебных пособиях. С началом 2000-х гг. было налажено проведение Международной научно-практической конференции "Религия и общество", "Религия, общество, нация". Исторические кафедры организовывали Международную научную конференцию "Романовские чтения" (проведено уже 13 таких конференций).

Следует отметить, что как научная, так и учебная литература, подготовленная преподавателями факультета, базировались на современных теоретических и методологических принципах, отражала новейшие достижения науки и, что также важно, пользовалась спросом студентов и аспирантов. Учитывались потребности и общеобразовательной школы. В условиях, когда Беларусь стала независимым государством, научно-методическое обеспечение учебных заведений необходимыми программами, учебными пособиями становилось задачей государственной важности. Это особенно касалось отечественной истории, которая стала преподаваться как в вузах, так и в специальных и общеобразовательных учебных заведениях. В нашей стране тогда сформулировалась необходимая правовая база для перестройки всей системы образования, были созданы свои учебники и учебные пособия по истории Беларуси и всеобщей истории, а также по обществоведению. Всеми этими вопросами занималась созданная в 1995 г. по распоряжению Президента Республики Беларусь Государственная комиссия, в нее включены были и представители Могилевского пединститута, в частности, доценты П.Ф. Дмитрачков и Я.И. Трещенок (в настоящее время в нее входят также ректор университета профессор Д.В. Дук и профессор И.А. Марзалюк). Преподаватели факультета участвовали в разработке учебных программ по истории для вузов и общеобразовательной школы (П.Ф. Дмитрачков, П.Г. Лукьянов). Доцент П.Г. Лукьянов стал соавтором учебника по всемирной истории для учащихся XI класса. В начале 2000-х гг. по поручению Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко доцент Я.И. Трещенок разработал новую концепцию исторического образования, которая обсуждалась на "круглом столе", состоявшемся в октябре 2003 г. на факультете, с участием заведующих исторических кафедр вузов республики, ведущих ученых ИИ НАН Беларуси. Концепция в целом была одобрена и реализовывалась через учебные программы и пособия. При этом рабочая группа преподавателей истфака, которую возглавил Я.И. Трещенок (после его смерти – Н.М. Пурышева) в составе К.М. Бондаренко, А.А. Воробьева и М.И. Матюшевской подготовила новые учебные пособия по истории Беларуси для средней школы и вузов. Была издана и новая "Хрестоматия по истории Беларуси". В эти же годы активизировалась работа по изданию учебно-методической литературы и по другим вузовским дисциплинам, в том числе и для магистрантов.

Таким образом, научный потенциал кафедр факультета реализовывался в разных сферах исследовательской деятельности. Учитывая изменения, происходившие в обществе и используя складывавшиеся возможности, они направляли усилия преподавателей на разработку актуальных проблем, связывая их с учебными программами исторических специальностей, что положительно сказывалось на профессиональной подготовке выпускников, и были востребованы не только в учреждениях образования, но и в вузах, научно-исследовательских центрах, музеях. Многие становились государственными и общественными деятелями. Среди выпускников факультета тех лет был и первый Президент Республики Беларусь Александр Григорьевич Лукашенко, окончивший истфак в 1975 г. Несмотря на разрушение Советского Союза, острые внутриполитические конфликты, возникшие в начале 90-х гг., в деятельности факультета сохранялась преемственность, обновлялись и расширялись традиции, получившие развитие в 2000-е гг. "Сегодня МГУ имени А.А. Кулешова, – справедливо отметил ректор университета Д.В. Дук, – является крупным региональным образовательным центром по подготовке высококвалифицированных кадров в области исторической науки на всех ступенях высшего и послевузовского образования" [10, с. 791]. Имеются основания утверждать, что 85-летний юбилей станет еще одним рубежом в длительной истории факультета и его коллектив сумеет решить те проблемы, которые касаются совершенствования вузовской системы, сложившейся в республике.

> Кандидат исторических наук, профессор П. Ф. ДМИТРАЧКОВ

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1. Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. А. Куляшова: Мінулае і сучаснасць / пад рэд. М. І. Вішнеўскага. Магілёў, 2003. 260 с.
- 2. **Дмитрачков, П. Ф.** Исторический факультет университета: прошлое и современность (к 70-летию образования) / П. Ф. Дмитрачков // Веснік МДУ імя А. А. Куляшова. 2004. № 2–3. С. 3–15.
- Материалы пятой региональной архелогической студенческой конференции вузов Северо-Запада и Центральных областей СССР. – Могилев, 1975.
- 4. Дзяржаўны архіў Магілёўскай вобласці (ДАМВ). Ф. 927. Воп. 1. Спр. 632. Арк. 20.
- 5. Дзяржаўны архіў Магілёўскай вобласці (ДАМВ). Ф. 927. Воп. 1. Спр. 775. Арк. 96.
- 6. **Дмитрачков, П. Ф.** Современные проблемы изучения истории Беларуси: курс лекций для магистрантов / П. Ф. Дмитрачков. Могилев: МГУ имени А. А. Кулешова, 2018. 212 с
- 7. *Дзмітрачкоў, П. Ф.* Адзін са старэйшых гістарычных факультэтаў ВНУ Рэспублікі / П. Ф. Дзмітрачкоў // Беларускі гістарычны часопіс. 2004. № 9. С. 38–44.
- 8. *Марзалюк, І. А.* Памяці Капыціна Вячаслава Фёдаравіча / І. А. Марзалюк // Проблемы истории и культуры Верхнего Поднепровья : Международная научно-практическая конференция : тезисы докладов, 30 января 21 февраля 2002 г. Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2002 .
- 9. *Бондаренко, К. М.* Политические партии России. Конец XIX первая четверть XX вв. : учебное пособие / К. М. Бондаренко. Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2004. Ч. 1. 172 с.
- 10. Дук, Д. В. Состояние и перспективы развития вузовской исторической науки (на примере Могилевского государственного университета имени А. А. Кулешова) / Д. В. Дук // ІІ съезд ученых Республики Беларусь, Минск, 12–13 декабря 2017 г.: сборник материалов / редкол.: В. И. Семанко [и др.]. Минск: Беларуская навука, 2018. С. 782–792.

ДЫСКУСІЙНАЯ ТРЫБУНА

УДК 2

РИЕР Я. Г.

ТЕОЛОГИЯ – ЭТО НАУКА? КРАТКИЕ РАССУЖДЕНИЯ НА ТЕМУ

На фоне краткого анализа интервью петербургского физика и теолога К. Копейкина рассматривается проблема соотношения теологии и науки. Респондент считает теологию формой познания мира и, одновременно, признанием сложностей этого познания. Автор, признавая такую трактовку, все же отказывается причислять теологию к собственно научным дисциплинам.

Ключевые слова: теология, философия, схоластика, наука, интеллектуалы.

Rier Y.G. IS THEOLOGY A SCIENCE? SHORT REFLECTIONS ON THE TOPIC.

The problem of theology and science correlation is discussed considering an interview with a physicist and theologian from St. Petersburg K. Kopeykin. The respondent treats theology as a form of the world cognition and, at the same time, as the evidence of the difficulties involving this cognition. The author of the article admits such treatment but refuses to rank theology among scientific disciplines.

Keywords: theology, philosophy, scholasticism, science, intellectuals.

Недавно на сайте polit.ru прочитал интервью с кандидатом физико-математических наук, кандидатом богословия, доцентом Санкт-Петербургской духовной академии и, одновременно, директором Научно-богословского центра междисциплинарных исследований Санкт-Петербургского государственного университета, настоятелем храма при указанном университете протоиереем Кириллом Копейкиным. Речь идет о современной теологии¹.

Интервью заинтересовало меня именно рациональным подходом к проблеме. Специалист по квантовой физике рассуждает о наличии Бога через представления о Вселенной, Космосе. При этом мнение о противоположности науки и религии он относит к советской привычке, возникшей в том числе и потому, что наука [очевидно, в современном понимании. – Я. Р.] была привнесена с Запада в Россию Петром I, когда в стране не было даже системы среднего образования, а не только высшего. В итоге наука в России стала восприниматься как нечто чуждое, несовместимое с православием.

Представляется, уважаемый респондент упростил ситуацию. Русские православные люди массами ездили на Запад совершенствоваться в науках и возвращались назад, не теряя своей православной идентичности. Скорее, сыграло роль другое обстоятельство. Средневековые европейские Studia generale вырастали прежде всего из богословских факультетов, в которых сложилась основа университетского образования – схоластика (и как метод получения знаний, и как система знаний, опиравшаяся на принятые в христианстве представления о мире). Представления эти исходили из наличия Творца, создавшего вещный мир со всеми его правилами и функциями. Людям, кстати, тоже Божьими созданиями, оставалось лишь жить в этом мире, а наиболее любознательным – интеллектуалам – стремиться познать его отдельные черты и свойства, чем схоласты – университетская профессура – старательно занимались. При

 ^{1} Современная теология должна измениться. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https:// polit.ru/article/2016/05/28/kopeykin interview/

этом предпочтение отдавалось общим проблемам мироздания, в том числе и потому, что земной, материальный мир по определению преходящ, конечен, смертен (живые организмы) и потому не достоин изучения. Изучать надо вечное, то есть небесное.

Эту максиму обосновал еще в VI в. н.э. римлянин Боэций. Не будучи христианином, но приговоренный к смерти варваром Теодорихом (кстати, по ложному обвинению), он последние месяцы жизни в темнице, в ожидании казни, обращался к непреходящим истинам, противопоставив их скоротечным земным. Само название получившегося сочинения — "Утешение философией" объясняет состояние и направление мысли этого человека.

Представленная концепция обращения к идеальному вполне вписалась в христианские представления, незадолго до Боэция сформулированные другим римлянином —
Аврелием Августином, который в зрелом возрасте разочаровался в материальном мире и после серьезной болезни принял христианство. В своем знаменитом "Граде Божьем" он противопоставил идеальный небесный град земному Вавилону. Августин исходил из отрицания римской потребительской цивилизации, приведшей империю к гибели, в чем опирался на одну из основ христианства — учение греческих стоиков и киников и сложившуюся на его основе концепцию аскетизма — отказ от земных ценностей как греховных.

В сущности, Боэций пришел к тем же взглядам, но с другой стороны: не на основе веры, а с помощью римской рациональности, обосновав в своем трактате круг того, что достойно изучения образованными людьми. Таким образом он обозначил круг тем, которые и стали изучать средневековые интеллектуалы. Тем самым схоластика оказалась замкнутой на общих рассуждениях, составлявших предмет тогдашней христианской философии — богословия. Материальный же мир был выведен за рамки интеллектуального анализа.

Лишь отдельные представители средневековых образованных кругов пытались выходить за эти рамки. Можно вспомнить ибн Рушда², Сигера Брабантского, Роджера Бекона, позднее — Бенедикта Спинозу, признававших, в той или иной форме, параллельное существование божественной и естественной, (природной) среды³. В Новое время в силу естественного интеллектуального развития университетских элит и накопления знаний об окружающем мире предметом их интересов стал материальный мир, живая природа, изучение которой вытеснило из университетов схоластику и придало им современный облик⁴.

Но наличие богословия как формы интеллектуальной деятельности осталось по традиции и, скорее, воспринимается как форма творчества, для которой в университетах есть своя ниша. Тем более что изучение теологических концепций вполне вписывается в общефилософский дискурс, сохранивший в современной высшей школе свой особый статус, что отражается в известной ученой степени – доктор философии (PhD).

Советское общество, продолжает К.Копейкин, выросло на научным атеизме – доказательстве отсутствия Бога. Эту мысль образно выразил в недавнем прошлом известный кинорежиссер Эльдар Рязанов, заметивший, что все мы атеисты по воспитанию: нас с детства убедили, что Бога нет. Естественно, не было его и в университетской

² В Европе известный как Аверроэс, мусульманин, живший в арабской Испании, перенесший аристотелевские принципы в средневековую Европу, дуалист по сути, создавший соответствующую концепцию – аверроизм. Последователем его был христианин Сигер Брабантский.

³ За такие воззрения они и их последователи подвергались различного рода преследованиям.

⁴ Кстати, как подчеркивает сам физик-богослов К. Копейкин, Галилео Галилей был наказан церковью не за поддержку идей Коперника, а вообще за то, что стал что-то доказывать в представлениях о Божьем мире. По замечанию автора, точно так же Галилея могли наказать и за поддержку птолемеева учения, если бы он попытался его научно обосновывать.

среде. Профессиональное религиозное образование оказалось в СССР изолированным от иной интеллектуальной деятельности, что, кстати, сказалось и на его уровне. Не зря наиболее значимые религиозные мыслители в Советском Союзе выходили из круга светских ученых, получая соответствующее образование, и затем проявляли себя в разных научных сферах, как и упомянутый в интервью известный византинист С.С. Аверинцев. Кроме того, нынешние критики включения теологии в систему образования и ученую среду, замечает Копейкин, помня советский опыт, "когда нужно было Маркса и Энгельса цитировать, в том числе и в научных работах", боятся его возвращения, "только вместо людей с красными флагами будут люди в черных рясах".

Однако проблема не только в опасениях появления нового идеологического покрывала на интеллектуальную деятельность. Кстати опасения не беспочвенные, учитывая нашу традицию формировать единомыслие в общественном сознании. Проблема в том, насколько действительно религиозное сознание сопрягается с научным.

Полагаю, едва ли требует доказательств определение науки как системы верифицированных знаний (в разных сферах) и религиозного сознания как формы априорного представления о мире, не требующего доказательств. Максима Тертуллиана "верую, ибо абсурдно" (упрощенный перевод), высказанная почти 2 тысячи лет назад, остается краеугольным камнем религиозного восприятия окружающего пространства.

Респондент углубляется в тонкие сферы познания. Он справедливо указывает на то, что сложные законы мироздания мы наблюдаем изнутри этого мира, а божественное надо воспринимать извне, что, естественно, невозможно, потому и появляется потребность в Боге. Но это – именно то, что отделяет научный поиск от религии, которая формирует целостную картину мира, которую надо принимать как данность, без анализа. И следовать наставлениям Высшего, трансцендентного Существа. Теология, в данном случае, является способом, с помощью научного инструментария (как в средневековой схоластике), обосновать для интеллектуалов то, что для обычных верующих и так понятно, как образно сформулировал еще упомянутый Тертуллиан.

Респондент сообщает, что, придя к вере, он обрел цель жизни. Очевидно, как и многие ученые-естественники, углубившись в познание материи и увидев ее реальную неисчерпаемость, он стал искать точку опоры. Вспоминаются слова одного физика: "мир столь совершенно организован, что нельзя представить его без Творца". Думается, в этом проявляется определенный страх перед бездной, которую представляет собой материальный мир. Действительно, как реально представить бесконечность Вселенной? А бесконечность микромира, для изучения которого физики придумывают все более изощренные методы и дорогостоящие приборы?

Может, правы пантеисты: Бог во всем. Кстати, это одна из концепций суфиев (суфитов), за что в исламе к ним относятся весьма критично. Образно такое представление продемонстрировано в фильме Андрея Тарковского "Солярис", где мыслящая материя изображена в виде некоего аморфного океана. Но именно материя, которая, однако, доступна изучению. Естественно, при наличии соответствующих инструментов. Оглядываясь на историю человеческого познания, можно увидеть прогрессирующее развитие этих инструментов. Хотя, вероятно, исчерпать бесконечность мира невозможно: познание также бесконечно, что, очевидно, ставит многих интеллектуалов в тупик.

Теология же устанавливает предел познанию, замыкая его на Высшем Разуме и ограничивая возможности человеческого интеллекта. Поэтому, полагаю, по большому счету, если теологию считать наукой, то только в историографическом аспекте, как способ и форму изучения истории религиозной мысли.